UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324852 3

PG
3470
Z23
1922
Κλ.7

646696
30.11.56

Zaitsev. Boris Konstantinovich

БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Sobranie sochinenii

КНИГА VII

kn. 7

ИЗДАТЕЛЬСТВО З. И. ГРЖЕБИНА
БЕРЛИНЪ — ПЕТЕРБУРГЪ — МОСКВА
1923

БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ

ИТАЛІЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО З. И. ГРЖЕБИНА
БЕРЛИНЪ — ПЕТЕРБУРГЪ — МОСКВА
1923

Alle Rechte, einschließlich des Übersetzungsrechtes, vorbehalten.

Copyright 1923 by Z. J. Grschebin Verlag, Berlin.

Вѣрѣ Алексѣевнѣ Зайцевой.

Предлагаемая книга названа мною Италія. Это значитъ лишь, что все въ ней — объ Италіи. Но не надо ждать исчерпывающаго отъ замѣтокъ и воспоминаній, написанныхъ въ уединеніи и, преимущественно, для себя.

Очерки — разнаго времени. Есть очень юные, большинство же недавніе. Потому въ книгѣ и неровно слово, и кое что вообще по другому написалось бы теперь. Авторъ оставилъ, однако, почти неизмѣненнымъ прежнее. Излишне говорить здѣсь, чѣмъ обязанъ онъ Италіи.

11 сентября 1922 г.

ВЕНЕЦІЯ

На твоей зыбкой, таинственной землѣ, Венеція, впервые слышитъ путникъ голосъ, видитъ обликъ, ощущаетъ духъ Италіи. Къ тебѣ приходишь ночью. Увитая туманомъ легкимъ, въ безоблачности каналовъ, ты — чудо задремавшее. Твоя стихія-божество, вода, нѣжно струится за весломъ гондольера; узкая, черная гондола! Образъ изящества, траурной женщины, темнаго призрака, въ туманѣ бредущаго. Стройный ея повелитель, дожъ гондолы, налегаетъ на кормѣ, гибкимъ силуэтомъ на весло гибкое; лишь влажное шуршаніе воды, да смутно проплывающіе очерки домовъ дадутъ понять, что ты въ движеніи.

Вотъ мостикъ. Мы проходимъ подъ него; по немъ, слегка постукивая каблучками, пробѣгаютъ ножки; увидишь двѣ фигуры въ шаляхъ, знаменитыхъ zendaletto. Это дѣвушки венеціанскія, династія такая-жъ древняя, какъ древенъ гондольеръ. Тамъ, неподалеку, таверна съ розовыми фонарями; и заѣзжіе матросы, рыбаки, ремесленники веселятся въ ней и пляшутъ подъ раскаты тамбурина.

Снова тихо. Каналъ сонный; сонный плескъ встрѣчной гондолы, мягкій окликъ, мягкій отвѣтъ, черный и тонкій грифъ, будто привѣтствующій кивкомъ плавнымъ. Деревцо, нежданно свѣсившееся изъ расщелины; новый мостъ, жаркая перебранка на немъ — и запахъ влаги, плѣсени, дыханіе морей, тонкое плетеніе тумана, смутныя видѣнія домовъ, плывущихъ, все плывущихъ, медленно-беззвучно.

Таковъ первый твой покровъ — Ночи.

* *
*

Но солнце его сниметъ. Солнце разодѣнетъ тебя, раннимъ утромъ, въ золотыя облаченія, и весь день будешь ты сіять, искриться и переливаться нѣжно-пламенными тонами, подъ нѣжной бирюзою неба.

* *
*

Утро въ Венеціи это — — — — — — — — — —

Низкая комната старенькой гостиницы, временъ Гольдони, бѣленькія занавѣски, кисейный пологъ надъ постелью; золотой лучъ, выбившійся въ щелку жалюзи, два-три москита, сѣвшіе на кисею, жаждущіе къ тебѣ приникнуть.

Отворенное окно прямо на крышу. Старыя черепицы съ кустиками травы; котъ, выгнувшій хвостъ, бредущій между черепицами за утреннею птичкой. Бѣлье, сіяющее въ солнцѣ, на веревкѣ, на острой синевѣ неба. Утренняя свѣжесть, и прохладно-влажная голубизна воздушнаго напитка. Легкій очеркъ сѣверной кампаниллы.

Утро продолжается. Сойдешь на площадь и подъ Прокураціями сядешь передъ столикомъ кафе, на вольномъ воздухѣ, подъ золотымъ венеціанскимъ солнцемъ. Будешь пить тамъ кофе изъ огромной чашки. Легкая толпа снуетъ вокругъ. Двѣ стройныя венеціанки, все въ тѣхъ-же черныхъ шаляхъ, пробѣгаютъ черезъ площадь, къ Torre del Orologio, гдѣ два великана ежечасно ударяютъ въ колоколъ. Знаменитые голуби сизою стайкой толпятся передъ входомъ ко Святому Марку, и всегдашняя иностранка, въ бѣломъ платьѣ и шляпѣ соломенной, кормитъ ихъ. Голуби вьются легко, беззаботно! Это маленькія божества Венеціи, скромные покровители города, смутно и безконечно воркующіе; мягко отблескивающіе шелками крылъ своихъ, съ сухимъ трескомъ взлетающіе.

А за ними пятикупольный, древне-великолѣпный, выложенный мозаиками, золотомъ, драгоцѣнностями, въ го-

лубомъ утреннемъ туманѣ сіяетъ Св. Маркъ, полуготическій, полувизантійскій, запутанный, роскошный, столь венеціанскій... но насколько *христіанскій*? Это намъ невѣдомо. Но его ризы солнечны; его камни отливаютъ радугой; онъ воплощенный пышный храмъ, обликъ Венеціи, древній, но и живой, лишенный холода. Все въ немъ живое — и сама прохлада, будто влажность воздуха подъ его сводами, и выхоженныя мозаики половъ, и въ старинѣ своей сѣдѣющія панникадила, тонущія въ тяжкой роскоши; и гигантскія мозаики по стѣнамъ, какъ ковры растопленнаго золота; и таинственный, и разноцвѣтный сумракъ грандіознѣйшей розетки.

На зыбяхъ стоитъ Санъ-Марко, на зыбучихъ хлябяхъ. Кой-гдѣ онъ осѣлъ, его поддерживаютъ. Не совсѣмъ полы ровны, и иной разъ покажется — да не выступитъ-ли влага изъ-подъ плитъ каменныхъ; и не рухнетъ-ли обветшалый старецъ, въ ризахъ самоцвѣтныхъ и тіарѣ?

Но старецъ непоколебимъ. Купола его побѣлѣли, какъ сѣдѣютъ волосы. Шпили ихъ вознеслись. Бронзовые кони на порталѣ все летятъ, летятъ, и сквозь голубое утро все слѣпятъ в лучахъ мозаики фасада.

Сіятельная Венеція! Городъ давняго великолѣпія, славъ отшумѣвшихъ, вкушенныхъ наслажденій, сыгранныхъ торжествъ. Свѣтлымъ маревомъ ты вознесся надъ тіарами дожей, надъ парчей, жемчугами, пышностью Веронеза и величіемъ Тиціана.

* *
*

Золотой медъ съ золотистыхъ цвѣтовъ собирали художники Венеціи. Только и знали: нѣгу глаза, переливы шелковъ, блескъ камней, теплоту тѣла свѣтлаго, радость и пестроблестящій нарядъ бытія. Если и души звучали — Джорджіоне — то во мглѣ жаркой, златонасыщенной. И меланхолія Джорджіоне вся въ рамѣ Венеціи, въ ея

тонахъ, ея плывучести. Тиціанъ непоколебимъ. Никакой громъ не смутитъ его Зевесову голову, Зевесово изобиліе и плодородіе. Какъ стихійный сѣятель, великанъ *живого* онъ проходитъ въ жизни и развѣиваетъ свѣтъ свой, и свою улыбку, ясную и полновѣсную. Ни смерти нѣтъ, ни драмы, ни элегіи. Легендарный онъ старикъ со свѣтлыми, *прохладными* въ прозрачности глазами. Веронезъ разстилаетъ шелка — блѣдно-зеленѣющіе, и синѣющіе, персиковые, жемчуговые. И лишь Тинторетто закипаетъ. Лишь его духъ бурливый не вполнѣ вошелъ въ золотой дымъ Венеціи. Кажется, чрезмѣрно умны дожи бородатые, и сенаторы его портретовъ.

* *
*

На картинахъ Карпаччіо зеленоваты воды Венеціи. Гондолы у него, мостъ Ріальто (тогда деревянный), съ подземною серединой. Сколько трубъ надъ домами! Въ тихой комнатѣ Академіи тихій, простой и славный Карпаччіо, еще не пышно процвѣтшій, но влажный, морской, свой Венеціанскій Карпаччіо.

Я знаю, и люблю его Георгія, разящаго, въ церкви S. Giorgio degli Schiavoni. За что люблю, не знаю. Мнѣ онъ милъ, какъ сама церковка, день вечерѣющій, свѣтло-золотѣющій, какъ молодость моя.

* *
*

Кто-бы ни писалъ Венецію, скромные, мощные, бурные, золотые, точные — никто не могъ не писать празднествъ ея и нарядовъ. Въ нарядахъ родилась Венеція, въ нарядахъ смертный часъ свой встрѣтитъ. Бѣдный, богатый-ли, роскошь, простота — всѣ здѣсь не любятъ, думается, *будничнаго*. Все живетъ свѣтомъ, блескомъ; изяществомъ, лаской любви, пѣсней, мгновеніемъ. Бываетъ дождь въ Венеціи; смутно купается она въ туманѣ, но лишь затѣмъ,

чтобъ ярче возблеснуть при солнцѣ. И хмурости не угнетутъ народа мягко-сладострастнаго, изящнаго, о, сколь живого!

Зимою мѣсяцами длились карнавалы въ Венеціи умершей. Умерла, но жива. За одной выросла другая, и путешественникъ узнаетъ сразу, что весь смыслъ, девизъ и пафосъ города есть празднество.

Какъ для Венеціи подходитъ — кого нибудь встрѣчать, привѣтствовать, устраивать банкеты, торжества, балы! Нѣкогда дожи выѣзжали на море, на Буцентаврѣ, въ драгоцѣнныхъ облаченіяхъ, съ пестрою флотиліей патриціевъ — обручаться съ Адріатикой. Дожъ представлялъ собой Венецію. Онъ заключалъ таинственный союзъ съ божествомъ влаги, именемъ златоволосой царицы. Теперь нѣтъ дожей, нѣтъ и обрученій. Но я помню пальбу пушекъ, рѣющіе флаги на бѣлѣйшихъ крейсерахъ, разукрашенную набережную, разубранные катеры, и музыку, гремѣвшую и днемъ и ночью въ честь сіятельныхъ какихъ-то лицъ, пріѣхавшихъ въ Венецію.

Если-бъ и никого не было, все равно — яркая, праздничная толпа безъ устали блуждаетъ въ Прокураціяхъ, по Мерчеріи — узенькой, живѣйшей улочкѣ, передъ витринами ювелировъ, знаменитыми хрусталями, бокалами, кружевными сервизами; ожерельями и браслетами, зеркалами съ Амурами, жемчугами, златотисненными кожами, нѣжносіяющими раковинами. Красота, роскошь, женщина — все для нея. И вѣрно, самый даже Дворецъ Дожей, въ каменныхъ сквозныхъ узорахъ, такъ-же возстаетъ для женщины, какъ и тончайшіе туманы, млечные пути изъ кружевъ, что вяжутся венеціанскими плетельщицами.

И вновь: златонасыщена Венеція! Какими сложными, изящными разводами вплетаетъ она золото въ шагрень, въ рисунки на бокалахъ, въ вазы хрустальныя; какъ нѣжно выковала изъ него ухищренныя ожерелья, какъ

блеститъ оно на ручкахъ креселъ и въ извивахъ рамъ на потускнѣвшихъ, все еще прекрасныхъ зеркалахъ. Не имъ ли залиты прически тѣхъ прославленныхъ красавицъ Тиціана, Пальмы, Джорджіоне?

Сіять, лучиться, таять въ свѣтѣ! Вотъ дыханіе Венеціи. Блистать — и насладиться лучезарностью.

* *
*

Если и нѣтъ пышныхъ празднествъ, то на Лидо, узенькой косѣ песчаной, гдѣ отмели, купальни, цѣлый день подъ бѣло-вскипающій, темнолазурный плескъ моря таже плещетъ толпа, та-же молодость, красота, тѣни шляпъ гигантскихъ, кружева, бѣлизна, смѣхъ . . . Мягкій вѣтръ, мощно-соленый, душитъ ласково; вздымаетъ снѣговыхъ коней, обдаетъ тонкою пылью водной. Парусъ оранжевый ныряетъ въ морѣ. У канатовъ пляшутъ на волнахъ купальщики, мелькаютъ красные чепцы, наряды женщинъ, бороды мужчинъ. Въ кабинки входятъ и выходятъ; и тѣла юныя, веселясь, рѣзво вбѣгаютъ въ волны, съ хохотомъ, навстрѣчу свѣтлымъ божествамъ прозрачности, въ царство Тритоновъ, Амфитритъ, винокипящихъ Посейдоновъ съ грозными трезубцами.

Подъ вечеръ пароходики, по водамъ розовѣющимъ лагуны, отъ морского шума, брызгъ Нереидъ, пѣны шампанскаго въ ресторанѣ, на пляжѣ, отъ золота ликеровъ, блеска глазъ несутъ къ Венеціи, мимо задумчиваго островка Санъ-Джорджіо съ тонкою, остроугольной кампаниллой.

И въ этотъ вечеръ, какъ и во вчерашній, завтрашній, сине-синѣющая ночь сойдетъ къ Венеціи, одѣнетъ площадь Марка, кружевной Палаццо Дожей, и всегдашній праздникъ засвѣтитъ кафе подъ Прокураціями, какъ раму для иллюминаціи. Ночь. Столики полны. Бѣломраморна площадь, оцѣпленная дворцами, съ уснувшимъ храмомъ Марка. Толпа легкая, беззаботная, въ бѣлыхъ платьяхъ,

снуетъ подъ синимъ небомъ со звѣздами, толпа полупризрачная въ смѣшеньи бѣлыхъ, синихъ, фіолетовыхъ тоновъ. Музыка на эстрадѣ.

Что ощущаетъ человѣкъ, въ синій вечеръ венеціанскій, проходя по площади Святого Марка? О чемъ скажетъ ему напѣвъ скрипокъ, благоуханіе духовъ, звѣздъ мерцанье? Отчего нѣжная меланхолія, слабый стонъ все яснѣй слышится въ словахъ, и горькой складкой проникаетъ душу? Душа взволнована, легко возбуждена, но среди блеска празднества сочитъ сердце грусть вѣчную. Привѣтъ, привѣтъ! Промчатся дни, часы очарованій, и отъ колдовской Венеціи слабый слѣдъ забѣлѣетъ, какъ въ небѣ серебро за пролетѣвшею кометою. А та комета — жизнь — уноситъ, все уноситъ.

О, сколь мгновенны, и сколь блѣдны тѣни, что въ іюньскій, милый вечеръ ходятъ, разговаривая, въ праздничной толпѣ Пьяцетты!

* *
*

Давнее, всегдашнее дитя Венеціи — ночная гондола.

Еще при Гете былъ обычай — гондольеры пѣли стихи Тассо, Аріосто. Они чередовались. Одинъ подхватывалъ конецъ другого, и цѣпляясь цѣпью безконечной, звуки отдавались изъ конца въ конецъ Канале Гранде.

Этого нѣтъ больше. Но какъ всегда, и теперь тѣми-жъ вечерами везутъ влюбленныхъ легенькія гондолы; гондольеръ напѣваетъ, и бываютъ разукрашены тѣла сиренъ скользящихъ — и концерты на ночной водѣ Венеціи — не рѣдкость.

Выплываетъ маленькая барка на Большой Каналъ. Можетъ быть, пріукрашена цвѣтами. И навѣрно ужъ иллюминована. Разноцвѣтные фонарики, бумажные, или стеклянные, образуютъ издали сіянье дымно-розовѣющее, слабо отблескивающее. Скрипки, тамбурины, и напѣвы простыхъ пѣсенъ итальянскихъ, столь любезныхъ ночью,

на водѣ, или въ гитарѣ пѣвца уличнаго, звуки нехитрые, къ себѣ сзываютъ. Изъ далекихъ мѣстъ, съ Ріальто и Джудекки, Санъ Джіорджіо и Рива Скіавони выползаютъ гондолы, стремятся къ освѣщенному плоту. Гондольеры окликаются негромко. Молчаливы иностранцы, парами, глубоко засѣдающіе на сидѣньяхъ. А просмоленные бока и металлическіе грифы все кланяются на водахъ, кивають, слабо, нѣжно, шелестя, позванивая.

Концертъ оконченъ. И соскочитъ древній комедіантъ съ плота, съ чашкою артиста странствующаго, и креня гондолы, легко перебѣгаетъ отъ одной къ другой, сбирая — подаяніе-ль? Иль гонораръ?

Но, наконецъ, дань собрана. Пѣвцы уѣхали, разбрелись слушатели — путями водными. Если теперь сказать: „На Лидо!“ или: „къ Санъ Джіорджіо!“ то чернобархатная, какъ-бы похоронная ладья путемъ невѣрнымъ, зыбкимъ, станетъ отдаляться отъ Венеціи, на лоно водъ. Отъ пѣнія, огней, одушевленья ничего ужъ не останется. Все дальше, дальше замерцаютъ отраженія огней, все шире развернется небо съ звѣздами, и дальній, влажный донесется вздохъ морей — вѣяньемъ сыро-пахучимъ. Ничего нѣтъ! Ни дворцовъ, ни роскоши, ни празднествъ, ни людей, ни легкихъ ихъ любвей, ни обаяній свѣтлаго покрова. Темною мантіей ночь раскинулась. Гдѣ-жъ ты, прозрачная, улыбчивая?

Нѣтъ острѣе ночной меланхоліи Венеціи, какъ нѣтъ ярче дневного ея очарованія. Нѣтъ пронзительнѣе контраста, между золотомъ Тиціана и волной хаоса, межъ вихремъ бала, блескомъ роскоши и молодости, красоты, плескомъ пѣнящагося вина, игрой улыбокъ, нѣжностью движеній и великой безглагольностью полночныхъ водъ.

Венеція, двуликая, остро-разящая, радостно-скорбная — memento mori надъ всегдашнимъ карнаваломъ жизни.

15 іюля 1920.

ГЕНУЯ

. . . Это была великолѣпная Генуя.
Гоголь.

Смыслъ, сердце Генуи — море. Морю, и знаменитой гавани — ей удивлялся въ своихъ письмахъ еще Эней Сильвій Пикколомини — Генуя обязана богатствомъ, славой, благоденствіемъ. „Она лежитъ на холмѣ, надъ которымъ господствуютъ еще дикія горы", говоритъ Эней Сильвій. Нельзя сказать, чтобы горы вокругъ были очень высоки; да не особенно онѣ сейчасъ и дики. Но главное: городъ надъ полукружіемъ залива, городъ-господинъ залива, господинъ своей солнечной и веселой страны — это осталось. Такъ въ существенномъ не измѣнилась и душа города съ тѣхъ поръ, какъ изящный гуманистъ, секретарь кардинала Капраника, будущій папа Пій II, видѣлъ Геную въ мартѣ 1432 года.

Старый міръ не знавалъ еще тогда Америки, но уже въ Генуѣ видѣлъ Пикколомини товары изъ Индіи и Персіи. Не было еще океанскихъ гигантовъ, но ужъ онъ удивлялся кораблямъ, „огромнымъ какъ горы, съ тремя рядами веселъ". Эти корабли и море это — тогда такое же сиреневое въ мартѣ, подъ яснымъ солнцемъ, какъ теперь — эти корабли и приносили Генуѣ богатство. И вѣрнѣй, купцамъ генуэзскимъ, бойкой, ловкой, грубоватой и безжалостной династіи, державшейся здѣсь лѣтъ пятьсотъ, понастроившей дворцовъ, памятниковъ, театровъ, биржу, кладбище и прочая, все во славу жизни яркой, сытой, не духовной.

Февраль, солнце. Цвѣтетъ миндаль бѣлыми, нѣжными цвѣточками на еще нагихъ вѣтвяхъ. Цвѣтутъ розовымъ персики. Апельсины золотѣютъ въ темнозеленой зелени, и сладко пахнутъ, пригрѣваемые солнцемъ. За серебристыми оливками, змѣящимися, мелко-трепещущими листвой — море сиреневое. Воздухъ мягкій и вольный, и синеватыя тѣни по холмамъ. Тѣни, бредущія какъ облака, безъ конца и начала. Это Лигурія, *страна* Генуи. Войдемъ въ самый городъ. Онъ кипитъ и шумитъ, неугомоннымъ, мажорно-солнечнымъ шумомъ. Всѣ какъ будто здѣсь крѣпки и веселы. Всѣ овѣяны воздухомъ морей дальнихъ, солнца, бодрости, неугасимой жизненности. Всѣ-ли тутъ счастливы? Вопросъ странный, но онъ напрашивается. Не тѣ, кому трудно, мучительно, задаютъ тонъ жизни; этотъ тонъ — торжествующій и ликующій. Я ходилъ по тѣмъ старымъ, узкимъ улицамъ города, что „омываются моремъ". Я видалъ тѣсноту городовъ Италіи, но нельзя-же не удивляться этой: четырехъ-пятиэтажные дома сидятъ другъ на другѣ. Сыро, вонюче, и лучъ солнца — золотое счастье, но минутное. И я видѣлъ ремесленниковъ, работавшихъ въ подвалахъ; къ окнамъ придѣланы у нихъ отражатели, ловящіе милый свѣтъ съ узенькаго клочка голубого неба; этотъ свѣтъ отсылаютъ они труженику, чинящему какой-нибудь каблукъ, или штопающему штаны. И труженикъ поетъ, смѣется, заигрываетъ съ проходящими дѣвицами . . . онъ *живетъ*, несмотря ни на что. Зеленая плѣсень на стѣнахъ этихъ домовъ старыхъ; ржавыя, коричневыя пятна ихъ изъѣли, и на протянутыхъ веревкахъ сушится бѣлье; а сверху, съ четвертаго этажа спускаютъ корзиночку за припасами, за письмомъ отъ почтальона, ведро за водой. Надъ всѣмъ этимъ неумолчный говоръ, смѣхъ дѣвушекъ, постукивающихъ деревянными башмачками — древнее, неугомонно-огненное сердце Италіи. А еще ниже, ближе къ морю — кабачки, таверны, матросы, гавань, бочки, краны

подъемные, рощи мачтъ и рей, между ними свободныя полосы, серебрящіяся будто рѣки, уводящія въ море дальнее, безпечальное; и по нимъ, дымя, застилая синеву неба сизо-темнѣющими космами, медленно проплываютъ корабли. Глядя на раскинувшійся портъ Генуи, можно мечтать объ Индіи, Австраліи, о Цейлонѣ, непонятныхъ языкахъ, темноцвѣтныхъ людяхъ, объ Азіи загадочной и какъ міръ древней, объ Африкѣ, Тунисѣ, Карѳагенѣ.

Желаніе безпредѣльнаго, географическая мечта разгорается. Недаромъ Колумбъ былъ отсюда родомъ. Вѣрно, и его манили безпредѣльныя эти морскія дороги, протянувшіяся изъ генуэзскаго порта. И по тѣмъ самымъ путямъ, что въ его время представлялись безуміемъ, фантазмой, теперь спокойно идутъ корабли съ эмигрантами изъ Генуи, съ углемъ, хлѣбомъ — въ Геную

Но подымемся выше, отъ моря и стараго города къ городу новому, явно преуспѣвающему. Здѣсь уже нѣтъ закоулковъ, трущобъ. Улицы ясныя, широкія, звенитъ трамвай, толпа снуетъ, дома богатые, не столь изящные, но прочные. Кажется, Генуя архитектурой никогда не славилась. Хотя претензіи есть. Есть *шикарная*, но грубоватая биржа, есть театръ, тоже пышный, но не замѣчательный. Безконечныя галлереи, столь любимыя въ Неаполѣ, Миланѣ — мѣста торговли нехитрой, но оживленной. Видя дома, зажиточные и богатые, но не привлекающіе; людей живыхъ, бойкихъ, но безъ того изящества породы, что въ Тосканѣ, Лаціумѣ; слыша языкъ — знакомый звукъ Италіи, но какъ-то огрубленный въ непонятное нарѣчіе genovese: чувствуешь, и скажешь: это Италія, все это Италія, но въ одномъ лишь ея обликѣ, томъ, что можно назвать Афродита Пандемосъ, Афродита простонародная. Ибо нѣтъ здѣсь утонченности, высокой печати духовной культуры. Пикколомини находилъ, что въ Генуѣ „церкви не достойны такого города“. Онъ былъ правъ. Въ Генуѣ мало храмовъ, и они мало замѣчательны.

Ея соборъ — перепѣвъ, и несильный, тосканскихъ соборовъ. Въ ея дворцахъ мало сохранилось художества; генуэзскіе купцы, въ противность флорентійскимъ, мало занимались искусствомъ, больше торговлей морской да нарядами своихъ женщинъ. Не слыхать также о „гуманизмѣ въ Генуѣ", какъ о гуманизмѣ Флоренціи, Феррары или Рима. Здѣшніе корабли охотнѣе возили ткани, индиго, серебро, чѣмъ рукописи древнихъ изъ Эллады.

Есть черты, сближающія Геную съ Венеціей: морская республика, дожи, торговля всесвѣтная, борьба за господство на водахъ, олигархія, духъ замкнутости и эгоизма — но все это грубѣе, простонароднѣй, чѣмъ въ Венеціи. Нѣтъ, и никогда не было надъ Генуей того золотистаго ореола, какой дали Венеціи Санъ-Марко, Джіорджіоне, Тиціанъ, нѣжно-туманные каналы, свѣтлая Адріатика. Нѣтъ въ Генуѣ жемчужности, серебристой обольстительности тоновъ лагуны, нѣтъ виллъ палладіанскихъ по окрестностямъ, и никакой Бембо не писалъ въ отрогахъ лигурійскихъ горъ своихъ Asolani. Генуэзскій купецъ побѣдилъ Пизу при Мелоріи, въ 1284 г.; на костяхъ гордой и мрачной гибеллинской Пизы вознесся, но никогда не досягнуть ему до венеціанскаго патриція, какого-нибудь Марка Антоніо Барбаро — дипломата, ученаго придворнаго, друга Палладіо и Веронезе. Въ купцѣ генуэзскомъ, какъ и вообще въ генуэзцѣ, крѣпко засѣлъ, вѣроятно, дикій лигуръ и дикій лангобардъ. Кровь яркая, горячая, дѣтище горъ и ущелій Ривьеры, заросшихъ южной сосною, оливками, дубомъ, мало поддающаяся духовному воздѣлыванію.

Ahi Genovesi, uomini diversi
D'ogni costume, e pien d'ogni magagna,
Perchè non siete voi del mondo spersi?

Столь сурово окрестилъ ихъ Данте. Правда, ни Пизанцевъ, и ни Флорентинцевъ онъ не пощадилъ; но,

конечно, есть нѣчто въ сердцѣ Генуи, что вздымало праведный его гнѣвъ.

— Мы богаты, сыты, довольны. Мѣра всѣму — деньга. Нѣтъ иного Бога, кромѣ оттиснутаго на золотомъ цехинѣ— таковъ какъ-бы внутренній девизъ Генуи.

— Море, корабли, гавани, дальнія страны, рабы, золото Африки, слоновая кость Судана, рабы Малой Азіи, попутные вѣтры, океанъ, путь въ Америку — все это для насъ, жестокихъ, жадныхъ, сладострастныхъ генуэзцевъ. Мы выстроили свой городъ на чудесномъ мѣстѣ, въ золотой гавани, на амфитеатрѣ холмовъ. Наши женщины мало стыдливы, но прекрасны, и наряды ихъ спорятъ съ венеціанскими. Наши дворцы богаты, наши блюда обильны. Мы хотимъ жить, жить, въ насъ безмѣрная, южная жажда жизни!

— А смерть? А великій мракъ и хладъ могилы?

— Мы богаты. Мы построимъ себѣ пышные саркофаги, мы закажемъ духовенству непрестанныя молитвы за упокой душъ нашихъ, и мы, добрые купцы, надѣемся, что [illegible]въ той жизни увидимъ Рай и избѣжимъ Ада.

Слава купца, преклоненіе предъ богатствомъ въ Генуѣ чрезвычайны. Помню памятникъ, на одной изъ площадей — памятникъ скромному генуэзскому поэту. Надпись такая (приблизительно): „N. N., который былъ хорошимъ поэтомъ и добрымъ негоціантомъ Генуи“. Или на Campo Santo: „X. Z., отъ благодарныхъ племянниковъ. Онъ былъ истиннымъ христіаниномъ и отмѣннымъ коммерсантомъ“.

Генуэзское Campo Santo — Іосафатова долина смерти, погребенія. Въ каменистой котловинѣ, за бѣлыми стѣнами и рядами кипарисовъ — городъ мертвыхъ. Мраморные портики окаймляютъ этотъ четырехугольникъ. Они выше самого кладбища. На нихъ ведутъ ступени. Въ безконечныхъ этихъ галлереяхъ море могильныхъ плитъ, урнъ, статуй, памятниковъ, живыхъ и неживыхъ цвѣтовъ. Особенно запомнились тутъ орхидеи. Запахъ ихъ сладокъ

и зловѣщъ, но зловѣщъ и весь воздухъ: пригрѣтый солнцемъ, въ затишьѣ, онъ къ аромату безчисленныхъ цвѣтовъ примѣшиваетъ чуть слышный, тонко-тошнотворный запахъ тлѣнія.

Прогулка по могильнымъ плитамъ, гдѣ шаги звонко отдаются подъ портикомъ, какъ-то угнетаетъ. Спускаешься ниже, къ серединѣ кладбища, но и здѣсь не уйти отъ безмѣрнаго мрамора, мрамора и зелени — миртовъ, лавровъ, олеандровъ, и вновь памятниковъ, рѣшетокъ, оградъ, ангеловъ, простирающихъ крылья. А тамъ дальше — лужайка дѣтскихъ могилъ — малые жалкіе бѣлые камни, кресты и розы, и такъ полно все, насыщено здѣсь смертію, что кажется, негдѣ и пройти: ужѣ становятся узенькія дорожки, усыпанныя гравіемъ. А еще далѣе, въ самой глубинѣ кладбища, въ поперечномъ портикѣ, какъ входъ въ область Аида — огромный крематорій, гдѣ печальные человѣческіе останки обращаются въ дымъ, газы.

Припекаетъ. Тихо. Но и солнечное тепло какъ-то подозрительно здѣсь, не радуетъ. Въ немъ душнѣе благоухаютъ кладбищенскіе цвѣты, и острѣй ядъ подземныхъ испареній. Портики бѣлѣютъ мертвенно. Скульптуры говорятъ о мишурѣ ненужной. А вдали, за оградой, голыя каменистыя взгорья. Кой-гдѣ осликъ тащитъ поклажу, да кипарисъ въ безмолвіи чернѣетъ — тоже окаменѣлое дерево.

Съ тяжелымъ, смутнымъ чувствомъ оставляешь это кладбище, прославленное на весь свѣтъ! Въ немъ нѣтъ элегіи флорентинскаго Санъ-Миніато, скромнаго простодушія и трогательности нашихъ сельскихъ кладбищъ. Здѣсь могучія, и душныя объятія смерти.

Хорошо въ Генуѣ жить, плохо — умирать. Хочется стряхнуть съ себя это видѣніе, подняться на холмы, увидѣть море, вдохнуть простора, вольности. И восходя на пригорья Генуи, когда море синимъ туманомъ возникаетъ вдали, переселяясь отъ Trionfo della Morte къ Trionfo

della Vita, еще разъ вздохнешь, и подумаешь: а можетъ быть, купцы чрезмѣрно понадѣялись? И такъ-ли все благополучно тамъ, за гробомъ? Вполнѣ-ли вѣрили они и сами? Быть можетъ, ужасъ есть за пышными мавзолеями?

Недоумѣніе остается. Но одно очевидно — сосѣдство жизни и смерти, солнца и трагедіи, и сосѣдство это полно значительности. Чувствуетъ-ли его Генуя? Она отвѣта не даетъ. Полная своихъ красокъ, уличнаго шума, дыханія морей и кораблей, солнца, ласковаго вѣтра, она ведетъ свою стихійную, чувственно-острую жизнь. Не до религіи, не до искусства, не до философіи. Живи. Этимъ все сказано.

Человѣку нашего склада врядъ-ли захочется *поселиться* въ Генуѣ. Но не пройдешь мимо нея, хоть никакъ она не *святилище*, какъ иные итальянскіе города. Яркій, мажорный ея ритмъ плѣняетъ. Не забудешь кипѣнія ея толпы, пестроты красокъ, безбрежности моря, рощъ мачтъ, купцовъ, матросовъ, женщинъ, мореплавателей, прачекъ, башмачниковъ, быстроногихъ трамовъ, шикарныхъ магазиновъ и подумаешь: вотъ городъ, гдѣ дышется остро, весело, гдѣ трудъ соединенъ съ *цвѣтомъ*, гдѣ богатство откровенно счастливо, гдѣ вообще все цвѣтетъ въ избыткѣ жизни. Генуя — городъ господинъ моря, но душа у ней морская. Море и солнце дали ей силу, стихію, праздничность въ самомъ трудѣ.

Въ Генуѣ, въ ресторанѣ, среди дамскихъ шляпъ, чоканья бокаловъ и подъ *стонъ* скрипокъ я видѣлъ одного француза. Изо всей толпы огнемъ горѣлъ его пурпурный галстухъ. Ни на комъ ранѣе я не видалъ такого галстуха. Онъ остался въ памяти огненнымъ знакомъ, и вспоминая Геную, я всегда помню пламень галстуха на невѣдомомъ французѣ, на другой-же день, быть можетъ, навсегда уплывшемъ въ Индію или Китай.

Декабрь 1918 г.

ФЛОРЕНЦІЯ

1. МОЛОДОСТЬ

Уже за Сенъ-Готардомъ, пока летишь еще Швейцаріей, начинается это *играніе въ груди*: скоро ужъ, скоро *она*. Вотъ Беллинцона, средневѣковые кастеллы — крѣпости, въ лицо дуетъ свѣтлый итальянскій вѣтеръ; въ церквахъ съ узенькими кампаниллами звонятъ итальянцы однозвучно и нѣжно; бѣлѣютъ виллы, рыжѣютъ крыши черепичныя — въ дивномъ упоеніи стоите вы передъ городомъ Комо. И все ниже, ниже, въ долины Ломбардіи! Вечеръ. Тучно вокругъ, дышешь пшеницей и садами плодовыми, а вдали все та-же звѣзда: чудный городъ Флоренція.

Но надо помучиться еще ночью отъ Болоньи, въ тихенькомъ мѣстномъ поѣздѣ; впрочемъ, стоитъ онъ на станціяхъ долго, и такъ тихо и черно ночью, такъ звѣзды весеннія играютъ и соловьи заливаются: флорентійскіе ужъ соловьи!

А утромъ, на раннемъ разсвѣтѣ, спускаетесь вы съ Аппенинъ и мчитесь въ розовато-дымную долину: тамъ Арно, Пистойя, Флоренція и Данте, и другіе. Съ горъ стекаетъ свѣжесть; облака курятся — и она ждетъ васъ — свѣтлая, розовая, божественная Флоренція, Киприда Ботичелли съ геніями вѣтровъ и золотыми волосами. Восходящее солнце, надежды, вокзалъ, сутолка, факино, deposito — и сразу вы въ самомъ сердцѣ ея, и прямо передъ вами Санта Марія Новелла. Легкія, свѣтлыя улочки вокругъ, съ веселыми ослами, продавцами, крестьянами тосканскими; рынки съ запахами овощей — и Божій воздухъ, изумительная легкость духа, колокольни, монастыри въ цвѣтахъ — вѣчное опьянѣніе сердца.

Надо отыскать альберго, стащить туда вещи, выспаться сномъ пламеннымъ, помолодѣть, — и начать жить райской флорентійской жизнью. Эти дни будутъ особенны — предстоитъ блаженное процвѣтаніе въ свѣтѣ, художествѣ, неразсказываемой прелести. Не позабудешь ихъ.

Только что вышелъ изъ альберго, окунулся въ свѣтлый воздушный огонь; надо надвигать шляпу глубже, это ужъ солнце Флоренціи; но оно не душитъ; дышется такъ же легко и вкусно, какъ и не въ такой жаръ; напротивъ, такъ и глотаешь этотъ воздухъ живоносный и радостно-жгучій. У ликвориста Bar swizzero, въ крошечной комнаткѣ у прилавка можно выпить café late, и при этомъ будутъ забѣгать итальянцы, сосѣди заглянуть на форестьеровъ; вотъ парикмахеръ, онъ можетъ и выбрить, и что угодно сдѣлать, но его удивляетъ ваша борода: хорошо бы подстригъ, подбрилъ, все устроилъ-бы по настоящему. А самъ *баръ* — полушвейцарецъ, полуитальянецъ, радъ, что зашли форестьеры; бѣгаетъ, снуетъ, потѣетъ.

Засиживаться у него нельзя. Уже ждутъ пылкія улочки Флоренціи, и разныя ея святыя мѣста, и тутъ же смѣшной и милый Mercato centrale, рынокъ, гдѣ рядомъ съ великой капеллой Медичи тѣ-же самые итальянцы, потомки, можетъ быть, медичисовъ и микель-анджельцы торгуются, ярятся, произносятъ рѣчи въ пользу головныхъ шпилекъ или фунта вишенъ — о, за свои чентезимы они постоятъ! Но на этомъ рынкѣ, среди улицъ и стройности внутренней все такое не гнусно — напротивъ, веселое, дѣтское, даже безсмертное есть въ этихъ чинквинтачинкве чентезими, экко, ундичи, отто сольди, синьоре, отто сольди.

И когда изъ ловкой суетни уходишь прочь, въ тишайшій монастырь Санъ Марко, какъ непохоже, и какъ родственно, духовно совмѣстимо! Тамъ, въ полуверстѣ,

глотку надрывали изъ-за полусольди, здѣсь вѣчный, благосклонный миръ, но это ничего, все это дѣтища единаго духа Италіи.

Въ Санъ Марко входъ по билетамъ, цѣною въ лиру; здѣсь въ будни нѣтъ брадобреевъ съ Mercato или Nazionale; тутъ мѣсто важное. Какъ и всегда въ монастыряхъ итальянскихъ — квадратный внутренній дворъ съ портиками; сѣро-зеленая сосна въ срединѣ, цвѣты, розы; на портикахъ фрески. Въ этой обители жилъ святой живописецъ Беато; онъ расписывалъ стѣны, внутренность келій своими фресками. Вотъ его художество — свѣтлое, сладостное, какъ-бы пропѣтое *медогласнымъ* пѣвцомъ; бѣлокурые Спасители, сладко текущія краски на Распятіяхъ и Благовѣщеніяхъ; пусть не особенно глубоки Христы, слишкомъ завиты, приглажены, какъ и ангелы на Благовѣщеніяхъ; всюду мирволеніе и бѣлокурость душевная, даже съ розовымъ масломъ кой-гдѣ, но и тихій, и благостный мистицизмъ итальянскій. Тѣ-же самые купцы и торговки съ Mercato проливали и будутъ проливать еще слезы надъ этими сладчайшими Богоматерями. *Сладчайшій акафистъ* — это, кажется, Беато-Анджелико.

Но Флоренція — не Сіена; въ ея регистрѣ много нотъ; рядомъ съ Беато — Андреа дель Кастаньо. И ужъ это не то. Въ отдѣльной комнатѣ музея „Тайная вечеря". Трудно найти вещь, гдѣ-бы такъ рѣзко и злобно говорили о Спасителѣ, его бесѣдѣ и ученикахъ; гдѣ Іуда такъ похожъ на разбойника, всѣ искривленные, крючковатые, съ клювами, въ огненно-черныхъ волосахъ. О, какой мракъ въ этой душѣ; какой внутренній шипъ издаетъ вся картина, сколько въ ней преступности.

Для Флоренціи эти контрасты характерны; вотъ видѣли вы ужаснаго Спасителя, увидите въ Уффици страшныхъ женъ-мироносицъ, но рядомъ съ „Тайной вечерей" Петрарка, Данте, Фаринаta и Юдиѳь — великое спо-

койствіе и царственность лицъ, одеждъ, стиля! Это все тотъ-же Кастаньо, но въ иномъ поворотѣ.

И далѣе — выйдете на улицу, охватитъ она васъ ритмомъ, стройностью — васъ уже убѣдили, что да, такъ и надо, въ этомъ божественномъ горнѣ — Флоренціи — сплавляется Кастаньо и Беато Анджелико. Ибо есть въ ней нѣчто отъ древней, безсмертной гармоніи, гдѣ все на мѣстѣ, все нужно, и въ мудромъ сочетаніи принимаетъ побѣдительный, неуязвимый оттѣнокъ. Таково впечатлѣніе: *тлѣнъ* не можетъ коснуться этого города, ибо какая-то нетлѣнная объединяющая идея воплотилась въ немъ и несетъ жизнь.

Называли Флоренцію Аѳинами; это понятно, и вѣрно, это сродно самимъ богамъ іоническимъ, эллинской кругообразности, свѣтлости мрамора; только плюсъ христіанство, которымъ многое *еще* освѣтлено, еще оласковлено.

Выйдемъ на площадь Duomo: это центръ двухсоттысячнаго города; улочки узкія, но по нимъ носятся трамы, рядомъ ѣздятъ на осликахъ, ходятъ пѣшкомъ, заливаются мальчишки, все кипитъ, журчитъ, но никогда духъ легкости и ритма не покидаетъ. Въ Парижѣ вамъ угрожаетъ опасность на каждомъ шагу, какъ переходите улицу; здѣсь улыбаетесь, когда по Proconsolo летитъ на васъ трамъ; нѣтъ, не задавятъ итальянцы, покричатъ, похохочутъ и дѣлу конецъ; да и тѣло ваше здѣсь подвижнѣе и эластичнѣй, уклонитесь и сами.

По улицѣ Calzaioli въ плавномъ зноѣ попадемъ на площадь Синьоріи; каждый разъ, подходя, спрашиваешь себя: гдѣ ея очарованье? въ чемъ? И всегда сердце свѣтлѣетъ — что-то прекрасно-ясное есть въ этой лоджіи Орканья, колоссальномъ крытомъ балконѣ на уровнѣ земли, съ цѣлымъ *народомъ* статуй; тутъ, на вольномъ воздухѣ, собрались дѣтища великихъ скульпторовъ, отсюда пріоры обращались къ народу, это какая-то агора Фло-

ренціи, нѣчто глубоко-художественное въ единеніи съ простонароднымъ; будто семейный очагъ города. И сейчасъ у подножія статуй мальчики играютъ въ палочку-постучалочку, сидятъ разные итальянцы, говорятъ вѣчные свои разговоры: о чинкванта чинкве чентезими.

Наискось дворецъ Синьоріи; и опять духъ утреннихъ холмовъ, прохлады, благородства въ этомъ простомъ зданіи, дышащемъ средневѣковьемъ, сложенномъ изъ грубо-сѣрыхъ камней; въ тонкой башенкѣ наверху, въ статуяхъ у входа, геральдическомъ львѣ Marzocco, мраморномъ дѣтищѣ Донателло: лапой онъ придерживаетъ щитъ съ лиліями Флоренціи. И даже огромные фонтаны, дѣло позднѣйшаго, барроккo, изливаютъ себя съ той-же царственно-флорентійской простотой и влагой.

Но были грозныя времена; и у суровыхъ этихъ стѣнъ, вмѣстѣ съ другими заговорщиками, качался на веревкѣ самъ архіепископъ Пизы — въ митрѣ и облаченіи. А въ двадцати шагахъ жгли Савонароллу. Не разъ бывало во Флоренціи: былъ властелинъ, завтра растерзанъ. Но нынѣ огромная медаль выбита тамъ, и въ день годовщины, въ серединѣ мая, груды вѣнковъ и цвѣтовъ утишаютъ боль этого сердца; дивныя розы Флоренціи и Фьезоле окаймляютъ его носатый профиль; профиль того, кто при жизни топталъ ихъ, но велико погибъ и вызвалъ удивленіе и восторгъ вѣковъ.

Въ двухъ шагахъ, въ галлереѣ Уффици сіяетъ *вѣчнымъ свѣтомъ* другой флорентіецъ, другъ, вѣрнѣе врагъ Савонароллы, Сандро Ботичелли. Былъ онъ по дѣйствіямъ другъ, а по природѣ недругъ; ибо былъ великій и стихійно свѣтлый художникъ, творилъ прозрачныя тѣла, нетлѣнную золотую Венеру въ раковинѣ создалъ, Весну и весеннія существа, мѣсто которыхъ въ мірѣ болѣе духовномъ, нежели намъ — былъ онъ по природѣ своей побѣдителемъ смерти, а по мысли, въ которой шелъ за Савонароллой, онъ ей поддался. Въ этомъ огромная

его двойственность; неразрѣшимая скорбь въ глазахъ тамъ, гдѣ ритмъ фигуръ, эфиръ тѣлъ говорятъ о безсмертіи.

Вокругъ него росли художники поменьше, но характерные: Филиппо Липпи, Гирляндайо, Полайоло. Въ ихъ вещахъ есть Флоренція того времени — длинныя, плавныя женщины съ особеннымъ благоуханіемъ душевнымъ, созданныя для свѣтлой жизни полутанца, полугимна, съ округлостью самого хода линій въ нихъ, благозвучіемъ какимъ-то рисунка. Ихъ жизнь — полуосенняя кантата въ прохладномъ воздухѣ.

Много чудесъ въ этой галлереѣ, кажется, самой славной въ Европѣ, ибо и сама она опять кусокъ той-же Флоренціи, съ видомъ на Арно, духомъ Медичи въ многосолнечныхъ залахъ съ сіяющими полотнами. Но устала голова и отказываешься воспринимать: куда тебѣ, бѣдному скифу, котораго дома ждутъ хляби и мракъ, вынести сразу всю роскошь! Пей хоть глотками. И скифъ идетъ на отдыхъ, въ ristorante. Это опять въ простонародной части города, но тутъ премило. Зная десять итальянскихъ словъ, можно съ азартомъ уничтожить macaroni и bifstecca con patate. Этотъ бифштексъ они жарятъ на вертелѣ, какъ древніе; онъ отличенъ, а въ стаканѣ золотится vino toscano bianco. И голова туманѣетъ, солнечнымъ опьяненіемъ. Вокругъ галдятъ habitués, черненькій Джіованни шмыгаетъ съ блюдами, остритъ, перешучивается со всѣми; толстый докторъ въ углу разсолодѣлъ отъ кіанти и храпитъ, полулежа; примѣряютъ другъ другу шляпы, гогочутъ, выкликаютъ чинкванта чинкве ченгезими — и всѣ они Нои, упившіеся виноградымъ сокомъ. Здѣсь, въ странѣ съ золотымъ виноградомъ, *колонами*, воздѣлывающими тѣ-же участки, что столѣтія назадъ кормили Данте и этрусковъ, римлянъ — здѣсь не плохо было-бы лечь всѣмъ этимъ итальянцамъ, въ отрогахъ тѣхъ горъ голубыхъ, въ тѣни яблонь, об-

витыхъ гирляндами — и пусть Беноццо Гоццоли пишетъ *уборку винограда*, солнце цѣлуетъ и духъ безсмертія и вѣчной красоты царитъ.

Память о вечерахъ во Флоренціи связана съ лучшими часами жизни. Въ нихъ есть та острая сладость, которая на грани смерти; и когда духъ потрясенъ и расплавленъ настолько, онъ какъ двугранный мечъ равно чутокъ къ восторгу и гибели. „Хорошо умереть во Флоренціи", ибо больше всѣхъ любилъ ее при жизни. И она несетъ тебѣ экстазъ и тѣнь могилы.

Солнце передвечерія играетъ на Санта Марія; это Санта Марія *Новелла*, хотя выстроена она въ вѣкѣ тринадцатомъ. Все еще жарко, но внутри ужъ, вѣрно, холодъ. Развѣ быть жарѣ подъ готическими сводами, среди гигантскихъ коричневыхъ аркадъ, современныхъ Джотто и Чимабуэ, Мазаччіо, Орканьи? Тоненькая кампанилла сторожитъ эту церковь и звонитъ однотоннымъ, тихимъ звукомъ. Вы спокойны и мирны; да, все это такъ и было въ прозрачномъ христіанствѣ. Вотъ капелла Строцци, гдѣ Орканья, въ огромныхъ фрескахъ, съ нѣжностью и драмой рѣшалъ судьбы міра и людей. Одни спаслись, у ногъ Христа и Дѣвы въ стройныхъ хорахъ дѣвушки, юноши, взрослые; обаятельная рыжизна въ ихъ прическахъ, слабое и святое пѣніе праведниковъ. Профили юношей будто дѣвичьи, глаза у всѣхъ немного узкіе, съ косымъ разрѣзомъ; и рука художника тоже полудѣвичья, это давно было, въ четырнадцатомъ вѣкѣ.

Прямо напротивъ огненные круги ада; и тамъ всегдашняя жратва, черти, вилы, курьезныя выдумки для мученій. Все это древнее-древнее, все освѣщается теперь блѣднымъ свѣтомъ изъ витража разноцвѣтнаго, но скромнымъ голосомъ, красками тухнущими, золотомъ блѣднѣющимъ все говоритъ о томъ-же: „о тайнахъ вѣчности и

гроба". Ничего, что скрежещутъ грѣшники и безнадеженъ адъ — въ тѣхъ робкихъ душахъ все было ясно и непоколебимо; все прочно, на своихъ мѣстахъ.

И когда вы сойдете въ монастырекъ при церкви, это былое съ молитвами, восторгами и смертью тысячью малыхъ лапъ возьметъ васъ и прильнетъ. Вы попираете могилы бѣдныхъ монаховъ, отшельниковъ и визіонеровъ тѣхъ временъ; видите наивные фрески Sepolcreto — учениковъ Джотто; а внутри дворика разрослась трава, запущенно и буйно, розы расцвѣли, живопись по стѣнамъ портиковъ синѣетъ, золотѣетъ. Да, здѣсь у колодца, въ вечерніе часы, слушая звонъ на кампаниллѣ, перебирая четки, можно было мечтать о Дѣвѣ Маріи, рыдать и возноситься въ „чертоги ангельскіе".

Звукъ Санта Марія прозрачный, и съ золотомъ; ей не идетъ скорбный вечеръ въ полутучахъ; но если хочется дышать почти деревней итальянской, надо ѣхать въ Кашинэ, это огромнѣйшій, длиннѣйшій садъ на окраинѣ города; тянется вдоль Арно, по его теченію. Эта зеленая рѣка бѣжитъ внизу, у вашихъ ногъ; она уноситъ свои воды изъ Флоренціи все дальше, дальше въ низменности Пизы; съ ея водой уходитъ время и исторія. Бродилъ-ли Данте тутъ? Быть можетъ. И какъ сейчасъ, были тогда свѣтло-сѣрые вечерніе дымки, тополя рядами по рѣкѣ, Кампанья. Это долина Флоренціи; все здѣсь низменно, разбросаны деревушки и виллы, люди взращиваютъ виноградъ, пшеницу, яблоки. Опаловое небо отразилось въ Арно, густѣйшіе вязы и буки въ паркѣ шумятъ, и если зайти въ самый дальній его конецъ, гдѣ отъ впаденія Муньоне въ Арно образуется уголъ, можно сидѣть на скамеечкѣ навсегда потерянным, въ тихомъ дыханіи полей, что начинаются сейчасъ-же, съ синѣющими далями, и вѣчно-милыми горами. Нынче суббота, вечеръ отдыха; и въ тѣ-же прифлорентійскіе поселки, что прежде порождали геніевъ, бредутъ изъ города рабочіе, служащіе катятъ на

бициклетахъ, отдохнуть отъ жаркаго труда. Надъ Арно, тамъ, гдѣ Пиза, громоздятся тучи — слабо синѣютъ, и особая истома наполняетъ все собой. Соберется дождикъ: беззвучный, медленный, душистый. Колокольни-же селеній тихо звонятъ; они привѣтствуютъ наступленіе сумерекъ; и ихъ angelus надъ вѣчными полями такъ простодушенъ, и такъ трогателенъ.

„Слушай въ часъ сумерекъ звонъ кампаниллъ. Пойми, люби, надѣйся".

Вотъ и день прощанья. Снова вечеръ. И *она* лежитъ въ своей долинѣ — тонкая и дымная. А здѣсь, на высотѣ San Miniato, воздвигнуты бѣломраморныя усыпальницы ея дѣтей. Черные кипарисы, мраморъ, рѣшетки, гробницы, золотыя надписи, часто ангелы крылатые изображены — и все это навсегда спитъ, но *надъ* ея безсмертнымъ тѣломъ. И цвѣтутъ каждую весну розы на могилахъ, умирая сами; и дамы въ траурѣ пріѣзжаютъ сюда, и плачутъ подъ этими кипарисами. Въ свѣтломъ вечерѣ звонитъ колоколъ San Miniato, а она все лежитъ тамъ у себя, туманѣетъ вечерней дымкой, и вѣчно юны и древни эти острыя колоколенки.

Да, тамъ жили, думали, творили, пламенѣли и сгорали тысячи душъ; длинными рядами шествуютъ они со временъ Данте. Всѣ навсегда ушли отсюда. Но всегда живы, и какъ въ дивную корону вставили сюда свои алмазы.

Нѣсколько ниже кладбища, на площадкѣ, лицомъ къ Флоренціи стоитъ Давидъ Микель-Анджело — бронзовая копія. Онъ юнъ и взглядъ его направленъ къ *недостижимымъ горизонтамъ*. У его ногъ ходятъ, любуются, покупаютъ розы у старушекъ, но ему не до этого. Туда, дальше, на востокъ, гдѣ восходитъ солнце, метнетъ онъ свою пращу. Что понялъ, что видитъ онъ? Не само-ли

безсмертіе ему доступно? — — — — — — — — — — —
И не безсмертіе-ли поймано въ немъ геніемъ, и надъ безсмертнымъ городомъ поставлено? Давидъ видитъ всѣ холмы и горы вокругъ, великую Тоскану съ бѣлѣющими виллами, видитъ Св. Марію Цвѣтовъ, Святую Марію Новую, Святой Крестъ, Арно, башню Синьоріи, осьмигранную крышу Баптистерія и дальше — виноградныя и кипарисныя высоты Фьезоле.

Солнце заходитъ. Уѣзжаютъ дамы, за Арно зеленѣютъ, золотѣютъ огоньки. Скоро будетъ Флоренція засыпать; но на утро пробудится — какъ раньше вѣчная и мудрая, легкая, безсмертная и стройная.

1907 г.

2. ВИДѢНІЯ

То, что я вижу, то, что помню, можетъ быть и неважно. Но я люблю это. Мнѣ не хотѣлось-бы оставить непрославленнымъ ни одного мгновенія, ни одного луча, ни звука, ни движенія.

И вотъ, я ухожу.

Утро. Золотой свѣтъ, тонкой струйкой, сквозь зеленыя жалюзи. Въ комнатѣ полутемно, прохладно; мягкій и зеленоватый отсвѣтъ на стѣнахъ, трюмо, на каменномъ полу. На столикѣ букетъ фіалокъ. Миловидная Мадонна надъ постелью.

Мы въ Albergo Nuovo Corona d'Italia во Флоренціи, на углу via Nazionale и via del Ariento.

Если откинуть жалюзи скромнаго Albergo, то увидишь via del Ariento. Она въ голубовато-золотистомъ утреннемъ дыму; уже проворные торговцы привезли свои телѣжки съ овощами; булочныя торгуютъ, продаютъ цвѣты, толпа снуетъ, все движется, живетъ, свиститъ,

смѣется. Пахнетъ свѣтомъ, тепломъ, пригрѣтыми овощами, острымъ запахомъ рынка, Mercato Centrale, сигарой, случайнымъ благовоніемъ далекихъ горъ... — и въ глуби тонкой, изящной въ простотѣ своей улицы, съ легкими домами, надъ которыми выступаютъ карнизы — тамъ, въ глубинѣ, въ голубовато-туманномъ свѣтѣ возстаетъ красный куполъ San Lorenzo, съ небольшой колоколенкой.

Вставать, вставать! Нельзя терять свѣтлаго утра, дня радости и юности.

Наскоро мы одѣваемся, и въ небольшомъ *салонѣ* синьора Ладзаро, нашего хозяина, пьемъ кофе изъ огромныхъ чашекъ. Молоко бѣлѣетъ въ немъ, паръ идетъ; пахнетъ сладковатымъ, и слегка мѣщански все въ салонѣ, гдѣ встрѣчаются, пьютъ кофе и бесѣдуютъ провинціальные торговцы, адвокаты изъ Ареццо, нотаріусы изъ Эмполи. Самъ синьоръ Ладзаро привѣтствуетъ насъ въ нижнемъ этажѣ, за своей конторкой, въ неизмѣнной каскеткѣ, ласково улыбаясь косымъ глазомъ. Солнце сбоку ударило и по немъ, и зажгло золотыя пуговицы его куртки. Мы старинные знакомые. Много лѣтъ назадъ занесъ насъ случай въ Albergo Nuovo и съ тѣхъ поръ, съ нашей легкой руки, стада русскихъ оживляютъ скромные корридоры, съ красными половичками, скромнаго Albergo.

Легкій зной охватываетъ на улицѣ. Насупротивъ въ окнѣ, прачки стираютъ, напѣвая пѣсенку. Башмачникъ, съ очками на носу, склоняется надъ подметкой, рядомъ съ нашимъ подъѣздомъ.

— Vuole uva? — спрашиваетъ сѣдая женщина за угломъ, на via del Arientо. Вокругъ нея, на лоткѣ, нехитрыя обольщенія природы.

Мы беремъ фунтикъ спѣлаго винограда, и среди мѣдниковъ, чинящихъ кастрюли, парикмахеровъ, выбѣгающихъ наружу поболтать, съ бритвою въ рукѣ, пока намыленный клiентъ скучаетъ за стекломъ; среди булочниковъ и

фруктовщиковъ, мимо огромнаго, желѣзнаго Mercato Centrale, гдѣ торгуютъ мясомъ, мимо цвѣточницъ и Sale e tabacchi мы спѣшимъ къ Санъ Лоренцо, къ огромному, красночерепичному куполу, вздымающемуся въ глубинѣ улицы.

Входъ въ церковь съ небольшой площади, залитой зноемъ. Мы откидываемъ тяжелый занавѣсъ на необдѣланномъ фасадѣ, входимъ. Свѣтло, прохладно; два ряда колоннъ, скамьи, органъ играетъ и чуть голубѣетъ ладанъ; стараясь не мѣшать молящимся, проходимъ мы направо, въ закоулокъ, и какимъ-то проходомъ — сразу мы въ капеллѣ Медичи, знаменитомъ дѣтищѣ Микель Анджело.

Все здѣсь сурово, очень просто, почти бѣдно. Бѣлое и коричневатое, два основныхъ тона. Два героя въ нишахъ, Созерцательный и Творящій, двое юношей, Лоренцо и Джуліано Медичи; вѣрнѣе — ихъ Идеи; два Образа, возникшихъ какъ видѣнія предъ Микель Анджело. Всесвѣтно знаменитыя фигуры возлежатъ у ногъ ихъ, на изогнутыхъ волютахъ, украшая саркофаги: Ночь и День, Сумерки и Разсвѣтъ.

Въ капеллѣ очень тихо. Прохладно, бѣловатый свѣтъ. Безпредѣльно-задумчивъ Лоренцо, подъ своимъ тяжкимъ шлемомъ; молодъ, богоподобенъ Джуліано, легко несетъ онъ голову кудрявую, тонкая шея, длинная, какъ у Давида. Тепла, загадочна, всѣхъ обаятельнѣй нѣмая Ночь у его ногъ; самое туманное твореніе, самое колдовское, и жуткое; недаромъ маленькая сова подъ ногой ея... Но отчего все такъ безконечно серьезно въ холодноватой капеллѣ? Кто-то безмѣрно меланхоличный, и безмѣрно горестный заключилъ духъ свой въ мраморы, и вокругъ разлилъ вѣчное очарованье и волненіе. Прямо, все прямо къ Вѣчности, скорбной стезей! Тамъ тишина, и музыка нездѣшняя... Здѣсь — восхожденіе отъ юдоли бѣдной. О чемъ задумался

Pensieroso? Что видѣла во снѣ Ночь? Они, правда, думаютъ, и видятъ сны, это *третья жизнь* великаго художества. И снова жуткое, благоговѣйное, холодкомъ пробѣгаетъ по спинѣ. А изъ церкви слышенъ органъ. Онъ покоенъ, и равенъ себѣ, какъ эта Вѣчность, онъ переливаетъ безконечныя свои мелодіи, волны одной рѣки, безъ конца и начала. Какъ хорошо, что онъ играетъ! Церковь, музыка, тишина, Микель-Анджело . . . Теперь похолодѣли корешки волосъ на головѣ.

Но когда мы выходимъ, черезъ ту-же тяжелую, кожаную портьеру у паперти, слегка замусоленную, и старушка руку протягиваетъ за даяніемъ — снова предъ нами простая Флоренція, опять на малой площади торгуютъ бусами и гребешками, въ отдаленіи висятъ шубы съ собачьими воротниками, за тринадцать лиръ — зимне-осеннее одѣяніе флорентійскихъ извозчиковъ; да надъ ларями съ книгами букинистовъ возсѣдаетъ мраморный Джіованни делле Банде Нере. Знаменитый кондотьеръ безстрастенъ; а у его ногъ, у какой-нибудь толстой, добродушной бабы въ очкахъ можно купить Тассо и Аріосто, или сонникъ, старинные анекдоты, вообще что угодно. Какъ проста, камениста, почти бѣдна и ободрана эта маленькая площадь; какъ суровъ необдѣланный фасадъ Санъ Лоренцо, въ горизонтальныхъ ложбинахъ; и сколь много въ сухости этой, въ отсутствіи пышнаго и ложнаго — сколько въ этомъ Флоренціи, легкой, сухой и ритмической.

Микель-Анджело, и грубо-шероховатая стѣна Санъ Лоренцо, и каменистая пыль на площади, свившаяся легкимъ вихремъ, и Джіованни делле Банде Нере, и гомонъ торговцевъ, и аристократически-простонародная Флоренція, все это едино. Здѣсь нѣту плебса. Есть народъ.

Отъ Санъ Лоренцо площадь Duomo, флорентійскаго Собора, недалеко. Эта площадь, какъ и площадь Синьоріи, есть средоточіе Флоренціи, мѣсто фатальное въ томъ смыслѣ, какъ для Рима фаталенъ Капитолій. Вся Флоренція возрасла изъ краевъ этихъ. Тутъ не случайныя постройки, не случайныя прелести искусства: это священно-основное, ибо Соборъ есть щитъ духовный города средневѣкового, какъ Дворецъ Коммуны, здѣсь — Pallazzo Vecchio — щитъ гражданскій.

Санта Марія дель Фіоре, Соборъ Флоренціи, строился въ четырнадцатомъ вѣкѣ; конченъ въ пятнадцатомъ. Какъ всѣ великіе соборы, онъ дѣтище различныхъ архитекторовъ, эпохъ различныхъ, дѣтище страстей и столкновеній, состязаній, интригъ, побѣдъ однихъ и пораженій для другихъ; но его обликъ — могучій, по тосканскипестромраморный корабль съ куполомъ красной черепицы, съ кампаниллой, легкой и летящей — этотъ обликъ есть таинственный Ликъ самой Флоренціи; художники, и зодчіе, и магистраты, создавая свой Соборъ, дали ему свое лицо, живое и собирательное, воплощенное и идеальное, сами того не вѣдая. Этотъ Соборъ вполнѣ живъ. Онъ даже говоритъ, всей внѣшностью своей — и очень внятно. Городъ, надъ которымъ онъ вознесся, уже не можетъ быть ни Римомъ, ни Венеціей, и ни Миланомъ.

Я меньше чувствую это внутри Собора; и его внутренность люблю меньше. Тамъ тоже много флорентійскаго. Тамъ есть Кастаньо, есть и Донателло, есть бюсты знаменитыхъ флорентинцевъ, есть Микелино — Данте предъ кругами Ада. Все-же огромныя, холодновато-оголенныя аркады, своды, гулкость, тишина — скорѣй общеготическое, даже францисканское, чѣмъ флорентійское. Внутренность Санта Кроче въ этомъ родѣ.

Но какой типъ осьмиугольнаго Санъ-Джіованни, древняго Баптистерія Флоренціи, на той-же площади, насупротивъ Собора? Что это: храмъ Марса, древне-хри-

стіанское созданіе IV вѣка, или церковь XI-го? Ученые объ этомъ спорятъ, но одно безспорно: какъ Соборъ, можетъ быть, даже болѣе, это священный палладіумъ города, ужъ во всякомъ случаѣ первобытный соборный храмъ, позднѣе уступившій мѣсто Санта Маріа дель Фіоре. И если загадочно его происхожденіе, то и детали туманны; знаменитыя его купели, каменныя углубленья, о которыхъ Данте поминаетъ въ XIX пѣснѣ Ада, много задали труда и муки для дантологовъ.

Какъ-бы тамъ ни было, однако — изъ Albergo нашего никуда не выйдешь, не пересѣкши площади Duomo. Рѣдко пройдешь, не задержавшись около Собора; заглянешь и внутрь, въ прохладу, гулкость; поглядишь на Бонифація VIII въ митрѣ, на огромнаго, на конѣ, Гоквуда; на изящный бюстъ Фичино. Прочитаешь надгробную надпись, ранѣе незамѣченную. А потомъ пойдешь къ Кампаниллѣ — неизмѣнно облегченіе какое-то, и разрѣженіе духовное отъ нея; можно взойти наверхъ, по крутой, витой лѣсенкѣ. Это очень высоко; площадь какъ на планѣ оттуда виднѣется, съ бѣлѣющею крышей Баптистерія; совсѣмъ рядомъ красная, черепично-чешуйчатая громада купола соборнаго; а вокругъ, далѣе, надъ шершаво-остро-коричневой Флоренціей съ тонкими кампаниллами — голубоватыя вуали воздуха, голубовато-фіолетовыя горы, Арно серебряное, свѣтлый туманъ, да съ горъ благоуханіе фіалокъ. Вольный вѣтеръ, музыка и благовоніе. Свѣтлый свѣтъ Тосканы.

Не мало минутъ и внизу проведено, съ книжечкой въ рукѣ, у дверей Баптистерія. Собственно, почему у дверей? Всесвѣтно прославлены бронзовые рельефы ихъ, но если сказать правду, этихъ рельефовъ такъ много, и такъ трудно всѣ ихъ оглядѣть. Кажется, не очень много радости отъ сравненія стиля Пизано съ Гиберти въ молодости, и съ Гиберти зрѣлымъ, на Porta del Paradiso. Да и самая эта райская дверь, при всей тонкости и виртуоз-

ности имѣетъ нѣчто холодноватое, какъ-бы зачатокъ академичности.

Все-же за что-то любишь ихъ — и простого, грубоватаго еще Пизано, и сухо-худощаваго, изящнаго Гиберти. Подолгу стоишь надъ медальонами, и тебя обдуваетъ вѣтеръ, иной разъ легенькій вихрь налетитъ, и повѣетъ пылью. Рядомъ, въ пролеткахъ, на худыхъ, тощихъ лошадяхъ дремлютъ красноносные извозчики въ цилиндрахъ, съ зонтиками, прикрѣпленными надъ козлами. Увидѣвъ, что достаточно ужъ ты насытился Гиберти, и отходишь, красная, заспанная физіономія зашевелится, и молча приподыметъ указательный свой палецъ — какъ подымаетъ его Іоаннъ Креститель у Леонардо. Это значитъ, поѣдемъ, цѣна — лира.

— Piazza Michel-Angelo, signore, Santa Croce, Cascine . . . Въ угловомъ Caffè Bottegone, подъ навѣсомъ парусиннымъ средне-зажиточные итальянцы пьютъ небогатый кофе; зайдетъ старикъ благообразный, въ канотье, съ бѣлыми усами и той осанкой *благородства* и *почтенности*, какихъ много въ добродушныхъ, недалекихъ итальянскихъ старикахъ. Быть можетъ, за руку ведетъ дѣвочку; угоститъ ее шоколадомъ, а самъ спроситъ малаги, выпуститъ яйцо въ рюмку, и быстро проглотитъ: это передъ завтракомъ, apperitivo благороднаго желудка.

Мы-же, до обѣда, можемъ пройтись еще по кишащей Calzaioli, главной улицѣ нашихъ Аѳинъ. Шумъ, толкотня, извозчики, велосипедисты, итальянцы въ канотье и синихъ костюмахъ, витрины магазиновъ, англійскіе tea-room, вестибюли отелей, но и поступь ослика, и фартукъ каменьщика . . . Мы дойдемъ до Or San Michele, старой церкви недалеко отъ площади Синьоріи, въ древнемъ кварталѣ шерстобитовъ. Это весьма странная церковь — по виду на храмъ непохожая; квадратное строеніе, XIV вѣка, ранѣе служившее зерновымъ складомъ, среди огородовъ св. Михаила; лишь впослѣдствіи обратилось въ церковь,

нижнимъ этажемъ своимъ; нынѣ оно украшено снаружи статуями въ готическихъ, стрѣльчатыхъ нишахъ. Здѣсь увидимъ мы Вероккіо — Христосъ и Фома Невѣрный и Донателло — Св. Георгій, юноша, опирающійся на щитъ, юный богъ и защитникъ, герой Флоренціи. Ясный, стройный, онъ стоитъ покойно и легко; въ немъ юность, даже дѣвственность искусства ранняго, полуготическаго, тонкаго, сдержаннаго флорентинскаго искусства; Донателло, какъ нашъ Пушкинъ, слова зря не скажетъ, а что скажетъ, то влито навѣки въ мраморъ, въ бронзу, рукой сухою и вѣрною. Въ этомъ Георгіи всегда виднѣется очарованье утра, ясныхъ далей флорентинскихъ, тонкой красоты ея богоподобныхъ юношей съ головой легкою, на длинной шеѣ. Св. Георгій весь — земная прелесть, свѣтлость, обольщеніе Тосканы. *Остроты* Микель-Анджело въ немъ нѣтъ. Онъ ограниченъ. Надломъ, трагедія пришли ужъ позже.

Стендаль презрительно отзывается объ иностранцахъ, знакомящихся со слугами и трактирщиками. Пусть презираетъ насъ Стендаль. Въ дни нашей молодости не было у насъ рекомендацій къ банкирамъ и титулованнымъ особамъ; врядъ-ли кого-нибудь изъ людей солидныхъ можно было принять въ нашемъ Albergo. Да и сами мы не солидны, русскіе наши друзья — богема, и мы обѣдаемъ въ скромнѣйшемъ ресторанчикѣ Маренго, среди пѣхотныхъ офицеровъ, мелкихъ служащихъ, люда нехитраго и не изъ важныхъ.

И не стѣсняясь этого Стендаля, великолѣпнѣйшаго Гете и иныхъ великолѣпныхъ людей прошлаго, помянемъ легкой памятью легкаго Джіованни, быстроногаго, быстроязычнаго гражданина Флоренціи, столько разъ подававшаго намъ bifstecca, frutti, fiasco chianti.

Джіованни малъ ростомъ, черноволосъ, курчавъ, съ небольшими усиками; онъ очень расторопенъ, боекъ, но и страстенъ; у стойки padron'ы, немолодой женщины,

нерѣдко онъ съ ожесточеніемъ о чемъ-то споритъ, сердится, глаза его блестятъ; но на возгласъ: „Giovanni!“ ужъ летитъ его: „Pronto! Subito!“ — веселый, звонкій отзывъ, и легко подносится онъ къ доктору, офицеру, къ намъ. Въ немъ нѣтъ совсѣмъ угодливости; онъ вѣжливъ и воспитанъ, какъ полагается въ Италіи, и отъ природы не потерпитъ лѣни: весь какъ на пружинахъ, легенькій, изящный, безустанный.

Съ нами онъ дружественъ давно. Именно его вначалѣ мы почти не понимали, но потомъ, съ пятаго на десятое пріучились разбирать рѣчь его — частую, какъ дробь отчетливую, острую. Одѣвались мы не очень бережно, здоровались съ нимъ за руку, на *серьезныхъ* иностранцевъ не были похожи; это насъ сближало. На одинъ вопросъ мой, за кого онъ насъ считаетъ, Джіованни быстро взглянулъ какъ-бы провѣряя себя и сказалъ твердо:

— Artisti.

Какъ artisti, мы запаздывали въ ресторанъ, заказывали не совсѣмъ толково, разговаривали съ Джіованни, хохотали, прикармливали сенъ-бернара, прыгавшаго на улицу прямо чрезъ окно. Вообще, какъ иностранцы, russi, обладали индульгенціей на маленькія странности, даже причуды (вмѣсто вина спросить молока, не весьма аккуратно бриться, и т. п.). Джіованни видимо намъ покровительствовалъ.

Жилъ онъ далеко. Каждое утро подкатывалъ на своемъ бициклетѣ, въ каскеткѣ или дешевенькомъ канотье, аккуратно одѣтый въ черный костюмъ, будто-бы чѣмъ-то озабоченный; начиналась ресторанная сутолока, онъ входилъ въ нее, носился, дѣйствовалъ, острилъ, язвилъ — все-же его дѣло ему не нравилось; лучшіе виды, дальнѣйшіе, сохранялъ онъ подъ большимъ лбомъ съ курчавыми волосами.

Въ одинъ изъ нашихъ пріѣздовъ мы не нашли Джіованни въ ресторанчикѣ Маренго. Старый, прихрамывав-

шій Пьетро объяснилъ, что онъ ушелъ, что теперь самъ онъ — proprietario, и содержитъ ristorante Fenice. И правда, на via de' Pucci, недалеко отъ насъ, мы нашли Джіованни. Въ тѣсномъ, узенькомъ ресторанчикѣ, съ дверью, завѣшенной плетенкой, носился онъ, но теперь за прилавкомъ стояла видная итальянка въ серьгахъ, черноволосая, черноглазая, и мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, въ беретѣ и передникѣ, коротенькихъ штанишкахъ, помогалъ отцу. Мы встрѣтились очень дружественно. Онъ благодарилъ за память, познакомилъ насъ съ женой, усадилъ въ лучшемъ мѣстѣ, всячески выказывалъ вниманіе. Какъ и въ Маренго, все здѣсь казалось имъ наполнено; онъ леталъ всюду, всюду острилъ, шутилъ, на недовольныхъ огрызался, и его pronto! subito! вновь оживляло тѣсный Fenice. Но иногда забота и тревога явственнѣй выступала въ темныхъ, быстрыхъ его глазахъ.

Мы были вѣрными его кліентами. Мы водили къ нему друзей, пропагандировали его и, казалось — Fenice идетъ отлично. Передъ отъѣздомъ, поздно вечеромъ, мы пригласили его выпить фіаску кіанти, и когда никого уже не осталось, вмѣстѣ съ нимъ и съ женой его ужинали. Пили за процвѣтаніе Fenice, за то, чтобы онъ разросся въ огромный отель, пили за Флоренцію, Италію, и, разумѣется, Россію. Итальянка смущалась, ласково блестѣла черными глазами. Мы простились сердечно, считая, что чрезъ годъ, два встрѣтимся.

Боги, тогда намъ покровительствуя, довели вновь увидѣть дивный городъ. Послѣ всегдашнихъ обрядовъ встрѣчи, мы побѣжали на via Pucci, къ Джіованни. Вывѣски Fenice не оказалось. Пройдя далѣе, вновь возвратившись, мы замѣтили, что на мѣстѣ Fenice теперь магазинчикъ. Я спросилъ у прохожаго, гдѣ ресторанъ Fenice. Тотъ отвѣтилъ, что такого нѣтъ здѣсь. Я прибавилъ, что принадлежалъ онъ Джіованни R — i.

— Non c'e piu, signore. Proprietario rovinato

Владѣлецъ разорился! Я съ грустью это выслушалъ. Не кончивъ брить кого-то, изъ парикмахерской, съ бритвой и полотенцемъ выглянулъ парикмахеръ. И въ подтвержденіе коротко, твердо добавилъ:

— Rotto.

Было жарко, сухой вѣтерокъ пробѣгалъ по via Piccі. Надъ краснымъ куполомъ S. Maria del Fiore собиралось темное облако, вѣщая дождь.

Я медленно шелъ къ Маренго, мимо дворца Риккарди, гдѣ нѣкогда крошечный старичекъ въ капеллѣ, нынѣ умершій, показывалъ мнѣ фрески Беноццо Гоццоли, освѣщая ихъ электрическою лампочкой на длинной палкѣ, и шамкая приговаривалъ:

— Tutti ritratti, signore, tutti ritratti!

Мимо друга моего, Джіованни делле Банде Нере, сидящаго на площади Санъ-Лоренцо, на своемъ мраморномъ пьедесталѣ, среди букинистовъ, у которыхъ я покупалъ Петрарку. Мимо знакомыхъ и всегда волнующихъ меня булочниковъ, цвѣточницъ, кастаньяръ, подъ окнами, въ пріоткрытыя, зеленыя жалюзи которыхъ выглядываютъ итальянки, лѣниво болтающія. Мнѣ было жаль исчезнувшаго Джіованни.

Въ концѣ концовъ, мы знали его мало. Можетъ быть, онъ не совсѣмъ таковъ, какимъ намъ видѣлся. Но для меня онъ остался живымъ, легкимъ образомъ свѣтлой Флоренціи, какъ-бы благосклоннымъ, домашнимъ ея божествомъ. И не зная о немъ ничего, изъ глубины пространствъ и лѣтъ, хочется послать Джіованни, гражданину Флоренціи, привѣтъ дружественный. Если-же легъ онъ, защищая благословенную родину, то да будетъ легка ему та, дальняя родина, къ которой всѣ мы несемся неудержимо.

Вечерніе часы Флоренціи! Тишина парка Кашинэ, сребро-золотѣющія струи Арно, дали и кипарисы Санъ-

Миніато въ хрустальномъ воздухѣ. Глухіе закоулки Monte Oliveto, среди садовъ, лужаекъ, гдѣ играютъ дѣти, маленькихъ церквей, нѣжно звонящихъ; голубыя дали къ Пизѣ, видъ на безсмертную Флоренцію въ блѣдно-лиловой дымкѣ; юноша съ дѣвушкой, цѣловавшіеся за угломъ садовой ограды, едва не застигнутые нами.

И позже: розовато-пепельныя облака, тѣнь предвечерняя, фіолетовый сумракъ узкихъ флорентійскихъ улицъ; мальчишки, тяжелый омнибусъ, щелканье бича и окрикъ: і-о-бб! Первый, блѣдно-жемчужный фонарь на Понте Веккіо, облѣпленномъ лавчонками; его аркады, лиловато-холодѣющая даль рѣки, рыболовы у Понте алле Грація, средневѣковые закоулки у Санъ-Стефано, гдѣ нѣкогда Боккачіо читалъ комментаріи на Божественную Комедію. Въ тепломъ, нѣжномъ воздухѣ пахнетъ острыми запахами Флоренціи. Люди идутъ насвистывая, иногда напѣвая; шарманка играетъ; мягко шуршитъ бициклетъ; наверху окна открываются, темная головка выглянетъ; а на углу, рядомъ, древняя гвельфская башня, четырехугольная, съ крошечными окошечками. Вкось карнизы домовъ, далеко выступая надъ улицей; въ щель между ними полоска неба, пепельно-посинѣлаго, съ одинокой звѣздой. Это вечеръ тихій, безхитростный. Онъ даетъ покой сердцу, скромность и легкость. Въ этомъ вечерѣ есть благоволеніе и любовь.

И скромно сядетъ путникъ за столикъ скромнѣйшаго кафе площади Синьоріи, выпьетъ чашечку кофе, слушая разговоры мелкаго люда вокругъ, предъ лицомъ великаго Палаццо Веккіо съ тонкой, причудливой башенкой — вѣчнымъ обликомъ Флоренціи. Веттурины проѣзжаютъ; поетъ уличный пѣвецъ, собирая толпу; шумитъ фонтанъ, и герцогъ Козимо сурово возсѣдаетъ на конѣ.

Звѣзды смотрятъ съ небесъ.

И въ одномъ изъ вечеровъ такихъ, въ свѣтло-сиреневомъ сумракѣ съ отблескомъ заката, пробирается путникъ съ Borgo degli Albizzi, гдѣ разглядывалъ фасадъ дворца, въ Маренго, къ Джіованни ужинать.

На площади знакомаго намъ S. Lorenzo — группа. Стоятъ въ кружокъ около человѣка съ дѣвочкой. Человѣкъ немолодъ, бѣдно одѣтъ, полуслѣпой — въ огромныхъ, зеленѣющихъ очкахъ. Отирая больные глаза клѣтчатымъ платкомъ, онъ чертитъ на землѣ палочкой, съ жаромъ ораторствуетъ.

Осада Флоренціи, 1530 года! Расположеніе войскъ, описаніе штурмовъ, имена полководцевъ... и все это страстно, голосомъ хриплымъ, но бурнымъ, ораторски, очень красиво, толково. Интонаціи, жесты, съ которыми, навѣрно, еще древніе говорили, и что теперь перешли къ адвокатамъ и политикамъ Италіи.

Кто онъ? Обнищавшій-ли профессоръ, опустившійся учитель, другъ, поклонникъ Бахуса? Или просто странникъ, никому не служащій, живущій скромнымъ гонораромъ скромныхъ слушателей?

Когда послѣдняя рулада прогремѣла, онъ окончательно отеръ вспотѣвшій лобъ, а дѣвочка, съ тарелкой, стала обходить толпу. Чентезими и сольди зазвенѣли. Бросили мы также подаяніе свое — съ чувствомъ смутно-волнующимъ. И народъ сталъ расходиться, и какъ Эдипа повела дѣвочка за руку полуслѣпого отца въ темнѣющіе переулки Флоренціи. Можетъ быть, за стаканомъ краснаго вина будетъ онъ вновь ораторствовать въ тратторіи для извозчиковъ, и въ распаленномъ мозгу встанутъ видѣнія Флоренціи далекой, и великой? Будетъ-ли онъ, съ пьяныхъ глазъ, цитировать Данте, или сонеты Микель-Анджело?

Такъ размышляя, мы подходимъ къ своему Маренго. На другой сторонѣ улицы, противъ его дверей, блѣдно-матовый шаръ сіяетъ — входъ въ театръ, Arena Nazio-

nale. Здѣсь идетъ оперетка, здѣсь играетъ знаменитый Бенини.

Джіованни, послѣ супа, подаетъ намъ афишку, и блестя, играя черными своими глазами, на вопросъ, стоитъ-ли сходить въ театръ, отвѣчаетъ, что даже очень, что театръ веселый. Ловко выхватываетъ онъ изъ жилетнаго кармана часы, взглядываетъ.

— Dieci minuti, signore, vi resta dieci minuti . . .

Какъ простъ, безхитростенъ театръ въ Италіи, и какую прелесть онъ имѣетъ! Сколько веселья, таланта, солнца, простодушія въ Гольдони, и въ актерѣ, въ зрителѣ . . . То сложное, глубокое, чему столь много служитъ сѣверный театръ, здѣсь не у мѣста. Здѣсь не къ мѣсту и исканія театра. Италія страна латинская. Духъ древности, традиціи, любовь къ основамъ такъ-же здѣсь сильна, какъ, можетъ быть, во Франціи. Врядъ-ли французскій или итальянскій театръ близки намъ *по духу*; но мимо итальянской легенькой комедіи намъ не пройти; это прелестно, въ жанрѣ пусть не нашемъ, но очаровательномъ.

Мы попадаемъ за нѣсколько минутъ до представленія. Все очень простенькое въ этомъ театрѣ, передѣланномъ, кажется, изъ цирка. Крошечныя ложи, нехитрый занавѣсъ, никакихъ украшеній. Вольтова дуга подъ бѣлымъ потолкомъ шипя, потрескивая, освѣщаетъ живую толпу бѣлымъ своимъ, синѣющимъ свѣтомъ. Въ толпѣ снуютъ продавцы мороженаго. Предлагаютъ кофе, шоколадъ. Служители, съ огромной стойкой подушечекъ, сложенныхъ какъ блины, на разные голоса, съ распѣвомъ и коротко, возглашаютъ:

— Cuscini! — Cusci-i-ni! Cuscini! Cuscini!

Это значитъ — не угодно-ли, за двадцать чентезимовъ, купить себѣ подушку, чтобы мягче было сидѣть въ партерѣ. Нельзя безъ улыбки смотрѣть на эту торговлю, хоть и самъ купишь просиженную, потертую cuscino, и съ

нея комфортабельнѣй будешь слушать жиденькій оркестръ, жидкую музыку „Мамзель Нитушъ“, созерцать декораціи, колеблемыя токомъ воздуха, и такъ написанныя, что подумаешь — да правда-ль ты въ странѣ Джотто, Леонардо и Рафаэля? Но все техническое, зрительно-декоративное въ театрѣ Италіи отсутствуетъ. Какъ ателлана, какъ комедія масокъ, весь онъ основанъ на актерѣ, нѣкогда надѣвавшемъ маску, а теперь просто гримирующемся, но и какъ тогда — играющемъ наполовину собственный текстъ. Врядъ-ли актеръ здѣшній можетъ думать, что долженъ *выразить автора.* Авторъ, комедія — это предлогъ, чтобы *выразить себя.* Древній духъ импровизаціи его не оставилъ.

И достаточно Бенини появиться на подмосткахъ (именно *подмосткахъ*, а не сценѣ) — весь театръ заливается. Онъ веселится не напрасно. Ибо, правда, есть глубокій комизмъ, и тонкое, пѣнящееся обаянье въ самомъ послѣднемъ пустякѣ, сказанномъ имъ, въ любомъ жестѣ, любой интонаціи. Въ сущности, онъ одинъ все вывозитъ, и ему на три четверти обязаны мы тѣмъ добрымъ, свѣтлымъ смѣхомъ, что сопутствовалъ намъ часа три. Нынѣ Бенини нѣтъ въ живыхъ. Я не знаю, оставили-ль его успѣхи слѣдъ прочный въ Италіи. Слава актера мгновенна! — Какъ закипѣла, всклубилась, дошла до зрителя, такъ-же и отцвѣла. Удивительному Бенини, блиставшему въ комедіяхъ Гольдони и въ жалкихъ фарсахъ, ничтожныхъ операткахъ — дань признательной благодарности изъ страны Гипербореевъ.

Смѣясь, въ легкой толпѣ, возвращаемся мы въ свой Albergo. Вся улица полна народу. Опять щелкаютъ бичи, катятъ веттурины, опять шумятъ, свистятъ, кричатъ, напѣваютъ. Это продолжается довольно долго. Уже мы у себя въ номерѣ, уже хочется отдохнуть послѣ дня полнаго, дня *прожитого*, а еще все гремитъ музыка въ кинемо черезъ улицу, все съ улицы доносятся крики, прокаты-

ваетъ запоздалый веттуринъ, и сквозь узенькія щели жалюзи втекаетъ воздухъ — милый воздухъ Флоренціи.

Въ полночь становится тихо. Пустынно сейчасъ на улицахъ. Гдѣ-нибудь въ отелѣ укладывается утомленный мимъ, вѣчный обликъ маски древней — Бенини, а съ нимъ о бокъ дремлютъ творенія Микель-Анджело, каменѣютъ во тьмѣ соборы и дворцы, и статуи. Великое Флоренціи, и то мгновенное, что представляемъ изъ себя мы, люди, одинаково безмолвно въ одиночествѣ ночномъ. Долго-ль впивать намъ свѣтъ, благоуханіе міра? Это невѣдомо; но вѣдь не длительнѣй мы, на землѣ, той отшумѣвшей комедіи, что шла нынче въ театрѣ, и тѣмъ жарче, страстнѣй надлежитъ намъ прильнуть къ каждой медоносящей минутѣ бытія.

3. ПОЛЕТЪ

Нельзя разстаться со Флоренціей, не оглянувъ, въ послѣдній разъ, стройнаго, легкаго ея облика съ высотъ Санъ Миніато.

Тамъ, за Арно, надъ башней Санъ Никколо, подымается площадка, съ баллюстрадой. Бронзовый Давидъ, великолѣпный снимокъ, украшаетъ ее; въ глубинѣ, подъ темной зеленью кипарисовъ, вязовъ и платановъ, выше благороднаго Casino, гдѣ кафе, подымается фасадъ церкви Санъ Миніато, скромный, древній, по тосканскі пестромраморный. На площадкѣ этой всегда есть кто-нибудь. Дѣти играютъ у подножія Давида. Продаютъ цвѣты. На верандѣ кафе тянутъ красно-ледяной гренадинъ черезъ соломинку, пьютъ кофе. Иногда музыка доносится. Иной разъ рваный славянинъ съ Балканъ, съ медвѣдемъ на цѣпи зайдетъ сюда — продѣлываетъ нехитрыя забавы, смѣшившія насъ въ дѣтствѣ. Странно видѣть его здѣсь передъ Флоренціей, раскинувшейся внизу, предъ голубѣющими холмами съ бѣлыми виллами, съ синими, бѣ-

гущими тѣнями облаковъ. Но и медвѣдь вошелъ, въ концѣ концовъ, въ гармонію. Яркая голубизна воздуха, свѣтлый вѣтеръ, вѣющій съ Казентина — опьяняющій духъ Тосканы — все это поглотило, приняло бѣднаго комедіанта съ бѣднымъ звѣремъ.

Не за кофе, не за гренадиномъ, не за музыкой бываютъ люди здѣсь. Отсюда открывается Флоренція. И часто, вечерами, тянетъ къ Piazzale Michelangelo, вдохнуть прозрачности, спокойствія и прелести.

Какъ свѣтлая раковина, прорѣзанная изгибомъ Арно, лежитъ Флоренція въ долинѣ, окаймленной мягкими горами. Что-то жемчужное есть въ вечернемъ солнцѣ, теплѣющемъ ея отливѣ, въ нѣжной пестротѣ, взятой въ смягченномъ, дымно-золотистомъ туманѣ. Нѣчто дѣвичье — въ легкой стройности кампаниллъ, что-то живое, юное, вѣчно-мѣняющееся и вѣчно-нестарѣющееся, то, что называемъ мы нетлѣннымъ. Это волшебное Флоренціи всегда пьянитъ, духъ омываетъ, просвѣтляетъ.

Въ вечерѣ, мирно-золотѣющемъ, уходитъ солнце. Вдали, на свѣтлоозаряемыхъ холмахъ сіяетъ золотомъ стекло какой нибудь изъ виллъ, бѣло-горящихъ среди зелени. А ужъ внизу, надъ Арно, нѣжно-сиреневое одѣваетъ городъ — чешую крышъ, острыя кампаниллы, мягкую глубину улицъ. Дымка легка, туманна! Понемногу розовымъ наполняется воздухъ, горы порозовѣли, золото угасло, и тихо, однозвучно звонятъ Angelus церкви Флоренціи. Въ свѣтло-туманно-огненную даль, на западъ, уходитъ Арно, мимо сада Кашинэ, заволокнутаго нѣжно-лиловымъ. Позже, когда плотнѣй укутается городъ въ сизо-сиреневое, и лишь Палаццо Веккіо, Санта Маріа дель Фіоре да Санта Кроче еще теплятся алымъ, влѣво, вдоль блѣднѣющаго Арно золотые огоньки означатся, тонкою цѣпью. Справа-же, съ горъ Пратоманьо, поползетъ лиловый, клочковатый сумракъ, и верхи горъ заклубятся. Значитъ, вечеръ насталъ. Городъ уходитъ во мглу сире-

невую, таетъ въ ней, и все больше, больше золотыхъ, дрожащихъ огоньковъ является надъ нимъ.

Купимъ послѣднюю розу у старушки на площадкѣ, спустимся лѣсенкой, рубленой въ почвѣ каменистой — внизъ, гдѣ течетъ Арно, гдѣ трамвай бѣжитъ по набережной съ Bagni Ripoli, весь переполненный рабочимъ людомъ, operai'ей. А о Флоренціи можно теперь мечтать, любить ее, и вѣчно вспоминать.

Тебѣ, Флоренція! Тебѣ, таинственная родина души, съ перваго взгляда узнанная, съ перваго дыханія полюбленная; тебѣ, молодость озарившая; тебѣ, счастьеподательница; тебѣ, о комъ мечта оживляетъ сердце — тебѣ привѣтъ, тебѣ любовь.

Великіе соборы и дворцы; стройныя кампаниллы, легко взбѣгающія, нѣжно звонящія. Безсмертные поэты, Орлы Трехъ Царствъ и паладины Любви. Творцы Образовъ, прославившихъ стѣны, васъ пріемлющія. Безупречные ваятели, создавшіе расу выше человѣческой. Площади, улицы и переулки, дома и черепицы, мосты, сады и набережныя, голуби на площади Синьоріи и веттурины передъ Баптистеріемъ; скромные альберго и невѣдомые Джіованни. Бѣдный оселъ, везущій камень, собачка, задремавшая средь статуй Лоджіи, жалкій комедіантъ и голодный медвѣдь на Piazzale. Вѣтры, солнца, благоуханія, пыль, дождь, весна и лѣто, зима и осень, дни и ночи Флоренціи, розы ея садовъ и жалкій соръ мостовыхъ —

всѣ вы, великіе и малые,
вѣчные и мгновенные,
древніе, вчерашніе, нынѣшніе
и
завтрашніе:

пріимите поклоненіе странника краевъ дальнихъ. О ты, Флоренція — дѣва, звѣзда, мечта, фантасмагорія.

1920 г.

CIEHA

Кто хоть немного знаетъ художника Сано ди Пьетро, видѣлъ въ Шантильи его св. Франциска и трехъ небесныхъ дѣвъ, слетѣвшихъ къ нему въ сѣровато-зеленѣющемъ ландшафтѣ, среди холмовъ и непоражающихъ деревьевъ, тотъ не будетъ ждать отъ Сіены водопадовъ, или бурь. Тамъ этого нѣтъ. Ни въ искусствѣ, ни въ природѣ. Это тотчасъ становится яснымъ, какъ только отъѣхалъ отъ Флоренціи и со станціи Эмполи свернулъ на сіенскій проселокъ. Сразу чувствуешь, что главная дорога культуры, какъ и Аппенинъ, осталась въ сторонѣ. Магистраль пошла на Римъ. Мы-же углубляемся въ края первобытные, и благословенные, дѣтскіе.

Это странное, по своему обаятельное, обнимаетъ очень скоро; это идиллія. Сколько тутъ фруктовъ, какъ ясно-благосклоненъ воздухъ, весь онъ полонъ этихъ полей и пшеницъ простодушныхъ; здѣсь есть дали, нѣту горъ, спокойныя рѣчки текутъ зеленоватою водой, обсаженные тополями.

Какіе могучіе хлѣба! Долина Эльзы плодородна; въ ней работаютъ крестьяне, люди нехитрые и славные; изсѣра-блѣдное небо виситъ, и нерѣдки дожди. Вотъ Чертальдо, гдѣ родился Боккачіо, Поджибонзи, откуда двѣнадцать верстъ на лошадяхъ до Санъ-Джиминьяно. Что можно дать, чтобы проѣхаться на лошадяхъ въ Италіи! Но краплетъ дождь, и останавливаться въ Поджибонзи неудобно. А въ Джиминьяно есть Беноццо Гоццоли, и какія башни тамъ!

Въ этой-же странѣ, мирной и злачной, изготовляютъ кіанти. Тутъ его родина настоящая. Такъ и станція называется — Castellina in Chianti.

Вокругъ живутъ виноградари сада Божьяго; въ простотѣ, изяществѣ, какъ люди Библіи, разводятъ они плоды, обрабатываютъ поля, осенью выжимаютъ вино. Есть что-то вызывающее улыбку въ этой жизни; далеко — даже какъ-бы ушедшее навсегда своей *особенностью,* отрѣзанностью отъ культуры *нашей.* Но нехорошо будетъ тому, кто осудитъ и недобро посмѣется надъ этими людьми: трудъ, честность и большое благородство есть въ ихъ жизни. Пошлости-же нѣтъ совсѣмъ.

Къ самой Сіенѣ подъѣзжаешь какъ-то незамѣтно; она все время выше поѣзда, громоздится толстыми стѣнами, башнями; по темно-коричневому тону камня вспоминаешь terre de Sienne, дѣтство, акварельные рисунки.

Но уже вокзалъ — надо идти; туристы настоящіе, начиненные фунтами стерлинговъ, катятъ въ отельныхъ рыдванахъ и видъ имѣютъ серьезный: это англичане. Но ты, русскій, безденежный, ты, другъ Италіи, другъ прелести великой, пройдешься и пѣшкомъ съ чемоданчикомъ по закоулкамъ этого города — благо, закоулки такіе, что не жаль времени. Изъ подваловъ глядятъ сапожники съ очками на носу; мальчишки разѣваютъ рты на насъ, мы чувствуемъ себя странно, смѣшно немного и трогательно въ этихъ каменно-сѣрыхъ щеляхъ средневѣковыхъ, съ подъемами чуть не отвѣсными, гдѣ на лошади не проѣдешь, и разставивъ руки, достанешь до домовъ противоположныхъ. Вдругъ видъ, пестрые кампаниллы; потомъ опять все заслоняется, лишь сѣрое небо надъ нами; въ него уходитъ городъ. Начался дождь; очень тихій, какъ-бы вѣжливый; ему и промочить-то насъ не хочется.

Къ счастію, передъ нами albergo; albergo есть скромный донкихотскій „постоялый дворъ“, но все-таки чисто, имѣется ресторанчикъ, за три лиры огромнѣйшій номеръ,

преданность, любезность и прочее. Гигантскія постели, холодный полъ, запахъ Италіи, итальянскія жалюзи въ окнахъ и итальянскіе шпингалеты; за окномъ маленькая площадь, въ углу коей домъ Катерины Сіенской.

Какъ почти всегда въ чуждомъ и далекомъ мѣстѣ, въ первыя минуты мысль: что если останешься навсегда здѣсь? На мгновенье страшное и сладкое охватываетъ: сдѣлаться гражданиномъ этого города коричневаго, забыть родину, семью, жить среди ремесленниковъ, булочниковъ, монаховъ, въ кафе. Трудно повѣрить, что они здѣсь живутъ *всегда*, никуда не уѣдутъ, многіе всю жизнь не выѣзжали и умрутъ въ этой Сіенѣ.

Минутный *хладъ* въ душѣ.

Чтобы попасть въ Академію, надо сойти по узкому проулку внизъ, шагая со ступени на ступень. Старый сторожъ отворитъ дверь, вы сложите зонтикъ (идетъ теплый дождь) — предъ вами картинная галлерея.

Старина тутъ огромнѣйшая — есть распятія XII вѣка. Было время, Сіена считалась не слабѣе Флоренціи по художеству и чуть-ли не древнѣе; во всякомъ случаѣ, прародитель школы Сіенской, Дуччіо Буонинсенья, равенъ по времени Чимабуэ. Вообще въ четырнадцатомъ вѣкѣ, вѣроятно, нельзя было сказать, что выше. Братья Лоренцетти, Таддео ди Бартоло, Симоне Мартини (Мемми) приблизительно равны, а частично и интереснѣй флорентійскихъ „джоттесковъ“ — Гадди, Капанна и др. (но не самого Джотто). Нѣкоторый душевный тонъ, жившій въ Сіенѣ, — духъ скромности и благочестія, блѣдно-золотыхъ ризъ и сіяній, Франциска Ассизскаго, идеализма тихаго, безплотнаго — хорошо выразился въ тѣхъ формахъ. Какъ и для Флоренціи, дни Данте и Джотто навсегда останутся бѣлоснѣжной юностью, неповторимой и чудесной; просыпающійся народъ бралъ душами из-

бранниковъ самыя первыя, самыя утреннія свои ноты. Поэты писали объ Amore, какъ Данте, описывали сновидѣнія, гдѣ Любовь говорила вѣщія слова: gentilissima (Беатриче изъ „Vita nuova“) ходила по улицамъ Флоренціи, а молодой Данте чуть не падалъ въ обморокъ, видя ее, прятался и у себя въ комнаткѣ, въ слезахъ, писалъ сонеты, направляя ихъ къ *другой* (чтобы не выдать тайны!).

Трудно знать, что понимали и чувствовали тогда *эти люди*; но для насъ тѣ времена и тѣ поэты — Гвиничелли, Кавальканти, Чино да Пистойя, Данте да Майано, въ живописи „джоттески“ овѣяны дальнимъ очарованіемъ, тѣмъ, что читается съ Джоттовскаго портрета Данте, съ лицъ праведниковъ въ Santa Maria Novella (фреска Орканьи), въ дѣвахъ Испанской капеллы и др.

Все это было близко сіенцамъ. Въ „Благовѣщеніи“ Амброджіо Лоренцетти тѣ же бѣлыя лиліи, золото и икона. Созерцанія и тишины было достаточно; при извѣстныхъ условіяхъ искусства это удовлетворяло.

Но времена измѣнились — наступилъ пятнадцатый вѣкъ. Флорентійцы, оставаясь вѣрными духу свѣта, плавности внутренней, проявляли это уже въ усложненныхъ формахъ реалистическихъ, — у Ботичелли тотъ же родной духъ звучитъ очень *махрово*; цѣлыми потоками, — не однотонной мелодіей прежнихъ лѣтъ. *Сюда* сіенцы уже не пошли. Есть что-то трогающее, быть можетъ, прекрасное въ этомъ консерватизмѣ одинокомъ; всѣ занимаются рисункомъ, анатоміей, штудированіемъ — мы запираемъ ворота нашей Сіены и остаемся въ надменномъ нашемъ гнѣздѣ со стариной, — и не уступимъ ни за что. Долой реализмъ. Оскорбительно для святыхъ и Богоматери выступать въ костюмахъ флорентійской знати. У васъ Кастаньо — у насъ Сано ди Піетро; у васъ Синьорелли, Беато Анджелико — у насъ Сано ди Піетро; у васъ Микель Анджело — у насъ Сано ди Піетро! Піетро! Піетро!

Тутъ уже начинается упрямство; ибо Сано ди Піетро человѣкъ второстепенный, воспитанный тоже на прошломъ вѣкѣ — но сильнѣе его сіенцы никого не могутъ выставить. И въ этомъ ихъ приговоръ: симпатичной *второстепенной* школы. Лирической и *негеніальной*.

Весь день принимался и переставалъ дождь. Радостно было бродить въ тепломъ воздухѣ, по узкимъ улицамъ. Столько камня, и вдругъ зелень — она прекрасна въ такомъ мѣстѣ.

Кривыми закоулками, постоянно взбираясь выше, мы достигли собора на пустыннѣйшей площади. Это верхній пунктъ, „гнѣздо“ Сіены. По сторонамъ безлюдныя коричневатыя зданія, самъ соборъ пестрый — черный съ бѣлымъ мраморомъ. Нельзя сказать, чтобы очень онъ нравился, но въ немъ есть странное; въ тринадцатомъ (кажется) вѣкѣ рѣшили сіенцы построить соборъ, колоссальный, для котораго сохранившійся составлялъ бы одно крыло. Начали строить — не смогли. Но и до сихъ поръ остались эти громады — арки, колонны, нелѣпо внѣдряющіяся въ улицы (вѣрнѣе — облѣпленныя домиками, что ютятся тутъ со временъ неудачи). Мы бродили по этому странному лабиринту съ удивленіемъ; какъ будто въ опустѣломъ гигантскомъ ульѣ начались новыя постройки; бѣдныя, вызывающія жалость.

Никого! Стучатъ каблуки по вѣковому камню, дождь бѣжитъ; туманы и туманы.

Я могъ бы говорить о чудесныхъ работахъ на полу собора — мозаики графитомъ, изображающія сцены Ветхаго Завѣта, Сивиллъ и проч. О Пинтуриккіо и его „Жизни Энея Сильвія“; о древней ратушѣ съ сіенской волчицей и прекрасными фресками Лоренцетти, Сано ди Піетро и др. Но все же больше остался въ памяти самый городъ, благо-

уханный апрѣльскій дождь, чувство дальняго бродяги, зазанесеннаго Богъ вѣсть куда.

Часа въ четыре-пять, когда надвигался уже вечеръ, мы вышли за ратушу къ откосу; далеко за городомъ видны были мирныя зеленыя долины; слабо ходилъ туманъ и пряталъ какую-то гору. Итальянскіе мальчики играли въ мячъ. Вотъ онъ цѣлится, стрѣляетъ во врага, тоненькій, ловкій, мчится чрезъ лужайку, черезъ секунду пройдется колесомъ, сейчасъ попроситъ у васъ сольдо, потомъ высунетъ языкъ — въ этихъ невинныхъ играхъ дѣтей есть многое; не въ нихъ ли, не въ вольныхъ ли ихъ забавахъ подъ тихимъ небомъ — сердце этого города?

Зажелтѣли фонари; все окунулось во влагу. Мы опять бредемъ, — дальше, къ какимъ-то казармамъ на окраинѣ. Аллея, цвѣтутъ бѣлыя акаціи, благоухая необычайно. Дождь пересталъ. Долины дымятся глубокой зеленью, съ деревьевъ капли падаютъ. Какіе-то обрывы, откосы, и тишина, тишина! Сумеречный часъ; онъ полонъ глубины; спускаетъ онъ вуали, погружаетъ городъ въ свою мглу. Подъ его десницей тихо дремлютъ соборы съ острыми кампаниллами, давно почившія души древнихъ; изо дня въ день онъ одѣваетъ скромный уголъ забвеніемъ; вѣка уходятъ, жизнь выкраивается по иному. Она ушла на безконечность отъ его творцовъ. Работая, творя, живя, они какъ будто проиграли свою игру; въ гибеллинствѣ — цѣликомъ, въ соборѣ частью, въ искусствѣ также. Не оставили великаго. Воевали противъ природы, духа жизни; а теперь — кто знаетъ ихъ? Захолустный проселокъ соединилъ городъ съ міромъ, — на духовномъ проселкѣ и его искусство. Но тѣмъ острѣе, тоньше — больнѣй входитъ въ душу полузабытое. Проиграли — но были чисты передъ Богомъ; невелики — но художники. И навсегда слабое сіяніе исходитъ изъ фресокъ полуугасшихъ.

1908 г.

ФЬЕЗОЛЕ

Пятый часъ дня. Площадь собора во Флоренціи, солнце, голуби у джоттовой кампаниллы; черезъ нѣсколько минутъ нашъ трамъ уйдетъ. Кампанилла бѣжитъ вверхъ плавно, таетъ какъ звукъ; если взобраться туда, будетъ видна вся Флоренція; съ горъ потекутъ благовонные токи, запахъ садовъ, фіалокъ, свѣжести обольстительной.

Трамъ бѣжитъ по довольно пустой улицѣ; синія тѣни отъ домовъ, въ окнахъ жалюзи, густѣйшая зелень выглядываетъ изъ-за стѣнъ. Но это еще городъ; черезъ четверть-же часа мы тихо, гудя, пополземъ въ гору, и какъ тогда развернется горизонтъ — виллы, сады, дали!

Противъ насъ старая пара, англичанинъ съ женой. Это люди чинные, здоровые, даже розовые; отъ нихъ пахнетъ свѣжестью платья, мылами тонкими и прочно прожитой жизнью; вѣрно, они снимаютъ виллу удобную, и остатокъ дней продремливаютъ въ розахъ, среди кипарисовъ и чудесныхъ синихъ далей.

— San Domenico!

Англичане протираютъ глаза. Мы тоже слѣзаемъ. Пока шелъ сюда трамъ, кружа и дѣлая зигзаги, все шире разстилалась внизу безсмертная долина; теперь она лежитъ далеко. Флоренція коричневѣетъ черепицей, и надъ домами выкругляется куполъ Собора. Блѣдно-фіолетовымъ, голубоватымъ все одѣто. Только виллы, да селенья по холмамъ остро бѣлѣютъ.

Мы рѣшаемъ идти пѣшкомъ къ самому Фьезоле. Скоро становится круто; хочется вѣтра, но вѣтра нѣтъ; съ обѣихъ сторонъ за каменными стѣнами сады; оттуда висятъ розы, кипарисы темнѣютъ, олеандры; вотъ маслина; она похожа на нашу иву, узловатая, сухо блеститъ листьями.

На полпути, откуда Тоскана видна уже широко, лѣпится церковь S. Ansano. Въ книгѣ о монастыряхъ, церквахъ Флоренціи, о ней отзывъ похвальный; будто два Ботичелли есть, впрочемъ, изъ числа сомнительныхъ. Церковь-же, дѣйствительно, мила; возрастъ ея — одиннадцатый вѣкъ; маленькая, скромная, скорѣе большая часовня. Находимъ и нѣчто въ родѣ Ботичелли: двѣ аллегорическія картины. Легкія дѣвушки, типа „Весны", влекутъ колесницу, управляемую Цѣломудріемъ.

Прислужница, конечно, указываетъ на стѣнахъ и Джотто, и Беато-Анджелико; но таковъ ужъ удѣлъ этихъ художниковъ: находиться чуть не въ каждой итальянской церкви.

Какъ-бы то ни было, благодаримъ „кустоду" и подкрѣпленные художествомъ, прохладой, продолжаемъ путь. Теперь ужъ недалеко. Минуемъ бывшую виллу Викторіи (раньше принадлежавшую Медичи), много разныхъ другихъ виллъ и садовъ, — наконецъ, добираемся до городка. Это мѣсто еще временъ римскихъ, Faesulae. Здѣсь была крѣпость, отсюда и выселились основатели Флоренціи. Сейчасъ тутъ осталась развалина амфитеатра; это, кажется, и все отъ античнаго; средневѣковое представлено соборомъ XI-го вѣка; соборъ — огромный, мрачный, темный ящикъ; очень длинный и узкій, съ двумя рядами колоннъ, образующихъ главный нефъ. Холодно въ немъ. Наверху черныя поперечныя балки, нищіе бормочутъ у паперти, и такъ сумрачно, какъ ни въ одномъ соборѣ, кажется. Въ глубинѣ есть монументъ, работы Мино да Фьезоле. Мино — одинъ изъ тѣхъ скульпторовъ (Дезидеріо да Сеттиньяно, Козимо Росселли), которые

образуютъ группу въ искусствѣ XV-го вѣка. Ихъ можно опредѣлить интимизмомъ, мягкостью, нѣкоей женственностью. Изящно, *мило*, но не *велико*. Мино, какъ и всѣ они, дѣлалъ надгробные памятники; онъ — одинъ изъ талантливѣйшихъ — дѣлалъ съ особенной трогательностью; такова и Дѣва Марія во Фьезоле; мраморъ становится кроткимъ, изъ него создается Богородица — дѣвушка, безхитростная, свѣтлая; она ласкова, въ ней есть голубиное — и не очень глубокое. Можетъ быть, глядя на нее, вспомнишь кельнскую „Богородицу съ бобомъ".

. . . . .

Пересѣкая площадь, подходимъ къ ресторанчику; уже пріѣхали англичане на автомобилѣ; миссъ шестнадцатилѣтняя, въ коричневой вуали и тупоносыхъ ботинкахъ щелкаетъ кодакомъ. И мы сидимъ всѣ на террассѣ, пьемъ гренадинъ со льдомъ изъ соломинокъ, а потомъ еще какую-нибудь gazzoz'у. Жажда страшная. Но подъ тентомъ солнце не жжетъ; внизу, въ цвѣтникѣ, розы; опять передъ глазами равнина великая — Тоскана, съ городомъ своимъ Флоренціей. Городъ кажется отсюда туманной черепахой, съ пятнами зелени и иглами кампаниллъ; справа выбѣгаетъ садъ Cascine, за нимъ Арно сверкаетъ въ солнцѣ, змѣевидно; оно рѣжетъ глазъ своимъ зеркаломъ. На подъемъ къ намъ взбирается поѣздъ; ему трудно; онъ задыхается отъ дыма, жара, какъ бѣдное животное — потомъ, въ бѣлыхъ клубахъ, уползаетъ внутрь нашей горы, въ туннель.

Предлагаютъ идти пѣшкомъ въ Сеттиньяно. „Теперь будетъ подъ гору, жаръ спадаетъ, прогулка отличная; а оттуда въ городъ трамомъ".

Идемъ. Сначала по трамвайной линіи, среди тѣхъ-же панорамъ: зелень, виллы, дальніе горизонты, голубые океаны; отъ ширины веселѣетъ духъ, взыгрываетъ свѣтлой

радостью; что-то божеское въ этомъ ослѣпительномъ разстиланіи міра у ногъ; точно дано видѣть его весь, и кажется, что стоишь на высотахъ не только физическихъ. Такъ пьянѣютъ, вѣроятно, птицы, летя съ горъ.

Солнце ближе къ закату; розовые потоки прошли по этимъ пространствамъ; кампаниллы внизу зазвонили; изъ города по деревнямъ возвращаются тропинками рабочіе. Мы въ это время въ тѣни парка; вотъ вилла загородила видъ внизъ, но открылся зато сбоку, въ другую сторону; туда легъ уже вечеръ; лѣса потемнѣли въ долинѣ, только на верхушкѣ блеститъ въ солнцѣ старый замокъ.

Здѣсь уже итальянская деревня. Гонятъословъ, ѣдутъ крестьяне въ таратайкахъ, въ синихъ курткахъ; сбоку каменный парапетъ; онъ защищаетъ яблоневый садъ, засѣянный пшеницей. Мы садимся на эту ограду, спустивъ внизъ ноги; оттуда тянетъ влагой, — густымъ, славнымъ запахомъ поля. Бьютъ кузнечики. Небеса фіолетовѣютъ на сѣверѣ, за замкомъ; пожалуй, нельзя засиживаться. И вотъ, спустившись къ ручью, опять поднявшись куда-то, мы въ маленькой деревушкѣ Сеттиньяно. Отсюда родомъ былъ скульпторъ Дезидеріо, кваттрочентѝстъ. Потомки воздвигли ему памятникъ; мраморный Дезидеріо стоитъ на площади, лицомъ къ Флоренціи; это юноша въ художническомъ беретѣ, видомъ какъ-бы съ фрески Гирляндайо. Но сдѣланъ плохо — врядъ-ли Дезидеріо подъ этимъ подписался-бы.

Отъ его подножья за Флоренціей виденъ закатъ. Какъ пышно! Нынче яркобагровое и кровавое залило все небо, двѣ тучи замерли, съ золотыми ободками; эти темно-фіолетовыя. „Вѣчный городъ“ скоро потемнѣетъ; но сейчасъ еще виденъ, въ красномъ дыму, всегда ясный, всегда тонкій и твердый, вспаиватель творцовъ безупречныхъ.

Мнѣ помнится въ тотъ вечеръ ожиданіе трама — внизу, снова у ручья, сидя на перилахъ мостика. Тутъ-же тратторія, обѣдаютъ рабочіе. Лавочники на порогахъ; мальчишки скачутъ, въ ручьѣ занимаются дѣвченки. Вдругъ событіе. Юноша разыскалъ дохлую крысу. Итальянцамъ все занятно. Пожилые подходятъ, разспрашиваютъ — крики, веселый ужасъ — это онъ за хвостъ размахиваетъ крысой; синьорины въ платочкахъ вразсыпную, мальчишки въ восторгѣ.

Слава Богу, гудитъ трамъ; и въ лѣтней ночи несетъ насъ, пустой, въ городъ. Сидя у окошка, нельзя надышаться садами; кой гдѣ сѣно въ нихъ скошено; въ блѣдной мглѣ вдругъ взовьется фейерверкъ — невысоко надъ землей; роекъ летучихъ свѣтляковъ. Взвившись, растекаются они сіяющими точками. Какой запахъ, сѣно! Ночь, зелень, Италія.

1908 г.

ПИЗА

Жаль Флоренцію! Солнечное утро, дорогія кампаниллы и Duomo — все это сзади. Поѣздъ рѣзво выносится въ равнину, къ Арно, и чудесный городъ начинаетъ заволакиваться: сначала розовый туманъ одѣнетъ, а тамъ — „засинѣетъ даль воспоминанья". Въ углу, въ третьемъ классѣ плачетъ итальянка; молодая дѣвушка съ черносливными глазами, какъ всегда въ Италіи; но теперь они закраснѣли, въ слезахъ, и все она машетъ платочкомъ туда, гдѣ ее провожала другая, вѣрно сестра, и гдѣ оставила она свою „bella citta di Firenze". А поѣздъ мчится себѣ. Его путь на западъ, итальянкѣ, можетъ быть, въ Ливорно, а то и въ Америку на долгіе годы разлуки со своей Firenze; намъ же — въ Пизу.

Что такое Пиза? Воображеніе заранѣе настроено противъ нея. Наклонная башня, Галилей . . . что то гимназическое есть въ этомъ. Будто офиціальное восьмое чудо свѣта. И когда поѣздъ въ облакѣ и съ бѣшенствомъ, перестукивая всѣ стрѣлки и бросая съ боку на бокъ, влетаетъ въ Пизу, вы готовы согласиться: мѣсто ровное, башни не видать, отъ пыли чихаешь . . . Хороша была Флоренція!

Странный городъ, на самомъ дѣлѣ; сдали вещи въ багажъ, желаете напиться кофе на вокзалѣ. Кажется, простая вещь. Но пизанскіе лакеи длинны, тощи, стары и надменны; подавая кофе, имѣютъ какъ бы оскорбленный и брезгливый видъ: какое то тамъ cafe late! Видимо, это потомки тѣхъ гибеллиновъ, которымъ принадлежала нѣ-

когда Пиза, которые отличались высокомѣріемъ и худосочіемъ, носили длинные прямые мечи, умѣли только драться и всегда бывали биты.

Итакъ, первое впечатлѣніе враждебно. Что-то будетъ дальше.

И вотъ дальше оказывается, что все не такъ: только вы отъѣхали отъ вокзала и подъ солнцемъ іюньскимъ тронулись по пизанскимъ улицамъ, сразу начинается волненіе; это волненіе безошибочное, художническое „возмущеніе духа".

Въ городѣ тишина и всѣ чрезвычайно спокойны, но у него есть своя душа, и эту душу вы слышите, она одолѣваетъ васъ. Первое, что бросается, — какъ бы осенняя ясность, звонкость, просторность города; идутъ улицы, очень бѣлыя, по южному извѣстковыя; изъ-за стѣнъ часто сады — густѣйшая зелень; мѣстами въ пустынномъ особнякѣ внутри атріумъ съ бассейномъ, пиніями, эвкалиптами. На домахъ зелеными рѣшеточками жалюзи; и сверху ярко-голубое небо, бѣлизна и синее, темно зеленое; но тоже вѣрно суровые какіе нибудь гибеллины сидятъ вглуби, въ своихъ садахъ; по улицамъ же просторно и какъ то все гудитъ, звучитъ такимъ особеннымъ звукомъ, только этому городу даннымъ. Что въ немъ? Жизнь старая, побили, печали, разочарованья? Словами не скажешь; нужно послушать и можетъ быть сразу тогда поймешь его судьбу: многовѣковую, причудливую; славу, паденіе, рокъ, стоявшій надъ нимъ всегда, и теперешнее скорбное благородство.

Да, конечно, здѣсь гнѣздится духъ драмы; драма и одиночество — устои этого мѣста. Ясное дѣло, не всѣ гибеллины похожи на лакеевъ съ вокзала; гибеллинъ былъ Данте и Фаринаты дельи Уберти, и графъ Уголино, загрызшій съ голода своихъ дѣтей въ этой башнѣ torre del famo. Мрачныя, и мѣстами величественныя мысли таились

въ этихъ головахъ; гибеллины, партія всемірной монархіи, Фарината, эпикуреецъ и безбожникъ, не разрушившій Флоренціи только, кажется, изъ-за красоты ея; и самъ все же жившій тяжелой и несчастной жизнью. А войны, неудачи Пизы! Ее уничтожали на морѣ, измаривали голодомъ, осаждали, быстро стерли съ лица земли (политической) и только сохранили какъ памятникъ художества и жизни душъ того времени — времени суроваго. О, — гордость, предательство, бѣда и даже униженіе, и въ то же время величіе какое-то природное нигдѣ не чувствуется такъ, какъ здѣсь.

Все странное, удивительное въ Пизѣ собралось на каѳедральной площади. Въ самомъ дальнемъ концѣ города свѣтлая, многовоздушная площадь; вся поросла зеленой лужайкой; рядомъ городскія стѣны, зубцы, и дальше огороды и поля, а на лужайкѣ „жемчужины архитектуры“: соборъ, баптистерій, башня. Только что вы подошли къ башнѣ, неудовольствіе по поводу нея проходитъ: нѣтъ, это славная мраморная башня, въ „кружевѣ колоннъ“, и когда вы взбираетесь по ней, каждый этажъ даетъ новый — и дальше и шире — видъ. Видъ на Пизу сквозь эти пламенно-бѣлыя колонны прекрасенъ. Внизу все уменьшающаяся площадь, но рядомъ растетъ Соборъ, и отсюда можно ближе и родственнѣе разсмотрѣть его верхъ. Вы какъ будто сродни ему здѣсь, на этой высотѣ. Бѣлый, бѣлый мраморъ, ажуры, статуйки на углахъ, грифы, химеры, апостолы — двѣнадцатый вѣкъ! И все стоитъ въ той же красѣ, „бѣломраморности“ своей. А баптистерій: круглый, съ геніально бѣгущимъ вверхъ и тающимъ куполомъ, пѣвучими линіями и со всѣми этими рѣзьбами и фигурами — мало есть такого цѣльнаго и единаго; баптистерій входитъ въ мозгъ какъ дивная реализація одной идеи.

И древніе нищіе бродятъ по этой площади; сидятъ у собора на паперти передъ дверью Іоанна Боннануса, давни-

шнѣйшаго мастера XII вѣка; на двери гіератическіе барельефы изъ Св. Писанія, а калѣки и убогіе поютъ своими слѣпыми голосами и это такъ идетъ къ старой, старой Пизѣ. Вѣдь она чего не видѣла! Вотъ вы сидите на башнѣ, и читаете про самую башню; всегда вамъ думалось, что это для потѣхи выстроили „наклонную башню въ Пизѣ". А здѣсь драма, опять. Столѣтія строили, и грунтъ осѣдалъ и осѣдалъ; о, мы видимъ тебя, далекій художникъ, несчастный другъ тринадцатаго вѣка, въ плащѣ и высокой узенькой шляпѣ, какъ тогда носили; и твое отчаянье, и мука, и безсонныя ночи и одна мысль: какъ спасти? какъ спасти? Въ человѣческихъ ли силахъ вывести ее кверху, ее, надъ которой бились лучшіе архитекторы? Можетъ, самъ Богъ противъ того, чтобы глядѣла она въ небо, — и топитъ одну ея сторону въ своихъ зыбяхъ.

Да, ты разбивалъ свой мозгъ въ усиліяхъ, ты одинъ шелъ противъ всего — и одолѣлъ. Великая Пиза, царственная и несчастная, вывела таки свою кампаниллу на изумленіе всего свѣта. Размѣры колоннъ съ одного бока увеличивали, съ другого уменьшали; башня выгнулась, но стоитъ. Но какъ во всемъ великомъ каждый камешекъ кипитъ тутъ страданіемъ.

Теперь широкій вѣтеръ ходитъ здѣсь пустынно и прохладно; на всѣ четыре стороны видны равнины и луга Пизы, съ милымъ (по Флоренціи) Арно, изливающимся луками въ море. Нѣкогда тяжкіе корабли доходили по немъ до города, а теперь тамъ только, въ туманномъ горизонтѣ, чувствуешь влагу моря; тамъ плавали эти пизанцы на своихъ судахъ, воевали у Палермо, и тамъ же гибли подъ Мелоріей. Но все это было, и было. Сейчасъ же пробѣгаютъ по равнинѣ поѣзда изъ Пизы, и тѣ, кому путь на Болонью, Лукку, подбираясь къ горной цѣпи, пропадаютъ тамъ. А надъ горами облака, бродятъ тѣни отъ нихъ пестрыми узорами и дальше, тамъ гдѣ-то, вглуби, бѣлѣютъ каменоломни Каррары.

Въ искусствѣ Пиза дала главнѣйше скульптуру; живописи не было своей. Но скульпторы — Николо Пизано, Джіованни Пизано — возстаютъ каменными титанами. Особенно Николо-отецъ. Безмѣрно-древнее, библейское и страшное есть въ его вещахъ; будто видна душа камня, и того именно, сѣдого, изъ котораго можно сдѣлать жертвоприношеніе Исаака; да и самъ Николо могъ бы принести въ жертву не хуже Авраама. Ветхій завѣтъ, гіератичность какъ у Боннануса; Дѣва Марія не изъ его сюжетовъ. Дѣва Марія выходитъ остроугольная, сухо-величественная Пизанская Волчица какая-то.

Изумительна статуя Тино да Камайяно: Пиза. Прямая женщина, каменно выдвинувшая впередъ голову подъ короной, на рукахъ ея малые младенцы сосутъ грудь; у ногъ орелъ и четыре закаменѣлыхъ фигуры. Для чего рождена такая? Чтобъ раздавить стоящихъ внизу? Или чтобъ молокомъ своимъ вскормить неумолимыхъ дѣтенышей, какихъ-нибудь Герардеска, или Ланфранки? А о чемъ ржутъ дикія лошади со сплошными гривами на „Поклоненіи Волхвовъ“? А низкіе мужчины, коренастые, съ курчавыми бородами, страшнымъ грузомъ всего тѣла? Все это безпощадно, жутко.

Кампо-Санто Пизы вещь безконечно знаменитая; это кладбище въ видѣ огромнаго низкаго зданія, четырехугольныхъ портиковъ; по стѣнамъ фрески и статуи, плиты пола — крышки гробовъ. Въ срединѣ, гдѣ разбитъ садъ, опять мраморъ, розы, травы. Это меланхоличнѣйшее мѣсто. Вѣрно, хорошо здѣсь вечеромъ, когда уйдутъ всѣ „кустоды“, запрутъ этотъ могильный музей и одно небо, звѣзды да луна глядятъ въ лица усопшимъ. Лунные вечера въ Пизѣ, осенью, думаю, изумительны. Гдѣ найдешь такую пустоту и печаль такую?

Фрески на стѣнахъ (исключая Беноццо Гоццоли, который вѣренъ себѣ) — посвящены по преимуществу Смерти: Страшный судъ, адъ, Trionfo della morte. Надъ без-

заботными дѣвушками, юношами съ соколами и скрипкой, что собрались какъ въ Декамеронѣ для „забавъ и утѣхъ“, въ саду, злымъ ураганомъ вѣетъ *она*, та, что всѣхъ ближе была всегда этой Пизѣ. Традиціонная коса, бурные полеты съ неба на землю — и вотъ сейчасъ навѣки развѣютъ этихъ рыжеволосыхъ красавицъ съ феорбами въ рукахъ, нѣжнѣйшихъ, можетъ быть, влюбленныхъ.

На одной изъ стѣнъ Кампо-Санто висятъ ржавыя цѣпи; ихъ исторія трогательна и характерна для Пизы. Ими запирали Пизанскую гавань; въ 1290-мъ году генуэзцы, окончательно разгромивъ флотъ Пизы, разрушили и ея гавань; цѣпи эти увезли трофеемъ. Въ тѣ времена города были злобными врагами; но прошли года, и въ девятнадцатомъ вѣкѣ, когда Италія боролась за свободу, первый проблескъ ея увидѣла Генуя. Въ память этихъ великихъ дней она вернула Пизѣ ея цѣпи: „чтобы отнынѣ, написано подъ ними, братскій союзъ, рожденный въ борьбѣ за свободную Италію, былъ нерушимъ“. Такъ Пиза, старый врагъ, униженный и затоптанный, былъ снова принятъ въ братскую семью.

Уже день клонитъ къ вечеру, нужно уходить; на лужайкѣ соборной площади ослѣпительно свѣтло. Бѣлыми призраками вознеслись баптистерій, Соборъ; и хрустально слѣпитъ солнце, идешь мимо архіепископскаго палаццо совсѣмъ глухими переулками. Жаръ, прозрачность; въ тѣни, на углахъ кое-гдѣ слѣпцы; они сидятъ на корточкахъ у стѣнъ, позваниваютъ чашками для подаяній; и сколько-бъ имъ ни надавали, всегда они показываютъ, что пуста чашка.

Со смутнымъ чувствомъ покидаешь Пизу; кого-то полюбилъ здѣсь, что то навсегда въ ней поразило — никогда этого не забудешь. Точно заглянулъ въ озера нѣкія — глубокія и скорбныя, на днѣ которыхъ нѣчто неразсказываемое.

Поѣздъ уноситъ къ морю. Солнце садится, прощально сіяютъ бѣлыя громады издали — и вотъ уже снова въ лугахъ. Ровное, ровное мѣсто. Это преддверіе морей; здѣсь тучнѣйшая земля, и трава растетъ колоссальная. Странно видѣть: въ Италіи — покосъ. И такія же копны, стоги, какъ у насъ. Только оттуда, гдѣ солнце садится, тянетъ не нашей влагой, всегда нѣсколько жуткой и тайной влагой моря. Луга за лугами, пахнетъ пьяно, вдали лѣсъ завиднѣлся, если-бъ не глядѣть въ сторону Пизы — можно бъ подумать, что въ Рязанской губерніи все это, по Окѣ.

А надъ Пизой тонкимъ рогомъ мѣсяцъ поникъ и блѣднѣетъ въ отвѣтъ мрамору соборовъ, башенъ.

1907 г.

МАЙ ВЪ ВІАРЕДЖІО

Италія, волшебный край,
Страна высокихъ вдохновеній!
Пушкинъ.

Къ концу мая во Флоренціи стало жарко. Пригрѣвало зноемъ легкимъ, горячимъ; знающіе утверждали, что скоро наступитъ непроходимая духота; надо подыматься къ морю.

Въ одно благословенное утро мы тронулись. И вотъ уже въ свѣтлой дымкѣ прощально заголубѣлъ очеркъ безсмертнаго города: куполъ Собора, колокольня Санта Марія Новелла, башня палаццо Веккіо. Мы мчались вдоль Арно. Мимо прибрежныхъ тополей, сопровождавшихъ бѣгъ нашъ, пролетая у подножія средневѣковыхъ городковъ — чтобы въ днѣ солнечномъ, блистательномъ, вылетѣть за Эмполи, въ равнину, простирающуюся къ Пизѣ. По горамъ пизанскимъ, на сѣверо-западѣ, ходили пестрыя пятна свѣта, темно-голубой тѣни; иногда бѣлѣлъ замокъ, иногда облако касалось вершины. Маленькія селенья, поля, виноградники, яблони, горизонтъ замкнутый горами — все ясное, пронизанное голубоватымъ; свѣтлая Тоскана. Дневное и крѣпкое, то, что можно-бы назвать пушкинскимъ въ Италіи.

Незамѣтно приближалась Пиза. Ея огромный вокзалъ подышалъ запахомъ гари, свистками паровозовъ; пробѣжало нѣсколько газетчиковъ, прокричали продавцы бѣглыхъ завтраковъ — кусочекъ хлѣба, ветчины, фіасочка вина — и тяжело пыхтя, загромыхалъ поѣздъ далѣе. Изъ окна промелькнулъ направо городъ; толпа коричневыхъ

черепичныхъ крышъ; изъ нихъ нежданно появился Соборъ и падающая башня, какъ бѣлокружевныя видѣнія, и чрезъ минуту канули, какъ и явились; и лишь гигантская вывѣска „Hôtel Nettuno“ преслѣдовала до окраинъ.

Съ окраинами, за городомъ, воздухъ сталъ иной, какъ и пейзажъ перемѣнился. Здѣсь откровенная низина, вѣтеръ откровенно ужъ доноситъ запахъ моря. Тутъ явно, что сама-то Пиза нѣкогда стояла чуть что не на берегу; но минули года, отошло море, обнаживъ тучную, низменную, сыроватую долину. Въ ней пересѣчетъ поѣздъ какой-то лѣсъ, прогрохочетъ мимо двухъ-трехъ станцій, и станетъ замедлять ходъ передъ смутно-бѣлѣющей деревней — даже городкомъ не назовешь того, что носитъ пышное имя *Віареджіо*. А вдали, слѣва, заколебалось темносинее, одѣтое туманомъ къ горизонту, мягкогромоздкое, дохнувшее влагой и безпредѣльностію — море. Десятки мачтъ, рей, подвернутыхъ парусовъ въ порту ведутъ свой медленный, однообразный танецъ, то кивая, то склоняясь въ бокъ. По морю же закраснѣли оранжевые, уже распущенные, тугіе паруса.

Надо слѣзать.

Станція самая обыкновенная — низенькое, розовое строеніе; бродитъ саро della stazione, усатый, въ красномъ кэпи; нѣсколько носильщиковъ въ блузахъ. При выходѣ два тощихъ веттурино, платаны съ сѣрозеленой корой въ бѣлыхъ пятнахъ. Разумѣется, мальчишки. Рѣдко обходится Италія безъ подвижного этого, веселаго, крикливаго народа.

— Гдѣ тутъ пройти къ Casa Luporini?

Одинъ толкнулъ другого въ бокъ, еще одинъ подвзвизгнулъ и ловко, какъ акробатъ прошелся по песку колесомъ.

— Casa Luporini! Casa Luporini! — пронеслось среди нихъ, и обрадовавшись окончательно, ринулись всѣ, ватагой, провожать тѣхъ странныхъ форестьеровъ, что спрашиваютъ не отель „Roma“, а Casa Luporini.

Вѣрно, что кромѣ насъ, да знакомыхъ нашихъ русскихъ во Флоренціи, жившихъ здѣсь ранѣе, никто изъ иностранцевъ не остановился бы у Luporini: ни въ одномъ Бедекерѣ ихъ нѣтъ. Мальчишки волновались, спорили, какъ пройти ближе. Мы шли вдоль небольшого канала; за нимъ низенькіе, въ одинъ и два этажа рыбацкіе домишки, тоже розовые. Горячій песокъ, солнце, итальянки, полощущія бѣлье въ каналѣ; глухой, мягкій плескъ моря вдали, да острый, славный запахъ — смолы отъ строящихся барокъ, дегтя, стружекъ, и лѣтняго, разнѣженнаго, дышащаго іодомъ и водорослями, расколыхнутаго моря.

Черезъ небольшой мостикъ для пѣшеходовъ переходимъ на тотъ берегъ, и мальчишки съ торжествомъ подводятъ насъ къ такому-же двухэтажному домику, какъ и другіе, съ вывѣской надъ дверью: „Fiaschetteria“.

— Casa Luporini! Eccola casa Luporini!

Вышла хозяйка, дама почтенная, въ темномъ платочкѣ, и весьма удивилась, насъ увидѣвъ. Изъ распивочной глянуло нѣсколько физіономій, загорѣлыхъ, съ трубками и стаканчиками вина.

Но узнавъ, что мы отъ прежнихъ ея жильцовъ, синьора Лупорини ласково закивала. Черезъ минуту были мы во фіаскеттеріи, гдѣ по стѣнамъ тянулись ряды оплетенныхъ фіасокъ, стоялъ столъ, за нимъ подкрѣпляющіеся рыбаки, и немного въ сторонѣ жарился въ очагѣ, на вертелѣ, какъ и во времена хитроумнаго Одиссея, кусокъ жирной баранины. Насъ провели узенькой лѣстницей наверхъ и показали комнату; тамъ, разумѣется, была гигантская постель съ тюфякомъ, набитымъ морскими травами, и — также разумѣется — Мадонна освящала своимъ ликомъ скромное жилье. Хозяйка отворила ставни. Солнечный, пылкій воздухъ пахнулъ. Внизу тянулся каналъ, за нимъ садики, дома, колокольня небольшой церкви; справа далекія горы, слѣва все то же милое, туманносинее море, душа и божество мѣстности.

Черезъ часъ хозяйскій сынъ привезъ на тачкѣ наши вещи, изъ deposito. Мы поселились у синьоры Лупорини, подъ покровомъ Мадонны, простодушной и наивной, какъ простодушенъ этотъ розовый домикъ и его древній очагъ.

Вѣрно, genius loci не отринулъ насъ. Намъ легко, свѣтло было подъ нехитрымъ кровомъ синьоры Лупорини. Мы не думали ни о чемъ. Были веселы и смѣшливы. Райской беззаботностью проникнуты.

Съѣздъ на купанья еще не начинался. Пляжъ съ кабинками, противъ отелей и главной набережной, еще пустыненъ. Но туда мы не ходили. Нашъ край другой, рыбацкая часть Віареджіо, за каналомъ. Тамъ песчано, бѣдновато, живописно. Съ утра, еще лежа на кровати изъ морскихъ травъ, лишь пріотворишь зеленую, рѣшетчатую ставню, медленно выплываетъ по каналу оранжевый парусъ, заплатанный, пестрый, сколько видавшій! Рыбаки возвращаются. Весь каналъ въ солнцѣ. Полуголые ребята, съ загорѣлыми, кофейными тѣлами валяются по набережной — тѣ-же самые мальчишки, что сопровождали насъ сюда. Вотъ они вскакиваютъ, такъ лягушки скачутъ въ воду. Тамъ плаваютъ. И опять вылѣзаютъ. Чуть не трехлѣтніе лежатъ у самаго края; кажется, вотъ сейчасъ бултыхнется; но ко всему они привыкли, да и къ нимъ благосклоненъ мѣстный богъ-охранитель: никто никуда не падаетъ. Лишь матери, издали, орутъ истошными голосами: „Джіо-ванни, Джіован-ни-и-но!“ А Джіованни и Джульетты равнодушны; голышомъ, галопомъ летятъ по набережной, не отстать имъ отъ воды, на которой выросли отцы, дѣды, прадѣды. И не такъ ужъ страшно — получить шлепокъ отъ выведенной изъ себя матроны.

Утромъ занятые чемъ-нибудь, послѣ полдня и обѣда, когда свалитъ жаръ, идемъ купаться, но на свой, рыбацкій пляжъ. Итальянки сушатъ на веревкахъ бѣлье выстиранное, въ кабачкѣ подъ нами кто-нибудь кіанти тянетъ; а оттуда, ближе къ морю, постукиваютъ молотки. Двигаться не легко,

нога мягко вязнетъ въ пескѣ горячемъ, и сыпучемъ; влѣво, невдалекѣ, ярко зеленѣетъ пинета, доносится ея смолистый запахъ; и безпрерывно стучатъ молотки конопатчиковъ, босыхъ, въ цвѣтныхъ фесочкахъ, съ трубками въ зубахъ; они возятся надъ поваленнымъ, полуодѣтымъ, но изящнымъ остовомъ шхуны будущей; въ другомъ мѣстѣ осмоляютъ почти готовое судно; и запахъ дегтя, вара, синій дымокъ, мѣшаются со знойнымъ вѣтромъ, и съ пахучимъ моремъ; съ моремъ, серебряно-лазурнымъ, а вдали ярко-синимъ. Недалеко и до простенькихъ кабинокъ, гдѣ толстая итальянка въ наколкѣ вяжетъ чулокъ, за нѣсколько чентезими отворитъ дверцу. Тамъ, въ закуткѣ, ждетъ уже трико. А черезъ пять минутъ легкое, искристое, соленое и ласковое, приметъ пришельца море. Въ немъ укрѣпляющая, освѣжительная сила. Вѣчно оно кипитъ и пѣнится, какъ божественное вино; и быть можетъ, входя въ эти солнечные, бѣлѣющіе брызги, пріобщаешься жизни міровой, безначальной и безконечной. Море качаетъ, ласкаетъ, и поглощаетъ какъ медузу, краба, изъ него выходишь какъ бы опьяненный. Но ужъ остатокъ дня проведешь съ нимъ вмѣстѣ, какъ на немъ и въ немъ цѣлую жизнь проводятъ рыбаки и мореходы.

Къ вечеру солнце склоняется къ тому-же морю, въ розоватомъ туманѣ, уходя въ сказочные края, гдѣ за Гадесомъ растутъ золотыя яблоки Гесперидъ. Это часъ дальней прогулки, по пляжу, у самыхъ шелковѣйныхъ волнъ, мимо пустыхъ кабинокъ, прибрежныхъ виллъ, въ сторону другой пинеты, лежащей за городкомъ Віареджіо. Наши рыбаки, мальчишки, строящіяся шхуны — далеко. Это болѣе важная, болѣе богатая часть. Черезъ мѣсяцъ все здѣсь будетъ переполнено пріѣзжими, — дамы съ разноцвѣтными зонтами, итальянцы въ бѣлыхъ штанахъ, дѣти съ нянъками. Но сейчасъ и тутъ пустынно. Изрѣдка прокатитъ шарабанъ, промчится по шоссе автомобиль съ развѣвающейся дамскою вуалью, знаменемъ; онъ по-

дыметъ пелену бѣлой пыли, золотящейся на солнцѣ. Надъ зеленымъ боромъ, пинетой, по предгорьямъ просвиститъ поѣздъ, бѣлый клубъ его дыма катится и развѣвается прядями. Дальше по склонамъ виллы бѣлѣютъ, дома, а гораздо надъ ними выше, гдѣ какъ-бы кончаются человѣческія дѣла, возстали свѣтлыя и нетлѣнныя горы. Онѣ именно возстали — круто — обрывисто, уходя прямо въ небо. Онѣ свѣтлы потому, что долго еще будетъ солнце золотить ихъ. Нетлѣнность дается необычайною прозрачностью и ясностію красокъ: какъ глубоки, чисты фіолетовыя тѣни ихъ! И само небо надъ ними торжественнѣе, чѣмъ надъ другими мѣстами. Въ немъ парятъ орлы.

Когда солнце подойдетъ къ горизонту, по морю протянутся широкія огненныя дороги; паруса, блуждавшіе весь день, станутъ собираться къ порту, къ сонному покачиванью мачтъ и рей. Бормотаніе волнъ слабѣетъ. Фантастичные чертоги воздымаются въ пепельно-розовѣющихъ облакахъ, и какъ фантасмагорія все это уплываетъ; блѣдно-сиреневый сумракъ вдругъ польется по влагѣ, охладѣлой, осребренной, отъ дальняго горизонта, гдѣ солнце умерло. Тогда вдали, на оконечности залива Спеціи, вблизи Сарцаны, мигая крупнымъ жемчугомъ, вспыхнетъ маякъ — свѣтъ трепетный, нематеріально-путеводный. Ему вторя, иныя мелкія сіянья замлѣютъ на дальнемъ побережьѣ. Тихо. Сонно становится. Рыба задремываетъ.

Вотъ и день въ Віареджіо, что похожъ на вчерашній, образъ завтрашняго. Можетъ быть, завтра выпадетъ дождичекъ и придется праздникъ Сантъ Антоніо ди Падова; тогда, вечеромъ, всѣ подоконники будутъ уставлены затепленными свѣчками, фонариками, лампіонами. Мы тоже выставимъ въ честь святого, охранителя житейскаго благополучія, въ честь давняго отшельника, наши маленькіе маяки. Или, можетъ быть, послѣзавтра, въ небольшомъ общественномъ саду появится кибитка странствующихъ

комедіантовъ, ведущихъ родъ свой отъ древнихъ коломбинъ, Бригеллъ и Скарамуччьо, и подъ нехитрую шарманку, къ радости дѣтей, приказчиковъ и рыбаковъ воздвигнутъ они милую мишуру паяцовъ, мимовъ, клоуновъ. Какъ и давно когда-то, въ дѣтствѣ, дѣвушка въ трико проскачетъ, стоя на лошади, прыгнетъ сквозь кругъ; силачъ подыметъ гири, акробатъ повертится на трапеціи; поколотятъ другъ друга размалеванные клоуны, и для дивертисмента разыграютъ немудрящую пантомиму.

Можно съѣздить на нѣсколько часовъ въ Пизу . . . — я не знаю, какъ еще возможно разнообразить жизнь во фіаскеттеріи синьоры Лупорини, на берегу Лигурійскаго моря, въ городкѣ Віареджіо. Но прошелъ легкій, беззаботный день, буднями или по праздничному, его кончаешь одинаково, по одному канону: въ нѣкій часъ все же окажешься въ приморскомъ ресторанѣ, гдѣ отъ вѣтра хлопаютъ парусиновыя гардины, столики пустынны, и когда зажгутъ бѣлый электрическій шаръ, свѣтъ его трепещетъ, очерчивая яркіе, дрожащіе круги. А снаружи ночь кажется еще темнѣе. И привычный камерьере подойдетъ, приметъ заказъ, принесетъ фіаску краснаго кіанти; изъ узкаго горлышка выцѣдитъ золотистый слой оливковаго масла, оботретъ, нальетъ вино острое, чуть закипающее . . . — въ Віареджіо, кажется, лучшее вино всей Италіи. Его пьешь подъ неумолчную музыку моря. Сперва закатъ за нимъ краснѣетъ, а потомъ все сольется во тьму, и гудитъ глухо, но и чудно; дышитъ широкою своею грудью. Вотъ оно посылаетъ дары; восемнадцатилѣтній Антиной, съ голыми руками и ногами, съ курчавой головой, въ мокромъ трико, по которому струится еще вода, предлагаетъ устрицы. Онъ ловилъ ихъ тутъ-же, въ каналѣ. Нырялъ стройнымъ своимъ, юношескимъ тѣломъ, шарилъ руками вдоль стѣнокъ, и въ награду получаетъ лиру и стаканъ вина. Кланяется, быстро его выпиваетъ. Тутъ же откупоритъ свои устрицы, еще проникнутыя запахомъ

морской воды, солоноватостью ея, и той особенною влагой, стихійною и соблазнительной, что всегда присуща этимъ страннымъ существамъ.

Вино, козлятина, сыръ, устрицы, и неизмѣнныя черешни на дессертъ, плоды, тоже дары Италіи и юга; чрезъ нихъ физически чувствуешь тѣло страны, ея глубокую, сколь древнюю основу! Вѣдь и Лигуры, и Этруски, тысячелѣтія назадъ здѣсь жившіе, видѣли то-же море, тѣ-же горы, пасли тѣ-же стада, воздѣлывали тѣ-же виноградники, ѣли тотъ-же сыръ. Данте, гостившій у маркиза Маласпина въ тѣхъ горахъ Луниджіаны, что скрываются ужъ сумракомъ, пилъ то-же вино, и въ Луккѣ любовался женщинами, въ которыхъ кровь почти та-же, что въ молоденькой Піеринѣ, дочери нашей хозяйки.

За красоту, за простоту и обаяніе чудесной страны подымаю бокалъ несуществующаго вина. И пусть нѣтъ его. Италія опьяняетъ — однимъ воспоминаніемъ о ней.

Іюнь 1918 г.

РИМЪ

Извѣстно, что Римъ самый трудный, „медленный“ городъ Италіи. Какъ твореніе очень глубокое, съ таинственнымъ оттѣнкомъ, онъ не сразу дастъ прочесть себя пришельцу. Помню ночь, показавшую мнѣ разъ навсегда Венецію. Помню блаженный день, когда узналъ Флоренцію.

Не таковъ Римъ.

Онъ встрѣчаетъ неласково. Почти сурово. Всѣ, кто бывалъ въ Римѣ, знаютъ ощущеніе чуть не разочарованія, когда со Stazione Termini въѣзжаешь въ этотъ городъ съ шумными трамваями, безцвѣтными домами via Cavour, неопредѣленной уличной толпой, неопредѣленными витринами магазиновъ. Все что-то *неопредѣленное*. Не плохо, и не хорошо. Если столица, то второго сорта. Если древность, искусство — гдѣ они? И главное: гдѣ лицо, духъ, сердце города? Въ первый разъ я былъ въ Римѣ юношей, нѣсколько дней. Римъ мнѣ тогда не дался. Форумъ, Микель-Анджело, Палатинъ, катакомбы, Аппіева дорога... но — цѣлаго я не почувствовалъ.

Съ тѣхъ поръ мнѣ дважды приходилось жить въ Римѣ, и его обликъ, кажется, до меня теперь дошелъ. Я ощущаю его голосъ, мѣрный зовъ его руинъ, его равнинъ. Великое молчаніе и тишину, царящія надъ пестротою жизни.

Я не пытаюсь дать картину Рима, цѣльную и полную. Хочется вспомнить то, что знаешь, что любилъ. Не больше.

У ВРАТЪ

Утро, свѣтлое, но не весьма яркое — небо въ серебряныхъ барашкахъ. Ровное, мягкое сіяніе, обѣщающее день погожій.

Мы входимъ въ полупустое кафе Aragno. Еще легко можно найти свободный бархатный диванчикъ у стѣны. Нетрудно накупить пирожныхъ за прилавкомъ. У этого прилавка сталкиваюсь съ человѣкомъ въ котелкѣ, длинномъ пальто со штрипкою, рыжеватыми бакенами и быстрыми, острыми глазами. Такъ и летаютъ они!

— Senta! — кричитъ онъ, и его бакены раздуваются, какъ жабры. — Da dove viene?

И ужъ мы трясемъ другъ другу руки, обнимаемся, хотя знакомы мало, и черезъ минуту шотландско-еврейско-неаполитанско-русскій журналистъ идетъ со мной къ нашему столику, и по дорогѣ на меня сыплются вопросы:

— Когда? Откуда? И надолго?

Журналистъ Ф. къ намъ присѣлъ, и сразу оказалось, что въ Римѣ онъ всѣхъ, все знаетъ, можетъ министерство свергнуть и указать комнаты, проведетъ въ парламентъ, въ Associazione della Pressa, въ кафе Greco. Намъ интересны были комнаты. Мы только что въ Римѣ, едва проспались и ищемъ pied à terr'a.

Черезъ полчаса мы ужъ въ конторѣ сдачи комнатъ, черезъ часъ ходимъ съ „онорабельнымъ“ старичкомъ въ потертыхъ штанахъ изъ закоулка въ закоулокъ Рима тѣснаго и грязнаго у Корсо, по всякимъ via Frattina, Borgognona и др. А еще черезъ часъ, съ легкой руки Ф.,

строчащаго куда-нибудь статейку изъ Aragno, располагаемся въ большой, окнами къ югу, комнатѣ на via Belsiana.

Наши окна выходятъ на „Бани Бернини“. Съ подоконниковъ наружу вывѣшены ковры, съ улицы долетаетъ пѣніе и болтовня прачекъ, и на полу лежатъ два прямоугольника свѣта, медленно переползающаго по кресламъ, гигантскимъ кроватямъ, на стѣну. Солнце растопило утреннихъ барашковъ. И надъ краснѣющей террасой бань Бернини засинѣлъ уголъ такого неба, какъ въ Римѣ полагается — въ Римѣ осеннемъ, солнечномъ, и еще тепломъ. Римъ принялъ насъ солнцемъ и темносинимъ небомъ. Мы же начнемъ въ немъ жизнь благочестивыхъ пилигримовъ.

УТРА ВЪ РИМѢ

Утромъ хочется все узнать, ничего не пропустить. Любопытство жадно, не насыщено; и къ самому городу еще отношеніе — какъ къ музею. Утромъ въ Соборѣ Петра путникъ разглядываетъ памятники папъ; въ Сикстинской измучиваетъ шею, разсматривая плафонъ; въ гигантскомъ вихрѣ летятъ надъ нимъ міры Микель-Анджело, и отъ титанизма ихъ онъ можетъ отдохнуть въ станцахъ Рафаэля, передъ Парнасомъ, Disputa, Аѳинской школой. Въ эти свѣтлыя утра узнаетъ онъ музей Термъ, гдѣ его сердцу откроется уголокъ древней Греціи; гдѣ монастырскій дворъ — какъ бы садъ скульптуры, среди розъ, зелени, подъ тѣмъ-же темноголубѣющимъ и свѣтящимся небомъ. Онъ увидитъ венеціанскія зеркала въ залахъ Palazzo Colonna и небольшое ядро, пробившее нѣкогда крышу, оставшееся на ступенькахъ залы. Фіолетовымъ отливомъ глянутъ на него окна Palazzo Doria, гдѣ, въ галлереѣ, онъ задержится предъ папой Иннокентіемъ, Веласкеца. Онъ побываетъ въ древнехристіанскихъ базиликахъ и на Форумѣ, въ

катакомбахъ и на Фарнезинѣ, въ галлереяхъ Ватикана и въ десяткахъ мѣстъ, гдѣ Римъ оставилъ слѣдъ неизгладимый. Онъ ходитъ пѣшкомъ, ѣздитъ въ фіакрѣ, на трамѣ, какъ придется, побѣждая пространство, въ ритмѣ островозбужденномъ, съ тѣмъ, быть можетъ, чувствомъ, какое гуманистъ ощущалъ, отрывая новую статую, лаская взоромъ списокъ, выплывшій изъ Эллады. Но еще онъ чужеземецъ. Римъ развертываетъ передъ нимъ новыя богатства, величественно, но холодновато. И какъ бы говоритъ здѣсь:

— Все это — я. Для меня трудился первохристіанскій мастеръ, высѣкая рыбку, агнца, крестъ; язычникъ строилъ Пантеонъ и Форумъ; средневѣковый мозаистъ выкладывалъ абсиды храмовъ; я призвалъ на свою службу Возрожденіе; мнѣ отдали себя Рафаэль, Микель-Анджело, Мелоццо, Ботичелли, Полайоло, Фра Беато; я повелѣлъ Браманте возводить дворцы; таинственной династіи своихъ папъ я заказалъ строить храмы и водопроводы; для меня изобрѣталъ Бернини свои затѣйливыя затѣи. Я создалъ всѣхъ — я, Римъ, Сила, Roma, средоточіе вселенной, я, озирающій кругъ земель; я, круглый, и потому безконечный. Смотри на меня. Изумляйся. Задумайся.

Путникъ и изумится. Врядъ-ли онъ не задумается. Онъ увидитъ богатства собраннаго; увидитъ и нѣкую косвенную роль города въ вѣковомъ дѣланіи *художническомъ* (ибо Римъ, правда, не художникъ, какъ Флоренція). Но изо дня въ день сильнѣе будетъ подпадать обаянію Рима, какъ симфоніи, величественно-героической; и тогда перестанетъ онъ быть для него музеемъ, а, станетъ живымъ, единымъ. Мы пойдемъ теперь по безсмертному хоть и въ могилахъ, — загадочному, великому и меланхолическому Риму.

Начинаемъ съ античности.

ФОРУМЪ

Нѣкогда центръ и напряженнѣйшая точка города, нынѣ Форумъ-миръ, ясность, строгія линіи. Если здѣсь были страсти, если съ ростръ гремѣли ораторы и толпа стекалась къ тѣлу Цезаря, выставленному въ храмѣ его имени, то теперь Форумъ не будитъ памяти о буряхъ и насиліяхъ. Все это отошло. Образъ теперешняго Форума— чистый образъ Античности. Форумъ дневное въ Римѣ, не вечернее, и не ночное. Культура строгая и четкая запечатлѣна въ немъ. Время одѣло его тонкой поэзіей.

Въ поэзіи Форума нѣтъ ничего, бьющаго въ глаза. Если взглянуть отъ Капитолія, съ возвышенности, Форумъ небольшая долина, полная обломковъ мрамора, фундаментовъ, отдѣльно возносящихся колоннъ съ кусками капителей. И лишь вдали арка Тита замыкаетъ ее нѣкіимъ созвучіемъ, да за ней чернѣютъ острые кипарисы. Но когда спустишься, и взойдешь на священную землю Форума, гдѣ протекла исторія Рима республиканскаго, то недолгаго времени достаточно, чтобы полюбить это единственное въ своемъ родѣ произведеніе, ибо Форумъ нынѣ есть произведеніе: искусства, времени, природы. Искусство было призвано сюда для государства. Пожалуй, оно не весьма здѣсь самобытно — какъ не было оно главнѣйшей силой Рима. Однако, высокое благородство, стиль строгій и изящный чувствуешь въ этихъ трехъ тонкихъ, канеллированныхъ колоннахъ храма Кастора и Поллукса, съ обломкомъ архитрава на нихъ; въ атріумѣ Весты, храмѣ Веспасіана, водоемѣ Ютурны. Время прошлось смягчающей, уравнивающей десницей. Оно сдѣлало Форумъ просторнѣе, чѣмъ онъ былъ, многое унесло, отъ другого оставило обломки, безмолвно, но явственно наложило на все печать вѣчности. И природа поработала. Она, быть можетъ, болѣе всего украсила Форумъ — лаврами у храма Цезаря, скромнымъ клеверомъ у Кастора и Поллукса,

розами въ атріумѣ Весты. Эти произрастанія, такія тонкія и благородныя, необычайно *идутъ* къ Форуму. Въ нихъ — тихая сила и прелесть природы, и гармонія со мраморами, съ ветхими колоннами, кое гдѣ замшѣлыми. Все растетъ здѣсь изъ одного лона. Дѣло рукъ человѣческихъ какъ бы перестало быть человѣческимъ. Природа приняла его, украсила, облюбовала.

Хорошо тутъ бродить медленно, разбирая мало замѣтныя черты жизни римской, вникая въ славные уголки Форума. Я любилъ разсматривать круги, радіусы, выцарапанные на полу базилики Юліи — слѣды какой-то римской игры; ею развлекались квириты въ кулуарахъ этого судебнаго установленія, въ то время какъ Квинтиліанъ, или Плиній Младшій разливались въ рѣчахъ. Таинственъ, овѣянъ духомъ до-историзма Lapis niger, предполагаемая могила Ромула. Не забудешь и маленькаго храма Цезаря съ полукругомъ лавровъ, и жилища Весталокъ — атріума Весты. Холодноватыя и чистыя, стерегутъ каменныя весталки, на своихъ постаментахъ, домъ богини. Въ срединѣ атріума водоемъ, обложенный мраморомъ, обсаженный розами. Тихо здѣсь и благочестиво — древнимъ, языческимъ благочестіемъ, холодноватымъ и прямолинейнымъ. Но кажется, что не напрасно именно на Форумѣ храмъ и монастырь Весталокъ. Въ нихъ, и въ священномъ ихъ огнѣ — символъ Рима яснаго, неколебимаго — Roma aeterna. Это Римъ республиканскій, а не Цезарскій. И когда Цезари подымали руку на весталокъ, они просто насиловали обликъ чуждаго имъ Рима простыхъ и суровыхъ людей.

Невдалекѣ отъ атріума Весты водоемъ Ютурны. Это мѣсто легенды, тоже республиканской. Въ сраженіи при Региллѣ Римляне чуть не были разбиты; вдругъ два невѣдомыхъ, прекрасныхъ юноши явились въ первыхъ рядахъ, воодушевили уставшихъ, и битва была выиграна. Вечеромъ въ этотъ день граждане въ безпокойствѣ тол-

пились на Форумѣ, ожидая извѣстій. Вдругъ увидѣли двухъ всадниковъ, въ пыли, крови. Они поили лошадей въ источникѣ богини Ютурны, у подножія Палатина. Сообщили, что сраженіе выиграно, съ ихъ помощью. И такъ-же неожиданно исчезли, какъ и появились. Два неизвѣстныхъ были Діоскуры, укротители лошадей и покровители римскаго оружія. Имъ поставили небольшой храмъ, по близости, а самый родникъ сталъ почитаемымъ, священнымъ мѣстомъ. Онъ сохранился и доселѣ. Какая-то подземная жила Палатина питаетъ этотъ тихій, мечтательный водоемъ. Въ небольшомъ квадратномъ углубленіи, обложенномъ мраморомъ, квадратный камень, какъ-бы опора статуи, или алтаря. Вокругъ него вода прозрачная, легкая, подернутая той таинственностью, какъ и все мѣсто. Травы, мелкія водяныя растенія одѣли облупившіяся части; зелень выбилась изъ щелей плитъ. Небольшой, полурасколотый алтарь на краю водоема.

Родникъ Ютурны самый завораживающій уголокъ Форума и самый таинственный. Образы легкихъ Діоскуровъ осѣняютъ его. Долго просидишь надъ нимъ, вглядываясь въ прозрачность водъ, ощущая безмолвіе и вѣчность. Можно сказать, что въ сдержанномъ, тонкомъ Форумѣ, въ его ясности и дневномъ, родникъ Ютурны единственно *вечернее*, задумчивое и съ тѣмъ оттѣнкомъ сивиллической загадочности, какую встрѣтимъ мы еще въ другихъ мѣстахъ Рима. — Но тоже свѣтлое.

ПАЛАТИНЪ

Если на Форумѣ есть Lapis niger, возводящій ко временамъ Ромула, то Палатинъ, холмъ сосѣдній, не менѣе древенъ: онъ украшенъ пещерой, гдѣ волчица вскармливала Ромула и Рема; онъ сохранилъ остатки первобытныхъ стѣнъ — vestigia Romae Quadratae; въ немъ, наконецъ, указываютъ мѣсто воротъ, чрезъ которыя дикіе пастухи,

пращуры нынѣшнихъ римлянъ, загоняли изъ болотистыхъ низинъ, на зарѣ вечерней, стада ревущихъ быковъ: porta Mugonia.

Тѣмъ не менѣе, главное въ Палатинѣ связано съ Цезарями, какъ главное Форума (гдѣ не мало остатковъ императорскаго Рима) — память о республикѣ.

Римъ крѣпкій, суховатый, закаленный; Римъ земледѣльческій, разумный, упорный, медленнымъ трудомъ, побѣдами и жертвами возросъ въ сложный организмъ. Изъ Италіи шагнулъ въ міръ необьятный. Создалъ вельможъ, рабовъ, хлебнулъ роскоши и яда Востока; довелъ до-нельзя разницу между князьями міра и отверженными; привилъ запутанные культы и религіи Востока; бѣшено расцвѣлъ, показалъ невиданную мощь, великолѣпіе и началъ загнивать. Символомъ новаго идолопоклонства явились Цезари, первые императоры Рима Новаго, и послѣдняго. Мы знаемъ ихъ довольно. Съ ними пришло въ Римъ безуміе, духъ Азіи, раньше невѣдомый. Въ нихъ нѣтъ спокойной, выношенной культуры латинизма. Ихъ жизнь, ихъ бытъ, и ихъ жилища лишь съ одного конца Римъ. Съ другого — это Вавилонъ. Холмъ Палатинскій — развалины ихъ бытія. Весь Палатинъ — гигантская груда сумасбродствъ, оправдываемыхъ временемъ, природой.

Форумъ долина. Палатинъ холмъ. На Форумѣ природа сдержана, въ духѣ картины, которую должна украсить. На Палатинѣ буйна, разгульна; цѣлыя рощи покрываютъ его. Помню у стѣны виллы Милльсъ спѣлые, яркогорѣвшіе въ закатѣ апельсины; одинъ изъ нихъ упалъ; я наступилъ случайно на него — какой роскошной, духовитою струей онъ брызнулъ! Эти деревья апельсинныя, лимонныя, зрѣютъ здѣсь привольно: на землѣ тучной, очень плодоносной они выросли! И не даромъ остались въ рощѣ лавровъ развалины храмика Кибелы, Великой Матери земли, плодородія, покровительницы наслажденій, главы культовъ жестокихъ и сладострастныхъ, — образъ

Азіи, но не Лаціума. Ее, какъ и египетскую Изиду, ввезли съ Востока и поклонились ей, когда простыхъ, домашнихъ бѣдныхъ боговъ оказалось мало, какъ и тѣсно стало въ рамкахъ прежней жизни. Кибела видимо властвовала надъ Палатиномъ. Какъ знало это мѣсто оргіи, и опьянѣніе, и кровь, насилія!

Сейчасъ оно — остатки пышныхъ обиталищъ, поросшія могучей зеленью. Уже снизу, отъ Форума, зіяютъ огромныя углубленія, пещеры подвальныхъ этажей дворца Калигулы. Племя рабовъ обитало тутъ. Выше, надъ ними, шли великолѣпные атріумы, пріемныя залы, бассейны, апартаменты, изукрашенные мозаичными полами, порфировыми колоннами, цвѣтными мраморами, золотой рѣзьбой. Все это сгинуло, конечно. Отъ хоромъ остались лишь подвалы, да стѣны, ободранныя, иногда жуткія и грозныя. Здѣсь въ ходѣ времени нѣтъ покойной, мягкой элегіи.

Скорѣй оно суровый рушитель, не безъ усмѣшки указывающій перстомъ своимъ.

— Смотрите! Было. Что осталось!

Изъ дворцовъ самый покойный — Домиціановъ. Онъ въ серединѣ Палатина; менѣе поражаетъ воображенье, какъ-то культурнѣе, умѣреннѣй; войдя въ его базилику, гдѣ императоръ отдавалъ правосудіе, припомнишь на минуту, что вѣдь въ Римѣ было право, знаменитые юристы... Была администрація, провинціи, всѣ эти преторы, проконсулы. А взглянувъ на городъ, открывающійся отсюда ясно и покойно, вновь подумаешь: каковы ни были-бы Цезари, или Флавіи, Римъ опоясываетъ ихъ чертою ровною, и неизмѣнною. Ее не поколеблешь.

Высшее напряженіе Палатина — дворецъ Септимія Севера, груда гигантскихъ сооруженій въ южномъ углу, съ видомъ на Авентинскій холмъ, на дико-громадные термы Каракаллы, торчащіе въ камышахъ низменности, и на дальнія Porta S. Sebastiano, выводящія на Римъ. Тамъ

могилы Аппіевой дороги, тамъ безмолвная, образъ задумчивости, римская Кампанья со стадами, акведуками и плавною волною горъ на горизонтѣ.

Дворецъ Септимія Севера — позднѣйшее изъ сооруженій Палатина. Едва ли не самое пышное, и едва ли не самое грозное по облику нагой смерти, царящей въ немъ. Снизу, когда отъ S. Sebastiano приближаешься къ Палатину, скелетъ его возносится надъ гигантскими субструкціями, какъ символъ одряхлѣвшаго могущества, какъ сухой остовъ былого, и тяжкаго. Отъ дворца уцѣлѣло довольно много. Огромныя стѣны, окна, ниши, арки, какіе-то безконечные переходы, лѣстницы. Помню вечеръ въ этомъ дворцѣ. Было пасмурно. Неслись хмурыя облака, вѣтеръ гудѣлъ въ развалинахъ; надвигались сумерки, тяжко ложившіяся на дальнюю Кампанью. Я сошелъ въ нижній этажъ. По какимъ-то лѣстницамъ, подъемамъ, спускамъ бродилъ, и не замѣтилъ, какъ стемнѣло. Вѣтеръ еще сильнѣй шумѣлъ. Какъ стало жутко! Не сразу я нашелъ выходъ. Вдругъ представилось, что если-бъ на ночь заперли здѣсь, въ полуподземельяхъ, и пришлось бы дожидаться свѣта со скорпіонами, летучими мышами ... Съ облегченіемъ вышелъ тогда я на свѣжій воздухъ.

Палатинъ вечернее въ Римѣ, даже ночное. Въ его рощахъ, кипарисахъ, лужайкахъ, дворцахъ, стадіяхъ, криптопортикахъ есть величіе сумрачное, есть грандіозъ, но не изъ свѣтлыхъ. Впечатлѣніе его велико, ибо очень ужъ онъ полонъ, пышенъ, ярокъ. Все, что говоритъ онъ, сказано словами сильными. Но неулегшіяся страсти, отзвуки преступленій, крови живутъ еще на немъ; и тѣни императоровъ его не кинули.

Я люблю одинъ его уголокъ — не въ духѣ цѣлаго — маленькій алтарь на лужайкѣ, у подножія холма, среди милой мелкой зелени. Обликъ его напоминаетъ крестильную купель. Онъ изъ древняго, изъѣденнаго травертина,

и онъ очень старъ. На вогнутой его поверхности курились приношенія. Кому? Deo ignoto, невѣдомому богу, или богинѣ, какъ высѣчено полуистлѣвшими письменами. Трепетъ листвы, цвѣты, римское небо, ладанъ курящійся... — какому Богу? Пусть скажетъ сердце и душа. Но на этомъ жертвенникѣ воскуряли не мудрствуя. Вѣрно, и божество принимало нехитрыя приношенія. И какимъ-то чудомъ простоялъ алтарь болѣе двухъ тысячелѣтій, не тронутый ни варварами, ни ревнивыми божествами. Можетъ быть потому, что онъ скроменъ. И Бога своего не навязывалъ.

КАПИТОЛІЙ

Какъ полдень — высшая точка солнца надъ землей, такъ Капитолій — полдень Рима. Не знаю, былъ ли онъ наивысшимъ изъ семи холмовъ (площадью — самый малый). Но для Рима, какъ Іерусалимъ для христіанства, это зенитъ, священнѣйшій центръ.

Нѣкогда подымалась здѣсь на мѣстѣ нынѣшней церкви Ara Coeli, цитадель Рима. А невдалекѣ — храмъ Юпитера Капитолійскаго. Легенда говоритъ, что когда закладывали его фундаментъ, нашли окровавленную голову некоего Олеи (Caput Olei). Отсюда и названіе холма, и пророчественный смыслъ его: это средоточіе, *глава* міра. Но оракулъ не отвѣтилъ, отчего была голова окровавленная? Не сказано-ли этимъ, что на крови (и желѣзѣ) оснуетъ Римъ свое господство?

Какъ-бы то ни было, самъ Капитолій — символъ царственнаго величія Рима.

Нынѣ ведетъ къ нему широкая, пологая лѣстница. Слѣва отъ нея, въ клѣткѣ, за рѣшеткой, живетъ худая и печальная волчица; на нее взглянетъ непремѣнно проходящій. Это тоже живой символъ Рима — вѣрнѣе, его

колыбели; предствительница волчицы, вскормившей Ромула и Рема. Бронзовая ея праматерь, нѣкогда находившаяся въ храмѣ Юпитера, нынѣ въ Капитолійскомъ музеѣ. Сурова она, голодна, зла. Есть въ ней terror antiquus. Ее сосутъ два маленькихъ человѣка, но это не милые путти Луки делла Роббіа изъ благословенной Флоренціи: это будущіе владыки Рима, и одинъ изъ нихъ — братоубійца; это тѣ, кому загадочной судьбой повелѣно создать загадочно-великій городъ. Не даромъ древніе мастера Капуи отлили изъ бронзы эту группу — бронзовыя сердца, бронзовыя и души . . .

Взойдя по лѣстницѣ, окажешься на небольшой площади. Группа — Діоскуры, укрощающіе коней. Справа и слѣва благородныя зданія Капитолійскихъ музеевъ (рука Микель-Анджело); прямо — ратуша. И по срединѣ, передъ ратушей, конная бронзовая статуя Марка Аврелія. Не удивляешься, что здѣсь Муниципія Рима. Строги и просты линіи дворцовъ, съ чудесными окнами, колоннами въ нижнемъ этажѣ. Во дворцахъ скульптуры Рима античнаго. Но всего болѣе возвышаетъ это мѣсто, даетъ спокойное величіе и простоту — образъ скромнѣйшаго и чистаго правителя, мудреца праведника — Марка Аврелія.

Въ волчицѣ и Ромулѣ страшное, доисторическое. Въ нихъ игра темныхъ силъ, кровавыхъ и звѣриныхъ. Это тучная нива, на которой произрастетъ земная власть и земное могущество. Въ Маркѣ Аврелiи идея правителя встрѣтилась уже съ идеей мудреца; и мудрецъ выше правителя. Спокойно ѣдетъ Маркъ Аврелій на своемъ конѣ. Рука его протянута слегка впередъ, какъ бы благословляя, обѣщая миръ.

— Я императоръ. Мнѣ дана власть. Въ мѣру силъ я проношу ее чрезъ жизнь. Я хотѣлъ-бы въ эту жизнь внести добро. Не моя вина, если вокругъ столько тьмы и дикости.

Въ Маркѣ Авреліи римская государственность достигла высшей культуры; философія язычества — высшаго благородства. Вѣка прошли между звѣроподобнымъ Ромуломъ и богоподобнымъ Императоромъ. Оба созидали Римъ гражданскій; и не даромъ тѣни ихъ присутствуютъ на Капитоліи. Но изъ огромной гаммы чувствъ дикій Ромулъ не зналъ того, что придаетъ особую значительность Марку Аврелію: чувства печали и обреченности. Ромулъ ни о чемъ не думалъ. Жаднымъ взоромъ онъ глядѣлъ на міръ, страстно его хваталъ и пилъ. Маркъ Аврелій зналъ уже цѣну міра, преходимость и глубокую грусть сущаго. Съ нѣкоей высшей точки онъ находилъ даже мало значительнымъ самый Римъ и его гражданственность, и всѣ дѣла горестной земли; нравственный постулатъ одинъ лишь для него непререкаемъ. Именемъ добра шествуетъ онъ чрезъ бѣдный и мгновенный міръ. Именемъ добра холодноватаго и яснаго, какъ его взоръ, онъ принуждаетъ себя быть политикомъ, завоевателемъ, законодателемъ. Въ его образѣ Римъ языческій дошелъ до крайняго своего утонченія, предѣльной духовности . . . — и ощутилъ, что далѣе пути нѣтъ. Путь предлагался — христіанствомъ. Но императоръ не пошелъ за нимъ. Онъ предпочелъ остаться скорбнымъ полубогомъ міра стараго.

Капитолію очень идетъ знойный полдень. Нерѣдко въ эти часы пересѣкаешь небольшую его площадь. Музеи безмолвны — въ этотъ часъ почти нѣтъ посѣтителей. Дворцы отбрасываютъ коротенькую тѣнь. Мальчишка задремалъ у коней Діоскуровъ. Чахлая зелень надъ волчицей, и волчица судорожно бродитъ по своей клѣткѣ, высунувъ языкъ, вбирая, при движеніи, худыя ребра. Блеститъ полуденное солнце; лучи его встрѣчаютъ столь ему знакомый, полуденный Капитолій какъ свое, высоко-солнечное. Огненная корона неба, огненный вѣнецъ земли. И медленно, ни откуда не выѣхавъ, никуда не въѣзжая, мѣрно слѣдуетъ на своемъ конѣ Маркъ Аврелій.

Идущій съ Капитолія минуетъ новый, грандіозно-скучный памятникъ Виктору-Эммануилу, минуетъ благородный Palazzo Venezia, и уже онъ на Корсо, въ сутолокѣ магазиновъ, пѣшеходовъ, экипажей. Послѣ великой древности, всякихъ возвышенностей, человѣкъ утомленъ. Онъ долженъ подкрѣпиться. Если онъ русскій, и изъ небогатыхъ, то спѣшитъ въ ресторанчикъ „Флора", на Via Sistina, гдѣ жилъ Гоголь. Откинувъ цыновку, закрывающую дверь, онъ окажется въ узенькой, темноватой комнатѣ, гдѣ единственный камерьере подаетъ минестры и бифстеки десятку посѣтителей, засѣдающихъ за столомъ длиннымъ, узенькимъ — по фасону помѣщенія.

Рядомъ окажется мелкій приказчикъ съ via Tritone, два японскихъ студента въ стоячихъ воротничкахъ, въ очкахъ, серьезные, быстро-лепечущіе на своемъ загадочномъ нарѣчіи; молодой, бѣлокурый англичанинъ, тоже что-то изучающій — подлѣ прибора его толстый, удобный томикъ: Opera Q. Horatii Flacchi. Будутъ ѣсть печенку — fegato, запивать средненькимъ умбрійскимъ виномъ. И, доѣвъ виноградъ (на дессертъ), безмолвно разойдутся, чуть кивнувъ другъ другу. Русскій не очень привыкаетъ къ „Флорѣ": все кажется ему здѣсь чиннымъ, не съ кѣмъ поболтать, похохотать. И въ другой разъ пробирается онъ къ Тибру, въ захолустный закоулокъ, гдѣ въ скромнѣйшемъ учрежденіи, за лиру или полторы, обѣдаютъ русскіе эмигранты, нѣмецкіе художники и римскіе веттурины.

Въ „Piccolo Uomo" садикъ; онъ увитъ виноградомъ, украшенъ „античными "торсами, головками, скульптурами задолжавшихъ художниковъ. Надъ столикомъ съ пятнистой скатертью, надъ головою русскаго, нѣмца или итальянца — кусокъ сапфироваго неба римскаго. Уголъ красно-коричневой стѣны сосѣдняго дома, балкончикъ, веревки съ бѣльемъ, крики матронъ, ревъ осла въ ближнемъ

переулкѣ. Тутъ-же колодезь . . . и смѣхъ, болтовня эмигрантовъ, рыжеватые бакенбарды Ф., изящный профиль О., засаленный передникъ толстаго, коротенькаго, какъ и подобаетъ быть трактирщику — Piccolo Uomo. Онъ суетится въ кухнѣ, зимнемъ помѣщеніи, у плиты, остритъ, отпускаетъ блюда, даетъ въ долгъ, считаетъ лиры; потчуетъ подзатыльникомъ кухонного мальчишку. Эмигранты-же, какъ птицы небесныя, не пекущіеся о днѣ завтрашнемъ, въ долгъ и на наличные ѣдятъ брокколи, пьютъ жиденькое, свѣтлое Фраскати; радуются солнцу, воздуху, и вновь готовы ничего не дѣлать, какъ доселѣ ничего не дѣлали.

А когда обѣдъ оконченъ, шумною гурьбой идутъ къ Piazza Borghese. Если день пятница, наканунѣ розыгрыша Banco Lotto (государственная лоттерея), то зайдутъ въ лавченку, у кого есть лира, за билетомъ. Вдругъ да завтра выиграешь! Остальные, разглагольствуя, шагаютъ къ Корсо, серединой улицы и по via Condotti къ Испанской площади.

Кто бывалъ въ яркій, осенній послѣполудень на via Condotti, не забыть тому, въ концѣ ея, двухъ красныхъ башенъ церкви Trinita dei Monti, двухъ огневѣющихъ факеловъ, вздымающихся въ лазури римской, вѣнчающихъ дивную испанскую лѣстницу. Испанская площадь, фонтанъ Бернини съ дельфинами, съ вѣчнымъ плескомъ струй, широкіе, сложные и пологіе марши лѣстницы чуть не въ ширину площади, возводящей къ Trinita dei Monti — это все одно, одна чудесная декорація, величественно-живописный аллейонъ къ церкви, а оттуда къ небу, отъ синевы коего, рядомъ со знойнымъ огнемъ колоколенъ-близнецовъ, свѣтлыя точки плывутъ въ глазахъ. Да, римское небо особенное; въ немъ и бездна, и лазурное сіяніе, и прозрачность нечеловѣческая.

На испанской лѣстницѣ явно пригрѣваетъ — она обращена на югъ; играютъ дѣти на ея площадкахъ, въ уголку кто-нибудь изъ нихъ присядетъ, но это ничего: все сойдетъ

подъ слѣпящимъ римскимъ солнцемъ, не убудетъ славнаго мрамора ея ступеней, выхоженнаго, вытертаго, въ оранжевыхъ полосахъ и пятнахъ, но сколь свѣтлаго! Какъ во времена Гоголя нѣкая правнучка его Аннунціаты продаетъ розы на ступеняхъ, и быть можетъ, позируетъ нѣмецкому художнику съ Monte Mario. Розы на испанской лѣстницѣ — всегдашній привѣтъ генія мѣстности, благоуханный орнаментъ — не знаю, вѣдомый-ли самому Бернини, фантасмагористу, полу-осмѣянному, полу-прославленному.

Входишь по лѣстницѣ медленно; точно жаль съ ней разстаться. На площадкѣ передъ церковью тепло, пустынно; направо важный небольшой отель спустилъ жалюзи оконъ. Русскіе поговорятъ о томъ, что хорошо въ такомъ отелѣ жить, съ видомъ на дальній Ватиканъ, Яникулъ. И пойдутъ влѣво, по проѣзду къ Монте Пинчіо. Здѣсь встрѣтятся слѣпые нищіе; сидя у парапета, въ тѣни каштана, разводятъ они свою безконечную мелодію, одинъ на скрипочкѣ, другой на чемъ-то вродѣ фисгармоніи; третій подтягиваетъ голосомъ, и рукой дрожащей простираетъ блюдечко для подаяній. Свѣтъ зыблется надъ ними; недалеко, подъ тѣнью вѣчнозеленѣющихъ дубовъ, струйка фонтана надъ зеркальной чашей водъ; внизъ за парапетомъ сбѣгаетъ склонъ, къ крышамъ домовъ; весь усаженъ онъ апельсинными деревьями, огородными овощами, розами, и тонкій, сладкій и пригрѣтый воздухъ тянетъ, и плыветъ оттуда. Полдень Рима! Видѣніе тишины, безмолвія, сладко-загадочнаго струенія! И еще пройти немного, въ этомъ-же воздухѣ плывучемъ, надъ черепичными крышами, надъ колокольнями барочистыхъ церквей, какъ главное видѣніе Рима выплываетъ воздушно-круглый, соразмѣрно-вознесшійся, равный себѣ и вѣчности куполъ Св. Петра. Онъ слегка мрѣетъ въ бѣломъ воздухѣ. Небо надъ нимъ блѣднѣе, ибо тамъ солнце. И какъ великій корабль, христіанскій пастырь, медленно,

медленно и безостановочно онъ плыветъ куда-то, и стоитъ на мѣстѣ.

Русскіе слегка разморены. Они бредутъ, не торопясь. И посидѣвъ на Монте Пинчіо, послушавъ музыку, расходятся.

МОНТЕ ПИНЧІО

Монте Пинчіо — одинъ изъ семи холмовъ Рима. Нѣкогда простирались здѣсь сады Лукулла, нѣкія историческія воспоминанія къ нему относятся; но въ общемъ это холмъ малозначительный, онъ больше связанъ съ жизнью, бытомъ Рима, чѣмъ съ великими его судьбами, какъ Капитолій или Палатинъ.

Вѣка смѣнились, но сады не ушли съ Пинчіо. Они лишь называются теперь иначе — садами виллы Боргезе, французской Академіи, но, вѣрно, тѣ-же самыя породы, что и при Лукуллѣ, тѣ-же травы и цвѣты покрываютъ древнюю почву Пинчіо.

Въ жизни римскаго пилигрима Монте Пинчіо и вилла Боргезе играютъ роль большую. Многіе изъ насъ живутъ по близости. Многіе любятъ тихія аллеи виллы Боргезе, ея казино, лужайки, храмъ Фаустины, молочную ферму, гдѣ въ синѣющемъ римскомъ вечерѣ хорошо сидѣть и пить молоко съ трубочными пирожными; дышать воздухомъ свѣжимъ и легкимъ, и въ просвѣты деревьевъ любоваться дальнимъ Монте Маріо. Многіе водили своихъ дѣтей, изъ пансіона на via Veneto или via Aurora, замшѣлыми воротами Porta Pinciana въ звѣринецъ виллы Боргезе, гдѣ смѣшны обезьянки и горестенъ орелъ плѣнный, въ оранжево-зеленой зарѣ; гуляли съ ними у ипподрома, гдѣ скачутъ по утрамъ нарядные кавалеристы; катали ихъ по Монте Пинчіо на осликахъ, запряженныхъ въ маленькія повозки съ поперечными скамеечками, куда за нѣсколько сольди насаживаются ребята. Просто сидѣли

надъ Піацца дель Пополо, слушая музыку, наблюдая пеструю, къ вечеру нарядную толпу.

Эти прогулки, чуть не ежедневныя, установили связь съ Монте Пинчіо; точно принятъ ужъ человѣкъ подъ покровительство мѣстныхъ божествъ. Способностью своею подчинять, медленно околдовывать, Монте Пинчіо очень, очень полно духа Рима. И, быть можетъ, одно изъ очарованій мѣста этого есть ощущеніе *соприсутствія Риму*. Съ террасы, выходящей на Піацца дель Пополо, Римъ виденъ. Онъ открытъ не въ томъ ослѣпительномъ великолѣпіи, какъ съ Яникула, отъ памятника Гарибальди или S. Pietro in Montorio.

Здѣсь Римъ не поражаетъ; онъ обычнѣе, но онъ, быть можетъ, и значительнѣе въ повседневности своей; тамъ — праздникъ; здѣсь — постоянное созерцаніе лица дорогого и глубокаго. Если сидѣть на скамейкѣ спиной къ виду, разсматривать какого-нибудь сѣдоватаго маркиза, выѣхавшаго въ шикарномъ кэбѣ, на четверкѣ цугомъ; или слушать босого, длинноволосаго пророка Меву, проповѣдника вегетаріанства — то и тогда не оставляетъ чувство: Римъ здѣсь, со мной. Эта связь съ Римомъ на Монте Пинчіо особенно растетъ съ приходомъ вечера. Паѳосъ мѣста и высшая его точка это, конечно, вечеръ. Образъ римскаго вечера такъ ярокъ, при заходѣ солнца, на террасѣ Монте Пинчіо!

Огненный багрянецъ за Соборомъ Петра; крѣпко, безсмертно вылѣпился куполъ его, точно залитый; далѣе, съ ясностью почти мучительной, чертятся на пурпурѣ силуэты холмовъ съ зонтиками пиній; а по via Cola di Rienzo, стрѣлой летящею отъ Собора къ намъ, къ Піацца дель Пополо, протянулась, въ густѣющей мглѣ синей, золотая цѣпь фонарей; зеленовато-золотое ожерелье и на Піацца дель Пополо; глухо гудятъ тамъ трамы, вспыхиваютъ искры зеленѣющія, и сѣдой туманъ вечерній наползаетъ. Но у насъ, на высотѣ, все полно еще трепетнымъ,

глубоко-оранжевымъ и зеленоватымъ свѣтомъ, виномъ римскаго вечера. Какія богатства въ немъ смѣшаны! И рубины, жемчуга, и тонкая пыль золота, тебя пронизывающая, будто весь полонъ дрожаніемъ свѣтовыхъ частицъ. Въ глазахъ рябитъ, точно на мгновеніе ослѣпъ.

Но кустодъ запираетъ рѣшетки, и мимо вѣчно-зеленѣющихъ, мелколиственныхъ дубовъ, подъ тихую музыку все того-же фонтана, уходишь по проѣзду къ Trinita dei Monti. Сладко пахнутъ пригрѣтые апельсины на склонѣ. Въ Hôtel de Russie, внизу, слышна музыка.

ВИЛЛА ДОРІА ПАМФИЛИ

Если вилла Боргезе, Испанская лѣстница и Пинчіо каждодневны, вошли въ обиходъ жизни въ Римѣ, то вилла Доріа — уже путешествіе, хоть и невеликое, ибо невеликъ площадью Вѣчный городъ; но все-же странствіе. Съ террасы Пинчіо виденъ Яникульскій холмъ. Вилла Доріа за холмомъ, на окраинѣ города. Къ ней идетъ простенькая и прямая улица; въ 48 году гарибальдійцы до конца защищали ее. И сейчасъ привлекаетъ вниманіе небольшой домъ, весь въ слѣдахъ пуль, съ обвалившейся штукатуркой; въ стѣнѣ, рядомъ, бюстъ невѣдомаго тріестинскаго поэта; онъ не прославился въ литературѣ; но за родину кровь пролилъ, принялъ здѣсь благородную смерть; и Италія, въ словахъ надписи пышныхъ, позлащенныхъ, выбила ему славу посмертную.

Въ сущности вилла Доріа — крупное римское имѣніе. Подгородная резиденція вельможи. Сразу-же, отъ внушительнаго входа, отдаленно напомнившаго въѣздъ въ наши барскія усадьбы, ощущаешь, что здѣсь главное — парки, лужайки, свѣтъ, воздухъ, приволье. Это впечатлѣніе цѣликомъ подтверждается. Если въ городѣ Римѣ, какъ и вообще въ итальянскомъ городѣ, тѣсновато и скученно, то какъ здѣсь просторно! Даже на нашу рус-

скую необъятную мѣрку, здѣсь *луга лужаекъ*, безконечныя аллеи, нескупое благословеніе природы, вольности. На виллу такъ же водятъ много дѣтей; имъ есть гдѣ порѣзвиться; на лужайкахъ растутъ бѣлые анемоны, знаменитые анемоны виллы Доріа; аллеи далеки, мѣстъ для игры сколько угодно; птицы поютъ, солнце привѣтствуетъ сіяніемъ тихимъ, лучезарнымъ. Есть именно нѣчто лучезарное въ послѣполуденномъ обликѣ рощъ виллы Доріа. Свѣтлый туманъ воздуха прозрачнаго, вдаль голубѣющаго, какъ кристаллъ. Мелкій и яркій свѣтъ въ листьяхъ, въ пескѣ дорожекъ, въ спицахъ проѣзжающаго экипажа. Важные старики, не торопясь, катятъ въ коляскахъ — они грѣются; играютъ въ мячъ римскіе семинаристы въ длинныхъ подрясникахъ, въ бѣгѣ ихъ подбираютъ, тогда видны неуклюжія ноги. Съ благочестивымъ видомъ, съ молитвенниками въ рукахъ, шепча про себя, бредутъ ученики школы пропагандистовъ; среди нихъ всѣ главныя народности католицизма; у каждой цвѣтъ костюма особенный: красный у нѣмцевъ („вареные раки"), фіолетовый у шотландцевъ, и т. п.

На другихъ лужайкахъ — вновь игры дѣтскія; въ другихъ аллеяхъ — пары влюбленныхъ, а въ срединѣ свѣтло-зачарованнаго лѣса — самъ палаццо, тоже дремлющій въ свѣтѣ и нѣжности, со спущенными жалюзи.

Можно сѣсть на скамейкѣ, въ длинной боковой аллеѣ, и, отвернувшись отъ зеленыхъ кущъ къ свѣту — взглянуть за паркъ, въ поле римское. Внизу, почти подъ нами, старая via Aurelia; по ней проѣзжаютъ таратайки, везутъ въ Римъ на осликахъ молоко, зелень; а за нею, дальше — поле; въ золотисто-сіяющей тиши два вола со сказочными рогами, въ ярмѣ, пашутъ римскую землю, и идетъ за плугомъ римлянинъ, а за нимъ, на небесахъ сапфирныхъ, воздымаются Ватиканскіе дворцы, сады, куполъ Петра; пиніи дальнихъ холмовъ ершатся четко. Тишина и сказка! Вотъ обведутъ эти волы священную борозду, четырех-

угольникомъ, и въ мѣстахъ, гдѣ надлежитъ быть воротамъ, легендарный пахарь приподыметъ плугъ. Здѣсь будетъ Roma Quadrata. Грубые пастухи и земледѣльцы соберутся, и таинственными велѣніями судьбы оснуютъ городъ міровой. Мы смотримъ на первое, бѣдное и никому невѣдомое ихъ дѣло. Тысячелѣтніе волы медленно, медленно ступаютъ. Завоеватель медленно бредетъ за плугомъ. И они мирно проводятъ борозду подъ огородъ, для брокколей, что будемъ мы ѣсть у Piccolo Uomo; мирно же поворачиваютъ, и ведутъ борозду сосѣднюю. О, Ватиканъ, декорація сельскаго пахаря! Ты напоминаешь сейчасъ уголъ фрески Рафаэля „Disputa“. Не онъ-ли видѣлъ эти деревца, и строящуюся громаду, и не эти-ль деревца изобразилъ?

Съ виллы уходишь въ свѣтломъ обаяніи. Да, это нѣжный солнечный отдыхъ, это улыбка рощъ, луговъ и анемоновъ, созданныхъ для того, чтобы бѣдному человѣку пріоткрыть сонъ радости, видѣніе свѣта и великолѣпія. Подходя въ вечерѣющемъ воздухѣ къ Aqua Paola на Яникулѣ, созерцая массы ея водъ, свѣтлыхъ, прозрачныхъ, плавно катящихся струями, во славу Рима и папы Павла, — соединяешь ихъ съ образомъ виллы Доріа. Гдѣ свѣтъ, тамъ и прозрачность. Гдѣ тишина, тамъ мягкій плескъ влаги.

ЯНИКУЛЪ

Каскады Aqua Paola — это ужъ Яникулъ, холмъ, всѣхъ выше возносящійся надъ Римомъ. Съ давнихъ временъ вся мѣстность эта наводнена зеленью, садами, виллами. И кардиналы, и банкиры, и вельможи строили охотно здѣсь дворцы. Для Агостино Киджи расписывалъ тутъ Фарнезину самъ Рафаэль; невдалекѣ дворецъ Корсини, и т. п. Съ половины же прошлаго вѣка новая слава явилась Яникулу: слава объединенной Италіи, и ея героя Гарибальди.

Мы идемъ по Яникулу отъ Aqua Paola къ Ватикану, по аллеямъ Passegiata Margherita. На одномъ изъ поворотовъ ея, на самой высотѣ, открывается конная статуя. Человѣкъ въ „гарибальдійской“ шапочкѣ спокойно сидитъ на конѣ, задумчиво передъ собою смотритъ, придерживая рукой поводья. На постаментѣ надпись: „Roma o morte“. (Римъ, или смерть). Мѣсто для памятника удачное. Гарибальди видитъ передъ собою голубой просторъ, свѣтлое мрѣніе воздуха, и Римъ — весь Римъ съ дворцами, храмами, руинами, садами, все это море коричневыхъ черепицъ съ пятнами зелени и дальней, свѣтло-бѣлѣющей каймою горъ на горизонтѣ — музыкальнымъ сопровожденіемъ Рима.

Герой величественъ, и скроменъ; ничего въ немъ театральнаго; все на мѣстѣ, все ясное. Одинъ изъ рѣдкихъ образовъ *хорошаго* побѣдителя.

Римъ насъ сопровождаетъ, по пути къ Ватикану. Въ просвѣты межъ деревьевъ, за угломъ дома, мимо котораго идешь, онъ неизмѣнно и легко развертываетъ вечерѣющую свою панораму, съ сіяющимъ кое-гдѣ шпилемъ, или стекломъ, съ тѣмъ нисходящимъ предвечернимъ миромъ, что даетъ душѣ отзвукъ ясности великой. Позднѣе, когда солнце подойдетъ къ закату, синѣющій, туманный сумракъ ляжетъ по низинамъ, окутаетъ Велабръ, дальніе кипарисы у Палатина. А Монте Пинчіо, съ двуперстною своею церковью Trinita долго еще будетъ огненно розовѣть. Но всѣхъ дольше сохранятся вѣчныя вершины горъ въ сказочной дали. Бѣлорозовыми призраками будутъ онѣ выступать по краямъ земли, волшебною чертою обводить волшебный городъ.

Мы же начнемъ спускаться. Мы пойдемъ теперь узкими улицами за-Тибрья, крутыми, грязными, гдѣ бѣлье виситъ на веревкахъ, играютъ стада мальчишекъ, тутъ-же присаживаются, на виду у всѣхъ, и пускаютъ ручейки; ревутъ ослы, подымаясь съ поклажей. У дверей сидятъ быстрыя

на языкъ матроны, и трещатъ, трещатъ, довязывая вязанье, подшлепывая бѣгущаго Пеппино.

Въ синѣющей мглѣ начинаютъ вспыхивать фонари золотистымъ сіяніемъ. Сзади остался S. Onofrio, монастырь съ узкой террасой, гигантскимъ, опаленнымъ дубомъ: реликвія горькихъ дней Тассо, кончившаго здѣсь дни свои. Еще нѣсколько минутъ, — мы на площади Собора Петра.

ВАТИКАНЪ

Какъ нельзя себѣ представить Рима безъ античности, руинъ и акведуковъ, такъ немыслимъ онъ и внѣ иного древняго установленія, — католицизма. Священникъ въ черной рясѣ и круглой, черно-лоснящейся шляпѣ, худощавый, бритый, съ умнымъ, острымъ, нѣсколько слащавымъ взглядомъ; картезіанскій монахъ въ бѣломъ, съ капюшономъ за плечами; коричневый францисканецъ съ веревкою вмѣсто пояса, въ сандаліяхъ на босу ногу — это обычный прохожій римскихъ улицъ. Владѣнія Господа всюду разбросаны здѣсь — и древнехристіанская базилика, и храмы Ренессанса (ихъ немного), и обильная роскошь церквей барокко. Ихъ средоточіе, ихъ центръ есть Ватиканъ, „столица папъ“.

Какъ бы ни относиться къ католичеству, *но мимо* Ватикана, *мимо* папства не пройдешь. Династія, основанная двѣ тысячи лѣтъ назадъ, чрезъ всѣ невѣроятныя потрясенія, испытанныя ею, существуетъ и донынѣ. Смѣнялись императоры, республики, тираны, демократизмы, монархизмы, гремѣли революціи и проклятія — а конклавъ за конклавомъ выбиралъ каждый разъ новаго преемника Апостола Петра. Сиксты, Александры грязнили образъ папы злодѣяніями — а капелла, расписанная Микель Анджело, называется Сикстинской; дикія надругательства переносили папы ранняго средневѣковья, но и до насъ донесли свое упорство, духъ пропаганды, дѣланія, куль-

туры въ высшемъ смыслѣ. Весь поздній Ренессансъ тѣснѣйше связанъ съ Ватиканомъ; папы любили, ласкали, иногда обижали художниковъ, но не могли жить безъ нихъ, ибо сами были вершинами просвѣщенія и вкуса. Папы всегда чувствовали связь своей таинственной судьбы съ судьбой Рима, и со временъ древнѣйшихъ, отъ Григорія Великаго, мужественно державшагося въ одичаломъ Римѣ, гдѣ только что волки не бродили по улицамъ, до Льва, отстранившаго Атиллу; чрезъ Григорія VII до папъ-строителей XV—XVI вѣковъ папы грудью обороняли Римъ и несли въ него просвѣщеніе, культуру. Кто возстановлялъ великіе водопроводы древности, эти Aqua Paola, Aqua Acetosa? Кто строилъ храмы? Собиралъ музеи, библіотеки? Кто, съ лупою въ рукѣ, старческимъ взоромъ трепеталъ надъ древнимъ манускриптомъ, вывезеннымъ изъ Эллады, надъ Эсхилами, Платонами, дошедшими до насъ не безъ участія святѣйшествъ?

Безчисленны дворцы, библіотеки, галлереи Ватикана. Одно перечисленіе названій ужъ внушительно. Я буду говорить здѣсь лишь о самомъ главномъ памятникѣ Ватикана — о Соборѣ Петра.

Соборъ Петра, въ его теперешнемъ видѣ, есть знамя папства торжествующе-побѣдоноснаго. Онъ строился съ XVI-го вѣка, когда тѣсно стало папамъ въ прежней Ватиканской базиликѣ. Да и цвѣтущій Ренессансъ долженъ былъ дать, въ области монументальной, свой высшій памятникъ. Памятникъ не совсѣмъ удался; онъ затянулся, вышелъ изъ Ренессанса въ барокко. Но пышный расцвѣтъ папства и вѣнецъ Ренессанса онъ, все-же, выразилъ. Его символическое величіе есть его куполъ, видимый отъ Рима за десятки верстъ, когда нѣтъ еще города: въ пустынной Кампаньѣ, на загадочной равнинѣ воздымается, плавный и мѣрный, образъ гармоніи и музыкальности, куполъ римскаго христіанства, выросшаго надъ язычествомъ. Этотъ куполъ — дѣтище Микель-Анджело.

Внутри Соборъ грандіозенъ, но парадно-холоденъ. Гигантскіе нефы, сложныя пересѣченія аркадъ, волны свѣта, искусно пущеннаго съ высоты; пышныя статуи папъ, въ театральности и позѣ барокко; роскошные балдахины, богатѣйшія отдѣлки, золото, мозаики; блистающія яшмою колонны — все имѣетъ цѣлію поразить, но не очаровать. И дѣйствительно, мало что можно *полюбить* въ Соборѣ. Есть тамъ дивная гробница Сикста IV, работы Полайоло, грозный бронзовый шедевръ, неумолимый и суховатый; есть Иннокентій VIII, его-же; но это уголки флорентійскаго кватроченто, это не стиль св. Петра. Случайность и Pietà Микель-Анджело, юношеская, нѣжная и тонкая его работа. Общее впечатлѣніе не въ нихъ.

Соборъ Петра стоитъ на мѣстѣ цирка Нерона, надъ могилою и мѣстомъ мученичества Апостола Петра.

Онъ долженъ прославлять собой Апостола. Для христіанства это столько-же священно, какъ для античности могила Ромула. Но — храмъ Петра болѣе прославляетъ могущество, богатство папъ чинквеченто и сеиченто, чѣмъ обликъ галилейскаго рыбаря. Между Соборомъ и первохристіанствомъ связи нѣтъ, и Апостола Петра я скорѣе почувствую въ скромной базиликѣ Пракседы, въ катакомбахъ или у часовенки Quo vadis, нежели въ чертогахъ Ватиканскаго Петра. Есть, правда, въ немъ еще одна, какъ-бы спасающая, чарующая точка: небольшая, очень древняя бронзовая статуя Апостола. Онъ сидитъ, въ позѣ простой и величественной, въ лѣвой рукѣ у него ключи, правую онъ приподнялъ, сложивъ пальцы для благословенія; изъ-подъ одежды выставлена слегка нога — голову окружаетъ нимбъ святости. Къ ногѣ его столѣтіями прикладывались вѣрующіе; волна благоговѣнія смыла часть бронзы. Губы богомольцевъ превозмогли вѣчный, казалось бы, металлъ. Палецъ ноги Апостола полустертъ; это даетъ особенную священность благочестивой бронзѣ.

Если Соборъ Петра мало выразилъ первохристіанство, то нельзя сказать, чтобы рядомъ съ пышностію католичества онъ слабо отразилъ *дѣйственность* его. Наоборотъ. Это именно чувствуешь подъ многовоздушными его сводами. Въ Соборѣ непрерывно идетъ дѣятельность духовенства: служатся службы, изъ придѣла въ придѣлъ снуютъ клирики; въ исповѣдальняхъ, небольшихъ каютахъ съ окошечкомъ и надписями на различныхъ языкахъ, исповѣдуютъ паломниковъ, прибывающихъ изъ Венгріи, Польши, Шотландіи, Парагвая и ни вѣсть еще откуда. Въ сакристіяхъ укладываютъ и вынимаютъ священныя одежды; и безчисленные гиды объясняютъ безчисленнымъ довѣрчивымъ пилигримамъ памятники, древности, реликвіи. Да, Соборъ — это часть Ватикана воинствующаго, управляющаго, сочиняющаго энциклики, разсылающаго миссіонеровъ, налагающаго индексы, размѣстившагося въ зданіяхъ и дворцахъ вокругъ. Я не знаю, и не видѣлъ дѣятельности коллегій, канцелярій, дипломатіи Ватикана. Не былъ и въ библіотекахъ. Не видалъ и папы. Но чувствую, живо себѣ представляю бытіе длиннаго ряда старцевъ, то принимающихъ посланниковъ, то подписывающихъ breve, то молящихся, то слушающихъ музыку; катающихся въ открытой коляскѣ по садамъ Ватикана, одиноко дремлющихъ ночью, слабымъ старческимъ сномъ; собирающихъ библіотеки и музеи — создавшихъ знаменитое книгохранилище съ тысячами древнихъ рукописей; воздвигшихъ музеи христіанскихъ древностей, языческихъ скульптуръ, египетскихъ идоловъ; ведшихъ высокую политику и смиренно ждавшихъ часа смерти. Этотъ часъ не долго медлитъ; но вновь, какъ безконечная пряжа жизни, является другой старикъ въ покояхъ Ватикана, а въ Соборѣ новая статуя прибавилась. И вновь — проповѣдь, политика, искусство, книги.

Никогда не былъ я подъ очарованіемъ Ватикана и Собора Петра. Но подходя къ эллиптической площади

передъ порталомъ, въ сердцѣ которой обелискъ и бьютъ искристые, легкіе, сіяющіе фонтаны; при видѣ колоннъ входа и колоннъ, полукружіемъ обнимающихъ, отходя отъ Собора, площадь; видя столпившіяся строенія, дворцы и галлереи направо, вспомнишь о папахъ, и подумаешь: „Таинственный, вѣчно-умирающій, вѣчно-живой Римъ! Римъ — первородное и царственное существо міра.“

МИКЕЛЬ-АНДЖЕЛО И РАФАЭЛЬ

Можетъ быть, не случайно, что подъ кровлею Ватикана нашли себѣ мѣсто послѣднія вершины Ренессанса, Микель-Анджело и Рафаэль.

Всѣ мы помнимъ Сикстинскую капеллу — длинную прямоугольную залу; стѣны ея сплошь расписаны фресками Перуджино, Ботичелли, Пинтуриккіо, Гирляндайо и др. Но не въ нихъ дѣло. Не изъ-за нихъ полна народу высокая зала, и почтительные туристы задираютъ вверхъ головы, вздыхаютъ; англичанки издаютъ неопредѣлимо-восторженныя восклицанья, а служители подносятъ небольшія зеркала тѣмъ, у кого очень ужъ устала шея. Эти поклоненья человѣчества, эти взоры, устремленные вверхъ — прямо или черезъ отражающее зеркальце, направлены на потолокъ, гдѣ Микель-Анджело написалъ знаменитую свою живопись на тему Библіи: рожденіе міра, человѣка, его грѣхъ и наказаніе — изгнаніе изъ рая и затѣмъ потопъ. Все это сдѣлано какъ будто *сразу*, однимъ напряженіемъ, такъ, какъ Богъ творилъ міръ. И создатель, одинокій безумецъ, 22 мѣсяца бушевавшій здѣсь на гигантскихъ подмосткахъ, взялъ сюжетъ какъ разъ въ ростъ духу своему, и силамъ: безъ усилій, будто все самъ видѣлъ или носитъ облики запечатлѣнными въ душѣ, пишетъ онъ Бога Отца, Свѣтъ, Тьму, Первороднаго Змія, Адама, Еву, Пророковъ, Сивиллъ, мракъ Потопа. Все міровое, предъ чѣмъ нѣмѣетъ и смущается обычно смертный; все, что вы-

ходитъ за предѣлы вѣроятій, обыденности; гдѣ дышитъ духъ Вселенной — все это такъ-же близко здѣсь Микель-Анджело, какъ будто бы не Богъ, а самъ онъ создалъ Вселенную. Микель-Анджело былъ натурой глубоко-вѣрующей и почтительной; но плафонъ Сикстинской говоритъ о томъ, что его можно было бы упрекнуть въ нескромности: слишкомъ *на равной ногѣ* чувствуетъ онъ себя съ Господомъ, стихіями и міровыми силами. Зевсъ покаралъ Титановъ, возставшихъ на него. Микель-Анджело не возставалъ; напротивъ, онъ Бога славитъ. Но сама сила его какъ-то подозрительна. Въ ней есть сверхчеловѣческое; ей чуждо смиреніе.

Микель-Анджело изображаетъ эпосъ, но и драму міра. Онъ не закончилъ своего цикла. Въ томъ видѣ, какъ онъ дошелъ до насъ, циклъ останавливается на Потопѣ. Получается такъ, что Богъ создалъ человѣка, человѣкъ грѣшитъ, его караютъ. Что-же дальше? Спасеніе и искупленіе здѣсь не написаны. Ветхозавѣтное, великое и грозное выражено могущественно. Точно-бы образъ Іеговы ближе художнику, чѣмъ ликъ Христа. Внѣ связи съ цикломъ, въ дальней, узкой сторонѣ капеллы, надъ алтаремъ изображенъ Страшный Судъ. Тамъ есть Христосъ. Но и тамъ — хаосъ и смятеніе летящихъ тѣлъ, и тамъ трагедія и наказаніе на первомъ мѣстѣ; а Христосъ самъ — могучій атлетъ; въ немъ совсѣмъ нѣтъ сіянія и прозрачности, тишины Евангельскаго Христа.

Микель-Анджело, будучи христіаниномъ, и могучей личностью, былъ во многомъ человѣкомъ гнѣва; столь богата его натура, что въ другихъ вещахъ (Pietà, уже помянутая) выражалъ онъ нѣжность (какъ и въ „Раненомъ Вакхѣ“, во Флоренціи), и свѣтлое любованіе милымъ тѣломъ; выразилъ глубокую задумчивость, печаль, величіе въ лучшемъ твореніи своемъ — гробницѣ Медичи въ Новой Сакристіи Санъ-Лоренцо; но въ Сикстинской — онъ судія безтрепетный. Онъ зналъ и любилъ Данте;

дантовская суровость близка его духу, и отъ Страшнаго Суда опредѣленно вѣетъ „Адомъ“.

Въ жизни Микель-Анджело мало кого любилъ („и Богъ меня убей, мессеръ Микельаньоло, если вы о комъ нибудь отозвались хорошо“ — изъ письма къ нему одного строителя). Намъ извѣстно, что *очень* онъ не любилъ Рафаэля. И если бы мы этого не знали, то достаточно представить ихъ обоихъ ясно, чтобы увидѣть какъ, и только какъ могъ относиться „мессеръ Микельаньоло“ къ „божественному“ Рафаэлю.

И въ жизни и въ художествѣ Рафаэль обладалъ даромъ *очарованія*. Этимъ походилъ онъ на загадочнаго пѣвца, и пророка древности, Орфея. Въ его наружности, и обращеніи, какъ и въ его кисти заключался нѣкоторый талисманъ, привораживающая сила. Какъ и Орфея, его уважали даже животныя, и никогда не трогали собаки. Въ жизни все давалось ему легко. Слава, богатство, расположеніе и любовь папъ, кардиналовъ — то, надъ чѣмъ мучительно трудился-бы другой, приходило само, покорное зову его обольщенія. Это обольщеніе не было колдовскимъ, или магическимъ: оно имѣло характеръ свѣтлоблагостный. Его жизнь, и его искусство было пѣсней къ Богу, пѣснею, радовавшейся о мірѣ, далекой отъ трагизма и отчаянія; Богъ тоже возлюбилъ его, и рано взялъ къ себѣ.

Памятникъ Рафаэля въ Ватиканѣ — такъ называемыя Станцы. Изъ нихъ главнѣйшая, давняя соперница Сикстинской — станца della Segnatura: это комната въ папскихъ покояхъ, гдѣ раньше помѣщалась личная библіотека Юлія II, а затѣмъ тамъ прикладывались печати къ папскимъ breve. Рафаэль въ этой свѣтлой, тихой комнатѣ, выложенной мозаикой, отдѣланной роскошными панелями, написалъ три фрески — „Аѳинскую школу“, „Парнасъ“ и „Disputa“. Хотя „Disputa“ значитъ какъ будто „споръ“, „диспутъ“, но ее назвать правильнѣе „Тріумфъ церкви“.

Никакой борьбы, напряженія нѣтъ. Въ небесахъ возсѣдаетъ Богъ Отецъ, Христосъ, Марія Дѣва и Іоаннъ Креститель среди Учениковъ и Евангелистовъ. Снизу-же Соборъ папъ, епископовъ, учителей церкви, размышляя о догматахъ и обсуждая ихъ, устремляется душою въ высь къ ихъ Истоку. Въ „Парнасѣ“ Аполлонъ, на холмѣ, подъ лаврами издаетъ смычкомъ божественные звуки, поэты-же и поэтессы окружаютъ его, слушаютъ, и нѣжный отблескъ зари золотитъ ихъ. И наконецъ въ „Аѳинской школѣ“ въ фантастическомъ, легко-гигантскомъ храмѣ Ап. Петръ и Павелъ какъ-бы объявляютъ истину Собору мудрецовъ языческихъ. Здѣсь также нѣту рѣчи о борьбѣ, о спорѣ. Все покойно, ясно, духъ великой гармоніи все проникаетъ: и величественно шествующихъ Апостоловъ, и дальнюю, божественную перспективу храма, и мудрецовъ, размышляющихъ на переднемъ планѣ. Во всехъ трехъ фрескахъ Богъ открыто, или скрыто наполняетъ все собою — будетъ ли то Богъ Отецъ „Disputa“, или языческій Аполлонъ, или само Вѣяніе Господа, какъ въ „Аѳинской школѣ“. Это Богъ свѣта и мира. Ему некого и не за что карать, не на кого гнѣваться, ибо и такъ все Ему послушно; все полно къ нему благоговѣнія и радости; Онъ проходитъ въ легкомъ Вѣтеркѣ мудрости, поэзіи и музыки. Все Онъ уравновѣшиваетъ; всему даетъ стройность и прозрачность. Міръ Ему милъ, Онъ и не думаетъ о дьявольскомъ. Кажется, Рафаэлю былъ чуждъ дантовскій Адъ, средневѣковые ужасы, химеры готики. Его корни — христіанство и античность, особенно античность, платонизмъ; но и любовь къ земной прелести, просвѣтленная христіанствомъ.

Для такого духа какъ „мессеръ Микельаньоло“ весь Рафаэль и его фрески, вѣроятно, были слишкомъ „примиренными“. Ему чужда была женственная нѣжность и мягкость этого юноши, его гармонія и стройность. Можетъ быть, если-бы онъ жилъ сейчасъ, то сказалъ-бы о Рафаэлѣ:

„пріятный художникъ“ — и презрительно-бы отвернулся. Правъ, конечно, онъ бы не былъ. Но діаметральность свою съ нимъ подчеркнулъ-бы твердо. Въ тѣ-же времена мрачный Микель-Анджело съ переломленнымъ носомъ, испачканный красками, одичалый, одинокій, безмѣрно могучій и грозный въ замкнутости своей, не могъ не ненавидѣть блистательнаго Орфея, одно прикосновеніе котораго къ струнамъ вызывало звуки нѣжные и обольщающіе.

Судьбѣ угодно было, чтобы они оба отдали себя Ватикану, и навсегда остались въ немъ соперниками непобѣжденными, каждый въ своемъ, неразрывно связанные подъ эгидой папства.

ВИЛЛА МАДАМА

Память о Рафаэлѣ осталась въ Римѣ и помимо Ватикана. Въ S. Maria della Pace, и капеллѣ Киджи, онъ изобразилъ Сивиллъ; по заказу того-же Киджи, съ помощью учениковъ расписалъ Фарнезину; наконецъ, на холмѣ, за Римомъ, выстроилъ кардиналу, Джуліо Медичи, будущему папѣ Клименту, виллу.

Въ одинъ изъ вечеровъ осеннихъ мы туда отправились. Перейдя Ponte Molle, на Фламиніевой дорогѣ, идущей отъ Piazza del Popolo, взяли налѣво, берегомъ Тибра, аллеей платановъ, потомъ медленно стали подыматься на Monte Mario. Сиреневѣло въ воздухѣ, легкой дымкою Римъ затянутъ; недалеко уже сумерки. Надо-бы поспѣшать, но какъ разъ мы запутались въ дорожкахъ по огородамъ. Подошли къ домику огородника, спросили. Старичекъ, возившійся съ лопатой въ зеленомъ своемъ царствіи, длинно и учтиво объяснилъ, и провелъ прямикомъ, черезъ какую-то калитку.

Помню широкій, овальный подъѣздъ къ виллѣ, бассейнъ съ плавающими листьями; входъ во второй этажъ;

огромныя, пустынныя залы, совсѣмъ заброшенныя; впечатлѣніе одичалости, разрушенія. Въ одной изъ залъ какой-то хламъ въ углу валялся. Кучи мусора. Позже, когда стемнѣетъ, летучія мыши, навѣрно, залетятъ въ эту руину.

Но и теперь, въ своей запущенности, какъ внутренно свѣтла, стройна, обильна воздухомъ и легкостью эта вилла! Два ученика, помощники Рафаэля, трудились тутъ — Джуліо Романо и Джіованни да Удине. Они расписывали стѣны фресками, тянули фризы богатѣйшіе, наполнили деревенскій домъ красками яркими и радостными, дыханіемъ природы, свѣта, милаго произрастанія. На фризахъ все цвѣты, и фрукты, птицы; все живетъ, все преизбыточно, само въ себѣ не умѣщается, и говоритъ о прелести природы; о прелестномъ солнцѣ, объ Италіи, свѣтломъ воздухѣ, неизбытныхъ мощныхъ сокахъ жизни. Сквозь тлѣнность временнаго вилла Madama говоритъ о золотомъ вѣкѣ явственнѣе, чѣмъ прославленная Фарнезина. Здѣсь хотѣлось бы жить. Здѣсь само чувство жизни свѣтлѣе, воздушнѣе нашего; и невольная зависть беретъ — позавидуешь тѣмъ, кто такъ чувствовалъ, и такъ жилъ.

Духъ Рафаэля властвуетъ надъ виллой. Но слова его сказаны учениками *болѣе по земному*, нежели говорилъ онъ самъ. Онъ возносился къ платонизму, христіанству, былъ творцомъ легкихъ, гармонически-стройныхъ композицій, но нѣсколько надземныхъ; на ряду съ глубокимъ жизненнымъ корнемъ у него было обобщеніе, полетъ, ясное рѣяніе духа. Онъ — великъ; ученики — милы. Но Джіованни да Удине искренне любилъ своихъ животныхъ, и свои плоды, цвѣты; онъ былъ ближе къ жизни обычной, и быть можетъ характернѣй отразилъ ту радость бытія, легкость земной поступи, какою обладали люди Возрожденія. И онъ, и Джуліо Романо ближе къ средѣ, родившей ихъ, чѣмъ самъ Рафаэль, возвышавшійся надъ нею. Потому ихъ творчество такъ характерно, такъ даетъ couleur locale своего времени.

Съ огромной лоджіи виллы Madama виденъ Римъ. Нѣжно-сиреневая дымка сумерекъ затягиваетъ его. И темнѣй пятна парковъ Боргезе, дальніе кипарисы Палатина. Плавно круглится куполъ Пантеона — Римъ неяркаго вечера, покойный, съ первымъ золотистымъ огонькомъ надъ мутнымъ Тибромъ. Пора домой. Черезъ заброшенные сады вновь спускаемся къ Тибру, а вилла Мадама, если обернуться, глядитъ глазастымъ своимъ, ветхимъ деньми, но внутренно живымъ и свѣтлымъ обликомъ.

У Тибра, въ скромной остеріи подъ платанами, рядомъ съ усталыми возчиками и простымъ римскимъ людомъ, утомленные путники спросятъ фіаску вина, vino dei Castelli Romani. Въ сиреневомъ вечерѣ будутъ слушать кудахтанье куръ, громыханье проѣзжающихъ повозокъ, крикъ осла. Римъ затянется мглой, дымносизой вуалью. Ярче заблестятъ его огни. Темнѣй станутъ ближніе платаны. Возчики разъѣдутся.

Путь нашъ лежитъ длинною via di Porta Angelica мимо казармъ къ Ponte Margherita.

РИМСКІЕ ВЕЧЕРА

Вечеръ Риму идетъ. Захватилъ-ли онъ васъ на мосту черезъ Тибръ, когда пепельно розовѣетъ закатъ надъ Ватиканомъ, а въ кофейныхъ волнахъ, быстрыхъ струяхъ, ломаются золотыя отраженія фонарей; или на Монте Пинчіо, вечеръ краснѣющій, съ синею мглой въ глубинѣ улицъ; или у Капитолія, тихій и облачный, когда стоишь надъ Форумомъ, вглуби чернѣютъ кипарисы, Арка Тита, даль за ней смутно-фіолетовая да нѣсколько золотыхъ огоньковъ — всегда это очень сливается съ Римомъ, всегда ощущаешь — вотъ это и есть стихія его, задумчиво-загадочная. Это она поглощаетъ пестроту, шумность дня, выводитъ душу ночную; освобождаетъ тѣ великія мелан-

холіи, которыми Римъ полонъ. Въ сумеркахъ грандіознѣй, молчаливѣй Колизей; ярче блестятъ глаза одичалыхъ кошекъ на Форумѣ Траяна; величественнѣй шумъ фонтана Треви, неумолчно говорящаго о проходимости.

Я любилъ свѣтлые, задумчивые вечера на Авентинѣ, когда звонятъ Angelus, прощально золотѣютъ окна виллы Мальтійской, слѣпые гуляютъ въ монастырскомъ дворикѣ, полномъ апельсинныхъ деревъ съ яркими, сочными плодами, какъ на райскихъ деревцахъ старинныхъ фресокъ. Авентинъ, да и вся мѣстность къ югу отъ него, къ стѣнамъ Авреліана — очень странная. Это Римъ, городъ, *но никто здѣсь не живетъ*! Таково впечатлѣніе. Тянутся сады, огороды, какіе-то заборы. Среди кочновъ капусты, брокколей, латуковъ попадаются низины, сплошь заросшія камышемъ. Межъ этихъ камышей и огородовъ — руины циклопическихъ стѣнъ Сервія Туллія, сложенныхъ изъ гигантскихъ глыбъ туфа. Да вдали вздымаются остовы Термъ Каракаллы, — мрачной громадою. Развѣ все это не вечеръ, не величественный закатъ? По viale di Porta S. Paolo выходишь къ обрыву Палатина, видишь зіяющія пещеры въ субструкціяхъ дворца Севера и по via di S. Gregorio направляешься къ Колизею. Вся эта улица въ тѣнистыхъ деревьяхъ. Арка Константина замыкаетъ ее, и порталъ храма Григорія Великаго величаво выступаетъ справа, среди садовъ, деревьевъ, тишины. Здѣсь влажно, и безмолвно. Все необычайно, не похоже ни на что — лишь Римъ способенъ былъ производить все это, и надъ этимъ задремать.

Розовѣющія купы облаковъ на небѣ. Пахнетъ сыростью; осенняя листва шуршитъ подъ ногою — слабый ароматъ тлѣнія. Недвижны барельефы и тріумфы Арки Константина.

Ни человѣка, и ни лошади, ни трама!

Послѣ дневныхъ блужданій, утомленный, но и легкій, путникъ навѣрное окажется на Корсо. Можетъ быть, выпьетъ чашку кофе въ международномъ кафе Faraglia, на Piazza Venezia. Или-же пройдетъ подальше, къ знаменитому кафе Aragno.

Въ пышныхъ и нарядныхъ залахъ его въ это время многолюдно. Даже на улицѣ, на тротуарѣ толпа окружаетъ столики. Особенные молодые люди — мы называли ихъ uomini politici — цѣлымъ стадомъ стоятъ передъ Aragno, запустивъ руки въ карманы брюкъ и непрерывно вороша ими. Они надвинули на лобъ канотье свои, и быстро жестикулируя, волнуясь, цѣлыми часами болтаютъ, спорятъ, горячатся, будто дѣло идетъ ни вѣсть о чемъ важномъ; оцѣниваютъ женщинъ, слегка гогочутъ при случаѣ. То-же и внутри кафе; но тамъ сидятъ, на бархатныхъ диванчикахъ, курятъ, пьютъ кофе; и безконечно, и безконечно болтаютъ. Тутъ журналисты, и студенты, и биржевики, и депутаты съ Montecitorio, изъ недалекаго парламента. Остряки утверждаютъ, что министерства итальянскія родятся и свергаются въ кафе Aragno. Вотъ уголокъ, гдѣ засѣдаемъ „мы“, русскіе, во второй залѣ, у стѣны. Всѣ „мы“ въ довольно дружелюбныхъ отношеніяхъ — и между собой, и съ камерьерами, дающими „намъ“ кофе. Какъ вездѣ, насъ считаютъ за второй сортъ, но сама Италія въ глазахъ порядочнаго европейца тоже второй сортъ; намъ и легче. „Мы“, конечно, отличаемся отъ итальянцевъ худшею одеждой, мы волосатѣй и небрежнѣй, медленнѣе говоримъ, нескладнѣй ходимъ, больше пьемъ.

— Ancora due bicchieri per russi! кинетъ ловкій камерьере на ходу своему коллегѣ, и мигнетъ въ нашу сторону. Это значитъ, что „мы“ продолжаемъ вдохновляться коньякомъ Мартелемъ. Синева табачнаго дыма, вѣчное

движеніе, легко снующіе камерьере, несмолкаемый, имѣющій гармонію свою, ровный гомонъ человѣчества. Но вотъ рядомъ, на диванчикѣ у стѣны, за мной, говоръ вспыхиваетъ, собесѣдники хлопаютъ по мраморному столику, бьютъ себя въ грудь, тычутъ пальцами другъ другу чуть что не въ лицо — я оборачиваюсь; спорятъ молодые люди. Точно бы они поссорились, сейчасъ дуэль. Прислушиваюсь — дѣло проще: одни доказываютъ, что на via Babuina комнаты дешевле, чѣмъ на via Aurora. Другіе не соглашаются. Нашъ Ф. вспыхиваетъ, и считая себя тоже итальянцемъ, раздувая бакены подобно жабрамъ, быстро, рѣзко ввязывается въ споръ. Это Италія — страна величія, поэзіи, страна дѣтей, безхитростныхъ uomini politici съ руками въ карманахъ брюкъ.

Часто случается, что изъ Aragno переходимъ въ другое убѣжище, также недальнее — Antico Cafe Greco. Это также нѣкая слава Рима, но въ другомъ родѣ. Если Aragno шикарно и многолюдно, если оно „современно“, то кафе Greco скромно и просто до предѣла; но гордо славою своею полуторавѣковой. Это кафе художниковъ, артистовъ и писателей. Гете пилъ здѣсь кофе; нашъ Гоголь философствовалъ съ Ивановымъ; и безчисленные малые художники украшали кафе картинками, бюстами, скульптурами. Здѣсь невзрачно; днемъ темновато; все обсижено, обкурено и закоптѣлое. Нѣтъ претензій. Но нѣчто покойное, чинно-старинное живетъ, вызывая почтеніе. Вечеромъ зажгутся рожки газовые; они горятъ зеленовато-золотисто; посѣтители тихо разсѣлись по угламъ, читаютъ газеты, играютъ въ домино, въ шахматы. Благородная эта игра прочно тутъ процвѣтаетъ. Въ Cafe Greco тепло, слегка пахнетъ кухней; на скромномъ диванчикѣ въ дальнемъ закоулкѣ долго можно сидѣть, слушая гудѣніе газа, у надписи подъ портретомъ: „Николай Васильевичъ Гоголь“. Вѣжливый камерьере принесетъ чашку кофе, и за скромные чентезимы нальетъ рюмку вермута. Можно

сидѣть, курить, мечтать — никто не помѣшаетъ. Развѣ шахматисты загремятъ фигурками, соберутъ ихъ, разставятъ въ боевой порядокъ и начнутъ плести сѣть молчаливыхъ хитросплетеній. Cafe Greco имѣетъ простоту и тишину, нужныя Риму.

Это вечера обычные. Иногда-же зайдетъ путникъ въ кинематографъ у глянцевитаго туннеля подъ Квириналомъ, и за лиру окунется въ мелодраму, фарсъ, и въ чепуху; посмѣется, посмотритъ итальянскую толпу. Еслиже серьезнѣе настроенъ, можетъ пойти въ концертъ. Пріятны симфоническіе концерты въ Augusteo, близъ S. Carlo. Кругообразная руина мавзолея Августа приспособлена подъ залу. Получился амфитеатръ; его накрыли крышей стеклянною, и разъ въ недѣлю симфоническій оркестръ, подъ управленіемъ кого-нибудь изъ знаменитостей, оглашаетъ древнюю могилу — Бетховеномъ, Чайковскимъ, Листомъ. Бурно дирижировалъ тамъ нашъ Сафоновъ. Звѣзды золотились черезъ стекла надъ сидѣвшими, и надъ игравшими.

И еще вечеръ, особенный, я вспоминаю. Мы отправились на Piazza Colonna. У знакомой булочной, близъ Palazzo Boccone, вдругъ увидали цѣпь солдатъ. За ними, на площади, шумѣла толпа. Мы вошли въ булочную; намъ сообщили, что это демонстрація противъ австрійцевъ. Въ Вѣнѣ побили итальянскихъ студентовъ. Студенты римскіе не пожелали смолчать. Заварилась каша. Мы вышли — и, родившись русскими, не могли-же мы не вспрянуть. Солдаты посмѣивались, яко-бы не пускали, но настроены были явно сочувственно. Кто могъ въ Италіи, въ 1908 году, любить австрійцевъ? И въ концѣ концовъ на площадь можно было попасть. Тамъ орали, бѣгали, свистали молодые итальянцы. Ловкіе, худые, быстрые, засовывали они два пальца въ ротъ, и свистъ пронзительный, нечеловѣческій, летѣлъ по площади съ колонной Марка Аврелія, увѣнчанной Апостоломъ. Апостолъ не-

подвижно каменѣлъ на высотѣ. Для него свистъ недосягаемъ. Свистъ направленъ къ Palazzo Chigi, гдѣ сидятъ въ своемъ посольствѣ важные австрійцы. Вотъ толпа напретъ, хлынетъ туда — полицейскіе ее оттѣснятъ, она отпрянетъ; но ужъ молодые римляне собираются въ другомъ углу — визгъ, кошачій вой, палки, камни и гнилой картофель летитъ въ зеркальныя стекла.

Было весело. Италія подвижная, живая, нервная, не терпящая рабства!

И наша булка полетѣла, протестуя. И мы свистали.

Два окна австрійцамъ выбили. На другой день Титтони ѣздилъ извиняться, но извинялся онъ притворно. Стекла вставили за счетъ правительства. Римъ-же, простой и высшій, былъ на сторонѣ нашей.

ДОМАШНІЙ БЫТЪ

Но возвращаемся домой, къ тѣсной и грязноватой via Belsiana, что у Корсо; есть тяготѣніе посидѣть въ мягкомъ креслѣ, почитать, заварить русскаго чаю. Войти въ свой скромный, ежедневный бытъ.

Вотъ какова наша обстановка: квартира огромная. Ея хозяинъ — итальянскій врачъ, не то акушеръ, не то гинекологъ, а не то просто шарлатанъ. Его почти и не бываетъ дома. Квартира малообитаема. Длиннѣйшій коридоръ ее пронизываетъ; тутъ дверь и въ ванную, и въ хирургическую, и въ пріемную, и въ кабинетъ, въ гостиную — вездѣ полутемно, спущены жалюзи, и цѣлый день сквознякъ. Двѣ наши дамы — хозяйки, дѣвочка, и кухарка Маріэтта, худенькая, востроносая дуэнья лѣтъ подъ пятьдесятъ —всю, кажется; жизнь проводятъ въ кухнѣ. Днемъ, до четырехъ, можно ихъ встрѣтить въ коридорѣ, полуодѣтыхъ, въ нижнихъ юбкахъ и неустроенныхъ прическахъ.

— Ахъ, scusi tanto!

И убѣгають. А на завтра то-же самое, та-же зеленая шелковая нижняя юбка, тѣ-же смоляныя, никогда не моющіяся косы римскія; та-же худенькая дѣвочка съ грязной шеей, похожая на обезьянку. Иногда появляется, впрочемъ, il dottore — здоровенный, съ лоснящимся проборомъ и золотой цѣпочкой. Тогда въ комнатѣ рядомъ несмолкаемый щебетъ; вынимаютъ какія-то вещи, перекладываютъ, считаютъ, слышны лиры, чентезимы, идетъ работа. Можетъ быть, это вовсе и не докторъ, а торговецъ какими-нибудь контрабандными товарами или тайный процентщикъ. Все возможно въ старомъ Римѣ съ просырѣлыми домами — видавшемъ виды всякіе, ничему не удивляющемся.

Съ нами дамы привѣтливы — большаго мы не ждемъ. Если встрѣтишь ихъ подъ вечеръ на Корсо, онѣ въ бриллiантахъ, дѣвочка разряжена, и завита. Иной разъ катаются онѣ, въ наемной коляскѣ, иногда чинно сидятъ у Aragno, пьютъ шоколадъ. Дома-же единственный ихъ другъ, помощникъ, собесѣдникъ — Маріэтта, и въ чаду кухни, надъ дымнымъ очагомъ — ихъ дневной клубъ; вечеромъ тамъ-же онѣ ужинаютъ, у того же огонька.

Къ вечеру въ римской квартирѣ, осенью, холодновато. Окна запотѣли. Мы закрываемъ ставни, разводимъ на спиртовкѣ чай, пьемъ, читаемъ, а ноги мерзнутъ, и на плечи не грѣхъ накинуть что-нибудь. Въ десять дверь отворяется, — востроносая, быстроглазая Маріэтта.

— Occorre altro?

Неизмѣнный вопросъ. Не нужно ли еще чего?

— Niente.

— Buona notte. Buon reposo.

Это формула тоже сакраментальная. Теперь ясно, что началась ночь. И скоро, правда, мы укладываемся на гигантскія латинскія постели, подъ мягкими перинами, нагружая на себя пальто, платки, что можно, чтобы было потеплѣе. Въ это время съ улицы доносится:

— Uno! Tre! Nove! Sei!

Въ первый разъ даже вздрогнешь. Голоса хриплые, воспаленные; что-то бандитское въ нихъ есть. Но дѣло просто. Если встать, пріотворить окно и выглянуть, то на углу увидишь человѣка три-четыре, быстро наклоняющихся, жестикулирующихъ, какъ-бы хватающихъ другъ друга за руки. Дѣлается все необычайно быстро. И непрерывный аккомпаниментъ:

— Cinque! Tre! Sette!

Это игроки въ *морру*, знаменитую игру Италіи.

Дѣло въ томъ, чтобы угадать, сколько пальцевъ одной, или двухъ рукъ выкинетъ вашъ противникъ. Называютъ и выкидываютъ одновременно. Рядомъ стоящіе слѣдятъ, чтобы не было мошенничества, но, конечно, споры постоянны. Доходитъ иногда и до ножей. Морра поэтому запрещена. Поэтому, въ нее играетъ вся Италія, но по ночамъ, по закоулкамъ, тайно.

Игроки въ морру — первые пѣтухи римской ночи; вторые позже бываютъ, и не столь регулярно; въ часъ, во второмъ. Вдругъ на улицѣ крики, теперь уже женскіе, быстро близящіеся; слышенъ стукъ каблуковъ, шелестъ платьевъ, возгласы; и столь же живо какъ возникли, удаляются эти возгласы. Потомъ мужскіе голоса, топотъ мужскихъ ногъ — и стрѣлой несущаяся, отдѣльная бѣглянка. Это борьба съ культомъ Венеры, которой Римъ, по традиціи давней, служитъ не безъ исправности. Стая ночныхъ нимфъ, пролетѣвшая по via Belsiana — уличныя преемницы тѣхъ куртизанокъ, что во времена Рафаэля и Льва X писали латинскіе стихи и принимали во дворцахъ своихъ, на via Giulia. Ихъ описывали и Аретино и Банделло. Ихъ заставляли, во дни оны, во Флоренціи, нашивать желтыя полоски, а еще раньше — носить на капюшонахъ погремушки. Въ двадцатомъ вѣкѣ ихъ преслѣдуютъ ночами. Но какъ тогда онѣ процвѣтали, такъ и теперь безцѣльна борьба съ Венерой, хотя-бы и Венерой

площадной, въ странѣ, гдѣ самый воздухъ опьяняетъ. Гдѣ культъ женщины и любви — многовѣковыми корнями укрѣпленъ; гдѣ женщина до небесъ прославлена; и если хитрость и обманы, легкомысліе и вѣтренность ея осмѣивались иногда — то не было еще въ Италіи такихъ, кто къ женщинѣ-бы относился безразлично.

Наконецъ, и это стихло. Наступила ночь, полная и настоящая. Въ ней, послѣ дневныхъ странствій, впечатлѣній, чтеній, послѣ дня яркаго спишь крѣпко и легко, запасая силы для дня слѣдующаго, когда вновь будешь пить міръ — красоту, величіе его и славу — глотками жадными.

СЛАВА РИМА

Много славъ у Рима. Нѣкоторыя мы ужъ знаемъ. Форумъ, Капитолій — слава древней гражданственности. Ватиканъ — слава католическая въ союзѣ съ Ренессансомъ. Мы не видѣли еще одной славы, тоже древней, очень скромной и прекрасной: славы первохристіанства. Отъ жизни пестрой, повседневной направимся мы въ базилики, катакомбы, и въ окрестности, гдѣ остались нешумные, но трогательные слѣды временъ Апостольскихъ.

ПЕРВОХРИСТІАНСТВО, КАТАКОМБЫ

Базиликъ ранняго христіанства въ Римѣ довольно много. Есть общее во всѣхъ нихъ. Это храмы простые, нѣсколько грузные, въ большинствѣ трехнефные, съ двумя рядами древнихъ колоннъ. Въ нихъ мало украшеній. Скорѣе — впечатлѣніе суровости, той сдержанности — бѣдности строителя, когда недавни еще мученики, когда едва-лишь побѣдило христіанство. Міръ имъ еще не покоренъ. Главная ихъ краса — мозаики. Ими выложена абсида; иногда тянутся онѣ рядами надъ колоннами нефовъ.

Въ храмахъ, особенно-же въ абсидѣ, не весьма свѣтло; всегда пустынно, тихо, мало службъ, и древній въ нихъ, благоговѣйно-застоявшійся воздухъ. Мозаики неясно золотѣютъ, и синѣютъ. Христосъ съ посохомъ пастыря; онъ суровый, изможденный; вокругъ Апостолы. Иногда овечки внизу пасутся. Пахнетъ кипарисомъ, ладаномъ. Медленно пробредетъ прислужникъ, да паломникъ остановится надъ колодцемъ, въ серединѣ храма, гдѣ покоились кости мучениковъ. Церкви эти тѣсно еще связаны со временами мученичества: храмъ св. Пуденціаны относится къ IV вѣку, св. Пракседы, св. Лаврентія за стѣнами — къ V.

У св. Пракседы мы захотѣли войти въ древнѣйшую капеллу св. Зенона. Эта капелла заперта. Мы попросили отворить, къ намъ подошелъ монахъ, заглянулъ неласково — спросилъ:

— Католики?

— Нѣтъ.

— Тогда нельзя.

И молча повернувшись, удалился. Единственный разъ, въ Италіи, дохнулъ духъ древней нетерпимости.

Но къ ветхому храму, въ честь св. Пракседы, въ домѣ которой останавливался Ап. Петръ, это подходитъ. „Вы, праздные туристы, вы здѣсь ходите и разсматриваете, а для насъ это мѣсто священнаго поклоненія. Омойте руки у входа, помолитесь, и тогда мы пустимъ васъ“.

Многія древнія церкви Рима — за городомъ: св. Лаврентія, св. Павла, св. Агнесы. При послѣдней есть катакомбы; я видѣлъ ихъ.

Былъ зимній сѣроватый день, послѣ дождя. Облака летѣли, стояли лужи, когда быстрый трамъ мчалъ насъ за Porta Pia по via Nomentana, гдѣ нѣкогда плебеи уходили на священную гору (эта „гора“ — скромный холмикъ). Пробѣгали дома, дачи, сады — все современное. Наконецъ, мы остановились у тяжелой угловатой церкви съ четвероугольной кампаниллой. Два тощихъ деревца расли предъ

ней. Вѣтеръ рябилъ воду въ большой лужѣ, по которой шипѣли колеса уходящаго вагона. Вдалекѣ въ хмурыхъ тучахъ виднѣлись горы и синѣющая, чуть туманная Кампанья.

Церковь выстроена на могилѣ св. Агнесы. Внутри она сильно передѣлана, хотя, конечно, планъ ея остался. Остались древнія колонны, мозаики въ абсидѣ, VII-го вѣка — св. Агнеса между папами Симмахомъ и Гоноріемъ. Роскошь потолка, портреты, гербы удаляютъ отъ первохристіанства. Но при ней есть катакомбы, вводящія въ его сердце.

Мы спускались по лѣстницѣ. Рядомъ, на стѣнахъ, были вырѣзаны имена мучениковъ. Проводникъ далъ намъ длинныя, тоненькія свѣчки, и пошелъ впередъ, засвѣтивъ свою. Вотъ они, катакомбы, царство подземное! Узенькій безконечный коридоръ; вдвоемъ трудно разминуться. Тьма полная, и лишь красноватое, невѣрное пламя свѣчей нашихъ даетъ возможность увидать пористую, изрыхленную землю по бокамъ, и ниши, куда гроба вставлялись. Ни гробовъ, ни останковъ не существуетъ болѣе; это скромный, сложный, опустѣлый улей смерти. Кое-гдѣ проводникъ остановится, приблизитъ свѣчку къ надписи, къ высѣченному на камнѣ символу — агнца, креста, рыбки: и опять мы бредемъ дальше, спускаемся и подымаемся въ другія галлереи, какъ бѣдныя тѣни, направляющіяся въ Аидъ. Ну, а вдругъ наши свѣчи погаснутъ? вдругъ собьется проводникъ съ пути? Все приходитъ въ голову. Вспоминаешь изъ книгъ, что возможно, — всѣ катакомбы Рима между собою связаны; что считаютъ — въ нихъ было погребено до шести милліоновъ христіанъ. Вспоминаешь разсказы, какъ ушла группа семинаристовъ въ катакомбахъ св. Калликста, да и не вернулась вовсе, заблудившись. И чувство жуткое, но величавое овладѣваетъ. Вотъ онъ *еще* Римъ, новый: темный, душный, подземельный, съ маленькими молельнями, съ древними

службами, съ древней, но преодолѣнной смертью. Римъ, напоенный таинственностью, мученичествомъ, свѣтлой вѣрой, оплакивавшей здѣсь покойниковъ, но и гордившейся божественной ихъ участью. Пусть наверху пируютъ и торжествуютъ Кесари: мы, скромные кожевники, рабы, отпущенники, дочери сенаторовъ, патриціи и послѣдніе бѣдняки Субурры — всѣ вмѣстѣ низойдемъ въ эту юдоль слѣпую, дабы здѣсь погребать братьевъ нашихъ, молиться, принять смерть. Пышности, блеску міра надземнаго мы предпочтемъ Іерусалимъ Небесный... А душѣ нашей изъ потемокъ этихъ онъ еще дороже, еще ближе.

Все-же теперь, проходя по молчаливымъ закоулкамъ этимъ, человѣкъ начинаетъ хотѣть свѣта, воздуха. Свѣчи наши потрескиваютъ; пламя ихъ все краснѣй. Сильнѣй бьется сердце, хочется вздохнуть пошире.

И когда, послѣ получасового странствія, выходишь вновь на землю, она кажется милѣй, и радостнѣе прежняго. Да и правда —разогнало тучи, солнце блѣднымъ, свѣтлымъ лучемъ выглянуло, и разбросало волнистыя свои пятна по далямъ Кампаньи; засвѣтило сіяніемъ ровнымъ, далекимъ, горы Альбано. Благоуханной свѣжестью оттуда тянетъ. Слышенъ жаворонокъ — житель, пѣвецъ и хвалитель Кампаньи. Сколько ни высокъ Іерусалимъ Небесный, но тутъ радуешься и на земной.

QUO VADIS?

Четыре часа дня — день тихій, безсолнечный,съ синѣюще-опаловыми далями. Мы у воротъ S. Sebastiano, за городомъ, на Аппіевой дорогѣ. Здѣсь знаменитая дорога ничего не представляетъ изъ себя особеннаго: она замкнута по бокамъ невысокими стѣнами, за ними огороды, виноградники, сады. Въ отворенную калитку увидишь зелень, работающую крестьянку; проѣдетъ въ таратайкѣ кто-нибудь, подымая пыль, женщина пройдетъ къ городу съ корзиною

на головѣ. Путь слегка подъ гору, къ рѣчкѣ Альмоне. Эта рѣчка болотистая, заросла тростникомъ. Легкій вѣтерокъ камышъ качаетъ, онъ шуршитъ, шуршитъ, безъ конца, безъ начала . . . Эти камыши подъ Римомъ — ихъ не мало въ Кампаньѣ — мнѣ всегда казались удивительными. Сколько безлюдія, пустынности! И сейчасъ они скажутъ о необыкновенной, странной мѣстности безмолвія и вѣчности, что опоясываютъ Римъ. Если обернуться, то за камышами видны стѣны Рима, съ зубцами, тяжкими башнями, тоже въ зубцахъ. А поднявшись, отъ моста повыше, миновавъ скромную остерію, подойдемъ къ небольшой, тоже скромной часовнѣ. Имя ей — Quo vadis.

Здѣсь встрѣтилъ Христа Апостолъ Петръ. Какъ тогда, ночью, во дворѣ первосвященника, на слова: „Вотъ этотъ былъ съ нимъ“ — ученикъ ушелъ, какъ-бы отрекся; такъ теперь онъ убоялся мученичества, и въ день, быть можетъ, такой-же блѣдно-сиренево-опаловый, выходилъ, спасаясь, за ворота Рима. Былъ у него мѣшокъ за плечами? Быть можетъ, были тамъ пшеничныя лепешки и головка лука. Пыльныя сандаліи да посохъ, вотъ и все. — Но, — и того много.

Христосъ шелъ къ Риму.

— Domine, — спросилъ Апостолъ. — Quo vadis?

— Venio iterum crucifigi.

Апостолъ устыдился, какъ нѣкогда въ Іерусалимѣ. И какъ раньше, вновь пошелъ за Христомъ и пришелъ въ Римъ, и принялъ мученичество на мѣстѣ, гдѣ теперь Соборъ; и въ смиреніи, чтобы не равняться съ Господомъ, просилъ распятія головой внизъ, и былъ распятъ. — „Ты, Петръ, и на семъ камнѣ осную Церковь мою, и врата адовы не одолѣютъ ю.“

Да, навѣрно, такой-же опалово-сиреневый былъ день, и такъ же камыши шуршали, и молчала дальняя пустыня;

и нѣтъ времени, и то, что было, длится, и Апостолъ, и Христосъ, въ пыльныхъ сандаліяхъ бредутъ къ Риму.

Среди камней древней, грубой мостовой, вставленъ кусокъ мрамора съ отпечаткомъ ноги. Это стопа Христа. Поклонимся святому мѣсту, пойдемъ далѣе; многія сотни христіанъ здѣсь проходили, передъ вечеромъ, въ направленіи катакомбъ. И Христосъ да будетъ съ нами, какъ былъ съ ними.

АППІЕВА ДОРОГА

Отъ часовенки Quo vadis недалеко и до катакомбъ Калликста. Все еще по сторонамъ дороги каменныя стѣны; все еще калитки. И одна изъ нихъ съ аллеей вдаль, по винограднику, указываетъ на катакомбы. Въ глубинѣ группа кипарисовъ. Если-бы мы зашли туда, то монахъ, болѣе ловкій, чѣмъ у св. Агнесы, водилъ бы насъ опять со свѣчками по безконечнымъ переходамъ подъ землей, слащаво, умиленно прославляя древнія часовни, называя мучениковъ и епископовъ. Это — самое знаменитое изъ древнихъ мѣстъ погребенія: здѣсь похоронена св. Цецилія, здѣсь найдена была крипта первохристіанскихъ папъ. Многое ушло уже; но и сейчасъ живо можно представить себѣ скромный входъ, въ саду какой-нибудь знатной римлянки, среди подобныхъ-же кипарисовъ и виноградниковъ, въ городъ мертвыхъ. Таинственность спусковъ, иногда по откидной лѣстницѣ, съ условленнымъ паролемъ для собраній; тишину и благоговѣніе подземныхъ службъ, рыданія, въ сумеркахъ, надъ тѣломъ мученика.

Все это волнуетъ. И Аппіева дорога настраиваетъ серьезно, важно, какъ и подобаетъ кладбищу.

На самомъ дѣлѣ, можно назвать ее путемъ гробницъ. Противъ катакомбъ Калликста — катакомбы св. Претекстата; на дорогѣ delle sette Chiese, пересѣкающей Аппіеву — св. Нерея и Ахиллея; дальше еврейскія катакомбы, и

еще далѣе, за монументомъ Цециліи Метеллы, круглой башней возстающимъ на пригоркѣ — начинаются гробницы языческія.

Отъ Цециліи Метеллы, если обернуться, виденъ Римъ; нѣчто отъ Іерусалима есть въ обликѣ его отсюда. Плоскія крыши, невысокіе дома, дальній куполъ, пустыня, обнимающая вокругъ, горы . . . Священное и древнее во всемъ этомъ.

Кампанья разстилается теперь широко. Видны Альбано и Фраскати въ голубѣющемъ туманѣ. Небо прояснѣло; и мирное солнце выхватило дальнимъ, сіяющимъ лучомъ средневѣковый городокъ на возвышеніи — какую-нибудь Палестрину. Въ нѣжной голубизнѣ акведуки идутъ по равнинѣ, тихой и безглагольной; пасутся стада овецъ. Ихъ стерегутъ пастухи въ кожаныхъ штанахъ — личности древнія; свѣжей античностью отъ нихъ вѣетъ.

И въ золотящемся вечернемъ солнцѣ — холмики, курганы, саркофаги, по обѣимъ сторонамъ дороги. Полуразрушенные храмики. Надъ ними пиніи. И — ни души! Развѣ скромная двухколеска протруситъ — опять плавные ястреба въ небѣ, звонъ жаворонка, легкіе призраки Сабинскихъ горъ. Если смерть есть покой, то лучшаго орнамента не надо ей. Ибо все здѣсь — вѣчность и безмолвіе, остановившіяся облака, безбрежно-голубое небо. Язычникъ, іудей, христіанинъ, легшіе въ эту землю — всѣ одинаково другъ другу братья. Богъ, посылающій имъ жаворонка, свѣтъ солнца, благоуханіе равнинъ пошлетъ и душамъ отошедшихъ миръ. Аминь.

S. PAOLO FUORI LE MURA

Если Quo vadis — памятникъ Апостола Петра, то храмъ S. Paolo — пышная слава Павла.

Сама дорога къ храму интересна. Въ Римѣ она идетъ у Тибра, мимо Авентина, золотѣющаго въ лучахъ вечер-

нихъ уединенными садами. Проходитъ далѣе, кварталомъ бѣднымъ, шумнымъ, будто подходящимъ для того, чтобы всегда здѣсь жили мелкіе ремесленники, сапожники, ткачи, среди которыхъ проповѣдывалъ Апостолъ. Небольшой Monte Testaccio, создавшійся изъ черепковъ посуды битой, вѣками сюда кидавшейся, остается влѣво. Миновавъ загадочную пирамиду Цестія у городскихъ воротъ, мы выѣзжаемъ на дорогу въ Остію. Она бѣдна, пыльна; какіе-то домишки люда несытаго, харчевни, остеріи; справа Тибръ вьется къ морю, равниной безпредѣльной и пустынной. Тамъ, куда солнце клонится — море, и туда оно уйдетъ. Среди болотистыхъ низинъ тамъ Остія, нѣкогда громкій портъ, нынѣ раскопки, да могилы, лихорадки. Изъ этой Остіи, навѣрно, отходили парусныя суда въ дальніе края къ востоку; и быть можетъ, что самихъ Апостоловъ доставило сюда одно изъ судовъ этихъ. И — въ томъ нѣтъ сомнѣній, что ихъ пыльныя сандаліи постукивали по пути остійскомъ. Здѣсь гдѣ-нибудь въ корчмѣ, подъ Римомъ, Павелъ ночевалъ; а съ зарей продолжалъ путь къ мѣсту славы и кончины. И мы не удивимся, встрѣтивъ на дорогѣ этой, скромной и нехитрой, какъ само первохристіанство, капеллу, на стѣнѣ которой высѣчены двѣ мужскія фигуры: Петръ и Павелъ. Тутъ въ послѣдній разъ предъ мученичествомъ Апостолы увидѣлись, и тутъ прощались. Такова легенда.

Самый храмъ Апостола подальше. Римъ остался совсѣмъ сзади, лишь всегдашній куполъ S. Pietro плавно закругляется. Храмъ Павла испыталъ несчастіе: въ 1823 г. сгорѣлъ, и теперь отстроенъ заново. Лишь его планъ, гигантскіе размѣры, пять нефовъ и четыре ряда колоннъ говорятъ о былой славѣ. Все-таки она сохранилась и теперь. Трудно представить себѣ блескъ и свѣтъ этого храма, сіяніе колоннъ, чувство простора и зеркальности, какія тамъ ощущаешь. Это, конечно, не древнехристіанская базилика. Это нѣчто *по поводу* базилики,

созданное, какъ и Соборъ Петра, папствомъ. Но духъ величія, духъ грандіоза есть въ храмѣ Павла. Быть можетъ, Пиранези онъ понравился бы.

Помню и медальоны, гдѣ-то высоко, подъ потолкомъ — безконечный рядъ папъ, въ мозаичныхъ изображеніяхъ. Тутъ всѣ Сильвестры и Симмахи, и Калликсты, и Григоріи, и Львы, и Павлы, Юліи и Александры, Піи, Бенедикты, вновь безпредѣльная династія двухъ тысячъ лѣтъ. А Петръ и Павелъ, разлучившіеся тамъ на смерть, по дорогѣ въ Остію, здѣсь вознесены колоссальными статуями у входа въ нефъ.

Солнце ударило красными шелками сквозь верхнія окна, заалѣло на стѣнахъ, напомнило, что римскій вечеръ наступаетъ. Бѣгло мы взглядываемъ на дивный монастырскій дворъ, съ портикомъ въ витыхъ колонкахъ, и выходимъ къ траму. Некогда ужъ посѣтить Tre Fontane, гдѣ Апостолъ былъ казненъ: это довольно далеко отсюда. По преданію, отсѣченная голова его, покатившись по землѣ, трижды остановилась. И изъ каждаго мѣста забилъ источникъ.

Мы вспрыгиваемъ на подножку трама. Въ свѣжемъ вечерѣ, оранжево-золотистомъ, съ отблескомъ зеленоватаго, онъ уноситъ насъ обратно, въ дальній Римъ, равниной бѣдною, подъ тѣмъ-же небомъ, что взирало на отрубленную голову Апостола. А прохладный вѣтерокъ изъ Остіи доноситъ ту-же влагу, запахъ соли, моря, водорослей, что и двѣ тысячи лѣтъ назадъ, на зарѣ, вдыхалъ Апостолъ, направляясь въ Римъ.

Benedictus est Dominus et nunc, et semper, et in saecula saeculorum.

ДУХЪ РИМА

Чтобы ощутить Римъ полнѣе, надо побывать въ его окрестностяхъ. Мы уже были на Аппіевой дорогѣ. Но еще и еще надо бродить, на закатѣ, среди ея могилъ, подъ

огненнымъ солнцемъ, опускающимся за море, надъ пылающей равниной. Видѣть серебряныя, при лунѣ, горы Альбано, посѣтить Тиволи, городъ таинственной Сивиллы, роскошныхъ водопадовъ, дикихъ горъ и оливковыхъ рощъ; взглянуть на Римъ съ террасы виллы Адріана, въ вечернемъ безмолвіи пустыни; вдохнуть странный запахъ синихъ сѣрныхъ водъ — Aque albulee; посмотрѣть на стада, пасущіеся въ Кампаньѣ, на пастуховъ въ кожаныхъ штанахъ, съ библейскими посохами. Послушать безконечныхъ жаворонковъ, заливающихся въ свѣтѣ, напитаться лазурною безбрежностью этого неба, къ которому, плавно катясь, восходитъ равнина, замкнутая волною горъ.

Многія изъ горъ вулканическаго рожденія. И вообще это край вулканическій. Онъ носитъ слѣды давнихъ загадочныхъ перемѣщеній почвы, и сама почва здѣсь особенная: необычайно древняя. Столь древне все подъ Римомъ, что какъ будто ощущаешь оцѣпенѣніе вѣковъ, повисшихъ въ прошломъ. Произрастанія земли и жизни людей слились. Невѣдомая сила выдавила воронковидные, уединенные холмы, раскинутые по Кампаньѣ, увѣнчанные вѣковыми городками — Паломбарами, Монте-Компатри. Цѣлые океаны голубого воздуха ихъ раздѣляютъ, напояя неземной нѣжностью ихъ очертанія.

Всегда мнѣ странною казалась земля Рима. Это не Тоскана. Тоскана молодая, бодрая, живая; здѣсь — прахъ тысячелѣтій. Мелкая, разсыпчатая почва, крошащаяся, точно удобренная кровью поколѣній людскихъ, перегорѣлая и отжившая; вся пронизанная катакомбами, сверху изрытая пахарями и теперь заброшенная. Если Римъ столица, то почему вокругъ на десятки верстъ пустыня? Почему окрестности мірового города возводятъ къ Библіи, равнинамъ Палестины, Сиріи? Римъ будто заколдованъ. Онъ оцѣпленъ кольцомъ доисторическаго. Государства смѣняются, народы волнуются, а Вѣчность

дышитъ вокругъ Рима нѣмыми небесами, безсловесными стадами, всегдашней пѣснью жаворонка въ голубоватыхъ даляхъ. Да безродные камыши, спутники болотистыхъ низинъ и рѣчекъ, шуршатъ невнятно. И лишь куполъ Петра, круглый шатеръ человѣка въ пустынѣ, предъ лицомъ Бога, говоритъ о Геніи, о духѣ Единенія.

Въ кругообразной равнинѣ, orbis terrarum, Римъ возникъ единящею силою. Можетъ быть, изъ вида этого *круга земель* выросло у римлянъ ощущеніе, какъ позже у католиковъ и папъ, о средоточіи вселенной. Это чувство *духъ дѣланія* осуществлялъ. Городъ таинственный сталъ господиномъ міра, прежде физическимъ, государственнымъ, позже духовнымъ. Городу съ такой судьбой не надлежитъ быть простодушнымъ.

Римъ, если вглядѣться, вслушаться, сохранилъ и понынѣ великую свою серьезность, важность и величіе. Столь онъ покоенъ въ значительности своей, что никакая суета его не поколеблетъ. Въ сущности, гдѣ-бы ни находиться въ Римѣ, всюду вамъ слѣдуетъ музыкальное сопровожденіе. Есть глубокая задумчивость и меланхолія въ этихъ звукахъ. Есть сознаніе великихъ дѣлъ, великихъ чувствъ, страстей, моленій, преступленій, откровеній, пролетѣвшихъ — и истаявшихъ.

— «Да, я жилъ: дикій Ромулъ, братоубійца, обводилъ свою борозду на Палатинѣ. Легендарные цари завоевали Вольсковъ, и Сабинянъ, и Этрусковъ. Республика создавала законы, Цезарь видѣлъ славу, гибель; императоры безумствовали; и власть моя распространялась надъ всѣмъ міромъ. Я видѣлъ странныхъ христіанъ — полурабовъ, полуневѣждъ, повалившихъ боговъ моихъ; я испыталъ позоръ и разореніе отъ варваровъ; вѣками пребывалъ я въ запущеніи; стада паслись на моемъ форумѣ, но я вновь возникъ, далъ міру благодать искусства, бездну религіи, сладость напѣвовъ христіанскихъ. Свѣтъ просвѣщенія моего вновь пронизалъ міръ; и какъ стоялъ

вѣчно, такъ вѣчно и простою. Но я знаю жизнь, ея печаль и бренность, ея великую серьезность. Какъ полубогъ, окутанъ я легендою; треножникъ Пиѳіи курится у моихъ ногъ; судьбы мои темны. Я, древній, важный, все видавшій, испытавшій, безконечный Римъ!»

Въ Римѣ нѣтъ ничего женственнаго; это воинъ, мужчина, дѣлатель; мало въ немъ и художника. И потому любовь къ нему — особенная; въ ней нѣтъ той свѣтлой нѣжности, воздушности, очарованья зажигающаго, какъ въ чувствѣ ко Флоренціи. Блаженно-райское мало идетъ къ Риму. Слишкомъ онъ грозенъ и трагиченъ, сложенъ, и меланхоличенъ. Римъ хорошъ для глубокаго собиранія души. Не даромъ Гоголь такъ любилъ его. Тамъ онъ читалъ Гомера, Библію и Данте.

И не напрасно Римъ живописуя, рисовалъ вечеръ. Римъ есть городъ вечера. Самыя глубокія, и острыя въ немъ чувства — на закатѣ. И сама ночь, сходящая столь быстро, — особенная ночь.

Ночь высвобождаетъ его душу; въ ней окончательно смолкаетъ суетное, и яснѣе вѣчное. То, что въ Римѣ есть отъ Пирамидъ, отъ Сфинксовъ, то звучитъ слышнѣе въ часъ полуночный.

Если поужинать у фонтана Треви и направиться къ Корсо, то Римъ предстанетъ въ полусонной летаргіи. Можетъ быть, есть огни у Aragno; еще ѣдутъ экипажи изъ театровъ, но прохожихъ мало, и одна за другой ставни запираются, тухнутъ свѣтившіяся окна. Блѣдный мѣсяцъ, изъ-за облаковъ, бѣжитъ беззвучно; дымное, сизѣющее его сіянье одѣваетъ улицы опалово-молочнымъ. Пересѣкши Piazza Colonna, миновавъ парламентъ, попадаешь въ угрюмые, холодновато-мертвенные переулки, что выводятъ къ Пантеону. Одиноко, сумрачно онъ воздымается; гордо несетъ куполъ свой; темновато межъ колоннъ его портала. Здѣсь никого не встрѣтишь. Четко звучатъ шаги, плиты влажны, легкій туманъ встаетъ въ воздухѣ.

Это старые кварталы Рима, съ домами просырѣлыми, улицами узкими, съ сумрачными дворцами, какъ крѣпости, вырастающими на углу. Съ Piazza Navona шумятъ фонтаны. На ней свѣтлѣе, и туманъ прозрачнѣй. Старый Нилъ — дѣтище Бернини, безпредѣльно шумитъ струями своими, отливая серебромъ и жемчугомъ въ мѣсячномъ сіяніи. Два сержанта въ плюмажахъ, въ бѣлыхъ перчаткахъ, бродятъ у бассейновъ, близъ пыли, облака брызгъ. Нилъ не устанетъ изливаться. И куда-бы ни зайти въ пустынный часъ Рима пустыннаго, музыка водъ будетъ сопровождать. Ибо Римъ — городъ фонтановъ. Божества влаги издавна почитались здѣсь, и благоволили къ Риму сами. Воды летятъ въ Римѣ высоко, какъ у Собора Петра; несутся плавными струями въ Aqua Paola; журчатъ въ бассейнѣ на Испанской площади; ими кипитъ вся стѣна у Фонтана Треви, въ сложныхъ и разсчитанныхъ каскадахъ; нѣжно бьетъ тоненькая струйка въ чашу на Монте Пинчіо; и безчисленные тритоны, наяды, божества рѣкъ извергаютъ ее изъ своихъ глотокъ по различнымъ мѣстамъ Рима. Музыка водъ есть музыка меланхолій Рима, возводящая къ безпредѣльности. И она, какъ самъ Римъ, слышнѣе ночью, когда слабенькая струя источника, чуть ни на любомъ перекресткѣ, не теряется ухомъ.

Молчаливыми улицами, мимо дворца Фарнезе, попадаешь къ via Giulia, которую папа Юлій сплошь собирался застроить дворцами. Онъ не осуществилъ намѣренія. Она глуха, мрачна и молчалива, — она выводитъ къ Тибру. — Вновь увидишь воды, кофейно-мутныя, быстротекущія, слегка блистая рябью золотистой. Платаны набережной зашуршатъ отъ вѣтерка — умолкнутъ. Парочка притаилась на скамейкѣ. Выгибая спину, одинокій котъ пробѣжитъ по парапету, и скакнетъ на дерево. Издали Ватиканъ маячитъ, да угрюмо темнѣетъ громада S. Angelo.

Римъ—не для молодости. Но человѣкъ, видѣвшій уже жизнь, знающій ея цѣну, знакомый съ горемъ: тотъ, для

кого недосягаема уже сіяющая черта юности — тотъ Римъ полюбитъ любовію ясной и глубокой. Чары Рима извѣстны. Достаточно подпасть имъ, и волшебникъ ужъ не выпуститъ; гдѣ-бъ ни находился человѣкъ, все будетъ онъ вздыхать по Риму ровному, покойному, и важному, какъ вѣчность.

Сельцо Притыкино, Тульской губ.,
1919 г. декабрь мѣсяцъ.

РОЖДЕСТВО ВЪ РИМѢ

Розовая дѣвушка Джованнина, изъ Перуджіи, просунула утромъ въ комнату подносъ: кофе. Это потому, что встаемъ мы поздно и къ табльдоту опаздываемъ. Мы пьемъ кофе и топимъ каминъ римскими щепками. Здѣсь они, однако, дороги. Но римскій огонь — все же огонь, и грѣетъ. Сѣрый день, декабрь, сухая изморозь и слегка туманно. Видны бѣлые стволы платановъ. Вѣтеръ подхватываетъ опавшій листъ. У воротъ виллы Боргезе извозчики играютъ въ карты. Позже — принесутъ имъ жены завтракъ, и у себя же, въ пролеткѣ, поднявъ верхъ, закуситъ римскій гражданинъ козлятинкой, виномъ, чиполлой.

Я ѣду въ Ватиканъ. Тамъ ходимъ мы съ знакомыми американками въ аппартаментахъ Борджіа. Три американскихъ дѣвицы одѣты просто, просто причесаны, одна въ пенснэ; напоминаютъ курсистокъ изъ Петербурга. Мы объясняемся на очень плохомъ французскомъ. Если я говорю слабо, то что же за языкъ у нихъ! Это меня утѣшаетъ.

Въ комнатахъ Борджіа, гдѣ случались и оргіи, и убійства — сѣрый перламутръ дня, золотящіяся фрески Пинтуриккіо; въ нихъ много всего напутано, а въ общемъ не очень понятно; тепло, иностранцы, стая тяжеловатыхъ, бритыхъ пасторовъ. Здѣсь — утро въ Римѣ: всегдашнее, долгое и прелестное пилигримство — нынче Ватиканъ, завтра Фарнезина, вилла Мадама, тамъ катакомбы, гробницы латинской дороги. Я отстаю отъ барышень. Хожу

одинъ, смотрю, дышу, и я считаю, что живу, хотя и ничего не дѣлаю. Но почему надо что нибудь дѣлать? Это еще требуетъ доказательствъ.

Время близится къ завтраку. Американокъ уже нѣтъ. Захожу поглядѣть на „Аѳинскую школу", которую мало раньше цѣнилъ — и, домой. Спустившись мимо знаменитыхъ папекихъ швейцарцевъ, въ костюмахъ XVI вѣка, возвращаюсь вдоль набережной кофейнаго Тибра, минуя коричневую, мрачную башню св. Ангела — Римомъ простымъ и таинственнымъ — дневнымъ, сѣрымъ Римомъ, котораго, однако, не раскусишь.

Дома одѣвается къ завтраку моя жена. Джованнина понаряднѣй. Мы всѣ сходимся въ столовой госпожи Фрапани. Госпожа Фрапани немолода. Она строга, что непохоже на Италію, и грубовата. Мы немного всѣ ее боимся. Намъ готовитъ ея мужъ, служащій у папы — говоря попросту — камеръ-лакеемъ. Онъ рослъ, высокъ, и великій кулинаръ. Нельзя сказать, чтобы мы недоѣдали.

Насъ четверо русскихъ, наиболѣе безтолковые изъ пансіона. Затѣмъ американки, уже знакомыя; спятъ ночью съ открытыми окнами, и днемъ нажариваютъ комнату. Еще американецъ, старый, бритый, съ тоненькой, изящной, нервною женой, плачущей по ночамъ. Какъ необычайно тонка у ней талія! Моя сосѣдка — нѣмка изъ Кельна, лѣтъ пятидесяти, грязноватая, и масляная, сильно выпивающая. Въ Римѣ по какимъ то страннымъ дѣламъ. И — голландскій баронъ, grand mangeur, какъ онъ говоритъ, худой, знающій всѣ отели міра, любящій карты и живительную влагу, но, подъ контролемъ висбаденской дамы, это не очень легко.

Наши разговоры всѣмъ извѣстны: каковъ Римъ, что хорошаго въ Висбаденѣ; правда ли, что въ Петербургѣ прислуга кланяется въ ноги, и спитъ на порогѣ комнаты „госпожи". Американка учитъ меня произношенію, разѣвая

ротъ до золотыхъ пломбъ. Старый американецъ молчаливъ. Лишь иногда, если прислуживающая Джованнина ошибется, онъ на нее посмотритъ, издастъ звукъ, вродѣ гудка, и кивнетъ. Она его боится. Былъ случай, что отъ такого сигнала выронила она всѣ тарелки.

Нынче для разговоровъ еще тема: завтра Новый Годъ. Можно узнать о Святкахъ въ Германіи, Америкѣ, Россіи. Былъ бы съ нами филологъ, могъ бы онъ вспомнить про древнія Сатурналіи, праздновавшіяся въ Римѣ какъ разъ въ это время. Праздникъ былъ символомъ этого вѣка: на недѣлю рабы считались свободными, всѣ веселились, дѣлали подарки, особенно рабамъ и дѣтямъ — дарили восковыя свѣчи, игрушки, орѣхи. Кто въ туманный декабрьскій день бывалъ на piazza Navona, древнемъ стадіи Домиціана, когда бернініевы фонтаны покрыты рождественскимъ инеемъ и между лавчонками снуетъ веселая толпа — помнитъ море игрушекъ, выставленныхъ тамъ — самыхъ простыхъ, сусальныхъ, балаганныхъ. Но страшно милыхъ. Двѣ тысячи лѣтъ назадъ нѣчто подобное дарили здѣсь дѣтямъ. И наша русская елка, если ее шевельнуть, окажется родомъ изъ города городовъ. Нельзя сказать, чтобы Римъ устроился со вчерашняго дня.

Новый годъ мы хотѣли встрѣчать съ русскими — племенемъ, столь рѣзко отличнымъ отъ Рима, итальянцевъ, настоящихъ иностранцевъ. Да, мы хуже одѣты, безпокойны, нервны, невоспитаны. Въ насъ нѣтъ вѣсу и значительности. Мы — шумная, безтолковая, бродячая Русь, не то скиѳы, не то цыгане, не то художники, не то революціонеры, но никакъ не порядочные люди. На моихъ гостей, которые шли не въ салонъ, а прямо въ комнату, одѣтые въ плащи и разныя каскетки, безъ особаго почтенія смотрѣла госпожа Франани.

Мы условились встрѣтиться къ одиннадцати въ ресторанчикѣ, гдѣ засѣдаютъ болѣе чѣмъ скромные римляне

и не менѣе скромные русскіе. Ресторанчикъ находится на улицѣ Monte Brianzo. Начиная отсюда, тянется до Кампо-ди-Фіори, до театра Марцелла старый, мрачный Римъ средневѣковыхъ закоулковъ, запутанныхъ и полутемныхъ улицъ, отзывающихъ старинными разбоями, глухими убійствами изъ-за угла; здѣсь дѣйствовали наемныя шпаги; и маскированные люди въ туманную ночь не разъ тащили въ этихъ лабиринтахъ тѣло; мутный Тибръ его бралъ.

Самъ ресторанчикъ — тоже въ старинномъ домѣ, выходящемъ въ переулокъ, гдѣ направо живетъ какой-нибудь мѣдникъ или кузнецъ съ горномъ, а налѣво cantina — сырой и холодный винный погребъ. Лѣтомъ здѣсь есть садикъ, увитый виноградомъ, гдѣ стоятъ античные обломки и статуэтки — дары обѣдающихъ художниковъ. Нынче-же пиръ въ зимнемъ помѣщеніи, низенькой комнатѣ съ висячими лампами, за столами съ твердыми скатертями, гдѣ наскоро похлебаетъ минестру римскій веттуринъ, молодой нѣмецкій художникъ съ Monte Mario, да русскій изгнанникъ въ бархатной курткѣ.

Новый годъ встрѣтили мы шумно, весело, но не безъ нервности. Пили въ честь Сатурна. Моя сосѣдка пикировалась съ писателемъ, неизвѣстно почему. Пьяный нѣмецъ за сосѣднимъ столомъ заглядѣлся на нашу даму и чуть не вызвалъ ссоры. Явилась цыганка. Мы ее усадили; конечно, поили. Конечно, несла она всякую чушь, потомъ переселилась за другой столикъ, тамъ продѣлывала то-же. Подошло двѣнадцать. Откупорили Asti, закипѣло оно въ бокалахъ, встали, чокались, цѣловались. Пили за Россію, за Италію и Римъ. Чокались съ итальянцами. Въ кабачкѣ же становилось жарче. Быстрѣй носился маленькій толстякъ хозяинъ; краснѣй казались лица, громче смѣхъ. Римляне рядомъ рѣзались въ карты и приглашали насъ. Кой-гдѣ тоже орали, и не удивительно бы было, если-бы въ углу произошла coltellata.

Средину очистили, на пустомъ мѣстѣ открылись танцы подъ жиденькую скрипочку. Помню, отчаянно и залихватски плясала матрона-прачка съ квиритомъ, можетъ быть, потомкомъ нѣкоего трибуна.

Празднество кончилось поздно. Возвращались мы гурьбой, посреди улицы, по пустынному темному Риму. Изрѣдка попадались ватаги такихъ же гулякъ. Въ общемъ Римъ спалъ. И странно было ежеминутно наталкиваться на битое стекло, горлышки фіасокъ, пузырьковъ. Но таковъ обычай въ эту ночь — бросать на улицу бутылки, склянки, банки, будто отдѣлываясь отъ ненужностей прожитого.

Есть во встрѣчѣ Новаго года всегда нѣчто волнующее,— и острое, и горькое — нѣкій памятникъ уходящей жизни, открывающійся горизонтъ новой. Подводишь счетъ ранамъ, радостямъ. Ждешь новыхъ, и яснѣй, чѣмъ когда-либо, ощущаешь таинственный, печальный и радостный полетъ времени. Это чувство сильнѣй внѣ родины. Еще сильнѣй оно именно въ Римѣ, городѣ, правда, сивиллическомъ.

И разстались мы у испанской лѣстницы болѣе серьезно. Туманъ затягивалъ башни Trinita dei Monti. Ступени дивной лѣстницы влажны. Если обернуться назадъ, то черной стрѣлой, окаймленной золотомъ фонарей, уходитъ via Condotti. Глуха, молчалива via Sistina, куда мы вышли, — священная для русскихъ именемъ Гоголя. А на нашей via di Porta Pinciana все такъ же чернѣетъ одинокій кипарисъ, все такъ же безмолвны стѣны, гдѣ Велизарій отбивалъ готовъ — съ аркадами, зубцами, плющемъ, все такъ же поздній прохожій слышитъ „меланхолическій плескъ одного изъ безчисленныхъ фонтановъ Рима“.

Мы заснули не скоро. А утромъ снова просовывала Джованнина кофе, поздравляла съ Новымъ годомъ, затапливала каминъ. День шелъ, какъ обычно.

Лишь передъ обѣдомъ г-жа Франани разодѣлась, нацѣпила, какъ порядочная итальянка, бриллианты, и со

своимъ здоровеннымъ мужемъ выѣхала кататься на собственной лошади, въ двухколескѣ. По праздникамъ ѣздили они всегда. Кто желалъ бы видѣть образцовыхъ мѣщанъ, доставляющихъ себѣ достойное и приличное развлеченіе, пусть взглянетъ на нихъ. У насъ, русскихъ, мало выработаны еще эти люди. Западъ даетъ ихъ въ изобиліи.

За обѣдомъ мы нашли у своихъ приборовъ зеленыя вѣтви того англійскаго рождественскаго деревца, имя котораго мнѣ неизвѣстно. Къ индѣйкѣ подали бутылку Asti, вошла г-жа Франани, и, разливъ вино по бокаламъ, поздравила съ Новымъ годомъ. Мы чокались. Американецъ издалъ краткій гудокъ, его нервная подруга кивнула усталыми сѣрыми глазами. Голландскій баронъ, grand mangeur, расправилъ рыжіе усы, и приложился; видимо, не одну бутылку онъ бы опорожнилъ, если бы дали, и если-бъ не жена, слѣдившая строго: бѣдный баронъ мало имѣлъ злата изъ собственнаго кармана. Но г-жа Франани выставила еще бутылку, и еще. Крашеная нѣмка стала вспоминать Кельнъ, и залоснилась.

Обѣдъ кончился — появился горбатенькій музыкантъ со скрипкой — г-жа Франани явно задавала намъ балъ. Въ углу зажгли свѣчи на елочкѣ, столъ отодвинули, и начались танцы — не далекій ли отголосокъ давнихъ празднествъ, справлявшихся здѣсь-же, въ садахъ Лукулла? Танцовали американскія барышни, мы, русскіе, баронъ, нѣмецкая дѣвица. Позже, въ этотъ же вечеръ, мы были въ гостяхъ у американокъ. У нихъ было очень натоплено.

Они сидѣли на кровати, угощали насъ конфектами. Я читалъ Пушкина — „Для береговъ отчизны дальней“, а онѣ кивали въ знакъ одобренія. Въ это время баронъ сидѣлъ въ салонѣ и болталъ. Ему хотѣлось еще выпить и сыграть въ карты — но не выходило. Крашеная нѣмка собиралась куда-то: каждый вечеръ она пропадала —

какъ полагали, довольно таинственно. Говорила же всегда, что „ѣдетъ на Авентинъ".

Такъ начался новый 1912 годъ, и быстро замелькали его дни. Въ Крещенье итальянцы вновь тряхнули стариной — по всему Риму шлялись банды молодыхъ людей съ трубами, трещотками, барабанами. Вой стоялъ необычайный. На piazza Navona — нѣчто въ родѣ Вербы. Продавали морскихъ жителей, швырялись серпантинами, орали. Бѣдныхъ нашихъ американокъ, забредшихъ туда, окружили римскіе юноши, и гудѣли въ трубы со всѣхъ сторонъ до изнеможенія. Трудно, говорили онѣ, было вырваться. И всю ночь слышали мы эти барабаны, рожки. Это не было плохо — немножко смѣшно.

А черезъ нѣсколько дней надо было уѣзжать. По старинному, вѣковому обычаю пилигримовъ, заходили мы въ послѣдній вечеръ, съ друзьями, къ Фонтану Треви, ужинали въ маленькомъ ресторанчикѣ, гдѣ славится вино Фраскати, и дѣвочка поетъ со старикомъ на romanesco, римскомъ діалектѣ. А потомъ вышли на поклонъ фонтану. Бросили монетки въ свѣтлый его бассейнъ — даръ Божеству Рима и залогъ возможности вновь увидѣть его. Дамы всплакнули, сидя надъ водой. Гигантскій фонтанъ шумѣлъ звучно, безконечно.

По пустыннымъ туманнымъ улицамъ мы возвращались, прощались и цѣловались на углу via Veneto.

А на зарѣ слѣдующаго дня, въ туманно-розовомъ, холодномъ утрѣ, покинули пансіонъ Фрапани, пинчіанскій холмъ — сады Лукулла — и въ купэ скораго поѣзда вылетѣли изъ Рима, объятаго молчаливой и загадочной Кампаньей, чья земля подобна праху, чья душа — душа древнихъ Сивиллъ, и чья прелесть нерасколдована. Волненіе, печаль, надежда — вотъ чувства, съ которыми покидаешь Римъ. Былъ десятый часъ, когда я сказалъ женѣ, устало лежавшей на диванѣ:

— Чивиттавеккіа.

Налѣво сѣро-зеленое море, съ оранжевымъ, далекимъ парусомъ — море Энея. Направо скалы, станція, городокъ. Впереди путь къ Чечинѣ и Корнето, пустынный и суровый край, о звѣряхъ котораго сказалъ поэтъ:

Quelle fiere selvagge, che in odio hanno
Fra Cecina e Corneto i luoghi colti.

Riviera di Levante

УТРО ВЪ КАВИ

Всю ночь вѣтеръ выл. Да шумѣло море, шумомъ тяжкимъ, мощнымъ. Какъ *полны* эти звуки! Они все насыщаютъ. Но пріятны. Нравится ихъ безначальность, безконечность. Вѣчность.

Распахнувши ставни, видишь крыши итальянскія, подъ черепицею; балкончики, веревки для бѣлья; деревья въ садикахъ и огненные апельсины; вдали-же насыпь желѣзнодорожную — за нею море.

«Mar grosso», скажетъ Маріэттина, дѣвочка лѣтъ пятнадцати, намъ услужающая. Значитъ, вѣтрено, море надулось, нахохлилось; ухаетъ безъ перерыва мягкою тяжестью волны о берегъ.

Черезъ полчаса въ комнаткахъ нашихъ — мы снимаемъ три въ нехитромъ домикѣ синьора Джуліо — все уберутъ, и мы будемъ пить кофе въ столовой, выбѣленной известкой, какъ и все жилье наше. Тюфяки на морской травѣ взбиты, простыни вытряхнуты въ окно Маріэттиной, какъ взбиваетъ и вытряхиваетъ ихъ въ часъ этотъ все Кави, всѣ Маріэттины и Маріи, и Джульетты, здѣсь живущія.

Изъ окна столовой я увижу дворикъ, дальше садъ по взгорью, гдѣ копается съ лопатой черный итальянецъ, и надъ ними, дальше, шире — горы, сплошь въ лѣсахъ. Облака космами зацѣпляютъ за верха. Сумрачно. И благоуханіемъ оттуда вѣетъ, сладкимъ благовоніемъ сосны, цвѣтовъ, и апельсиновыхъ деревьевъ.

Жена съ Маріэттиною отправится сейчасъ на кухню, черезъ сѣни, и займется тамъ стряпней, станетъ жарить

котлеты съ соусомъ изъ помидоровъ — удивленіе для итальянцевъ. Маріэттина, остролицая, съ профилемъ древне-этрусскимъ, изящная по итальянски, затрещитъ на жаргонѣ своемъ: нѣсколько словъ по-русски, нѣсколько по-флорентійски, остальное на смутномъ нарѣчіи genovese. Онѣ съ женой будутъ смѣяться, раздувать очагъ, возиться съ вертелами въ холодноватой кухнѣ. А потомъ придетъ бабушка Маріэттины, старуха сгорбленная, съ сѣдоватой бороденкой, и съ ней безъ умолку затараторитъ дѣвочка по дженовезски.

Я-же сяду работать. О, какъ покойны, и какъ благосклонны эти утра Италіи! Можно думать, что самъ воздухъ, солнце, море посылаютъ намъ геніевъ свѣтлыхъ, помогающихъ и ободряющихъ.

Когда я окончу, то крутою, темной лѣсенкой съ котами, сыростью, спущусь внизъ. Пойду — надо мной будетъ навѣсъ, увитый виноградомъ; далѣе розовыя стѣны садиковъ, у одной изъ которыхъ статуя св. Франциска, въ нишѣ; и узенькимъ проулочкомъ, перейдя главную улицу Кави нашего, сойду подъ насыпь къ морю.

Здѣсь, на туманномъ, въ теплыхъ брызгахъ пляжѣ, хорошо бродить, слегка развѣять свѣтлое волненіе работы. Пройти по морскому тому песку, что у самыхъ волнъ, дышать вѣтромъ влажнымъ, тепло-оживляющимъ; въ немъ задыхаешься, но чувствуешь, какъ бодрость онъ наноситъ, крѣпость.

Облака разорвутся, глянутъ клочья лазури; солнце выхватитъ кампаниллу церкви нашей. Часы на ней, въ яркомъ блескѣ, два укажутъ.

Домой, домой! Котлеты съ помидорами готовы, и стоитъ фіаска краснаго вина.

ДЕНЬ, ЛЮДИ

Обѣдаемъ втроемъ: мы съ женою и эмигрантка, съ нами живущая. Вѣрнѣе, мы у ней, въ ея квартирѣ. Русскіе ея, прямые, честные глаза на меня смотрятъ ровно, грустно. „Не выдастъ“, про нея подумаешь. Тяжко ей жить. Все куритъ. Читаетъ безпрерывно. Много пьетъ.

А къ концу обѣда къ намъ заходитъ, очень часто, эсеръ Ерохинъ, крѣпкій, круглый, съ малыми, простонародными глазами, крѣпкимъ словомъ, рукой тяжкою. Коренной, густо заквашенный русакъ. Наша хозяйка молча ему руку подаетъ, и куритъ, куритъ все, и пьетъ, да изъ подъ большого лба глазами ясными все смотритъ.

Скоро и онъ выпьетъ, и гремитъ:

— Николашкѣ черезъ три года висѣть на перекладинѣ!

Или, къ женѣ:

— Ваську Розанова вашего сотру, канальо! Слизь! Живого мѣста не оставлю.

Или, если въ настроеніи потише, то начнетъ разсматривать съ женою карточки дѣтей своихъ, и станетъ мягче, нѣжность въ немъ проступитъ.

— Во — Маруся, а во, глядите, Аннушка... Что, видите, какая дѣвочка? А то-то-жъ... Да. А Ваську Розанова мнѣ не поминайте. Я бы ему, разбойнику...

Если теперь заглянуть внизъ, въ проулочекъ, то навѣрное увидишь русскаго, въ крылаткѣ или курткѣ, торопливо съ палкою шагающаго. Это изгнанники спѣшатъ узнать на почтѣ, каковы дома дѣла, нѣтъ-ли революціи случайно, денегъ не прислали-ли, и нѣтъ-ли просто вѣсточекъ о близкихъ.

И мы спустимся. Черезъ два дома, въ тѣсненькой конторкѣ старый итальянецъ разбираетъ трудныя фамиліи. Сынъ, плотный, элегантный и блондинистый, видимо нашъ «джентельмэнъ», помогаетъ. Джэнтельмэнъ вѣжливъ, снисходителенъ. Впрочемъ, по лирѣ въ ручку получаетъ, не сморгнувъ. Кажется, письма вскрываетъ и слегка шпіонитъ.

— Niente per russi! — изящно говоритъ онъ, и киваетъ стриженою головою. Перстень отсверкнулъ на пальцѣ. Какъ мало онъ похожъ на крѣпкаго эсера нашего! Тотъ въ черной шляпѣ, въ синей блузѣ, съ палкою, вѣрнѣй — дубинкою въ рукѣ.

— Ну, и къ чертямъ! Господа хорошіе, вмѣсто чего прочаго, пойдемте въ Сестри, кофе пить.

Это одобрено.

И завернувъ въ лавочку Кармелы, гдѣ достанемъ шоколаду для пріободренія, мы отправимся въ нашъ путь.

Идти сначала черезъ мостикъ, надъ ручьемъ, гдѣ итальянки съ бѣльемъ возятся. Знакомымъ, влажнымъ благовоніемъ дохнетъ ущелье, все въ лѣсахъ. Мы станемъ подыматься по дорожкѣ между рощъ оливковыхъ. Здѣсь тѣнь, но пестрая, узорная, и сыровато; когда солнышко проглянетъ, ярче засинѣетъ море чрезъ просвѣты, межъ деревьевъ узловатыхъ, въ листвѣ мелкой, серебристой. Итальянцы въ рабочихъ курткахъ и въ шляпахъ собираютъ оливки; дѣвушки смѣются.

Но мы скоро ихъ минуемъ; тропинка подымается все выше; мы проходимъ мимо виноградниковъ; видимъ, какъ ихъ удобряютъ сгнившимъ мусоромъ, тряпьемъ изъ Генуи; видимъ, какъ неутомимые работники выкалываютъ въ скалахъ участки для культуръ, натаскиваютъ землю, снизу подпираютъ все стѣною. А далѣе — мы просто ужъ въ лѣсахъ, гдѣ тихо, цвѣтетъ вересковъ, сосны воздымаются, парятъ орлы, да слабо гудитъ проволока: телеграфъ. Справа книзу — обрывы. Чѣмъ мы выше, тѣмъ обрывы круче,

къ морю, къ нижнему шоссе на Сестри. Мы-же все восходимъ, древнею тропою, по которой много сотенъ лѣтъ ходили скромные лигуры въ городъ.

Но подъемъ оконченъ. Вѣтеръ набѣжалъ изъ Сестри, и слегка поютъ вершинами зелеными прямыя сосны. Только сосны! Воздухъ, солнце мирно грѣющее, блескъ морей туманно-синихъ, ящерицы да развалины монастыря Сантъ Анна, маленькое зданьице, прилѣпленное на утесѣ. Отдыхаемъ. Видно побережье — вправо къ Кіавари холмы голубоватые, съ бѣлѣющей каймой прибоя, съ кружевами моря, ясною полудугой лобзающаго ихъ. Раппалло чуть бѣлѣетъ въ туманѣ брызгъ; и далеко въ море выдался за нимъ мысъ Портофино.

Налѣво — Сестри, окаймляя полукружія залива, а надъ нимъ, лѣвѣе, горы и холмы, пересѣкаясь, то долинами синѣя, то громоздясь вершинами, уходятъ къ Пармѣ, столь прославленной фіалками. И въ этотъ часъ послѣполуденный, на высотѣ Сантъ Анны, пригрѣтый солнцемъ, предъ туманноблескнымъ моремъ съ снѣговымъ отливомъ къ горизонту; съ шорохами вѣтра, напѣвомъ сосенъ, бѣгомъ ящерицъ — впиваешь благоуханіе пространствъ, морей, лѣсовъ и, можетъ быть, фіалокъ, уже млѣющихъ на горныхъ склонахъ.

Въ Сестри-же колышатся въ заливѣ шхуны, поѣздъ выбѣгаетъ изъ туннеля, апельсины зрѣютъ въ садахъ виллъ.

Намъ сходить по лѣсной, старой римской дорогѣ, выложенной огромнѣйшими плитами.

СЕСТРИ

Сестри нехитрый городокъ, и курортъ генуэзской Ривьеры. Для насъ, жителей Кави, это метрополія. Утромъ старуха, бабушка Маріэттины, пробирается туда за курами, за мясомъ; днемъ ходятъ за всякимъ пустякомъ

женщины и мужчины наши: купить отдѣлку къ платью, достать гребень, завернуть къ нотаріусу, доктора позвать. Ежечасно выѣзжаетъ отъ насъ старый омнибусъ, парою лошадей, съ кучеромъ на вершинѣ, набитый гражданами — рыбаками и ремесленниками, буржуазными дамами въ черныхъ шелковыхъ платьяхъ; старики въ канотье, съ бѣлыми усами, ѣздятъ въ немъ, и кухарки съ цыплятами въ корзинѣ; иной разъ цѣлый теленокъ мычитъ подъ козлами кучера; изъ-подъ картонокъ дамъ вдругъ выбивается пѣтухъ, крылами пестрыми, и вопитъ истошнымъ, пѣтушинымъ голосомъ.

Въ этой кукукѣ ѣхать нескучно, иногда и смѣшно, но не весьма быстро: ибо кучеръ, какой-нибудь Пьетро, не разъ по дорогѣ остановится, подождетъ сѣдока, или просто поговоритъ со знакомымъ, покуритъ, и потомъ, щелкнувъ бичемъ своимъ, трусцой покатитъ дальше по шоссе у моря.

Мы-же, русскіе, птицы небесныя, въ Сестри бываемъ и безъ дѣла: погулять, посмотрѣть заливъ милый, посидѣть въ кафе, газету почитать. Есть въ этомъ городѣ ясное, и привѣтное. Ясно и уютно онъ рисуется съ высоты Сантъ Анны, окаймляя полукружіе залива домиками бѣлыми, что разбѣгаются потомъ по склонамъ окружающихъ холмовъ, средь тонкихъ кампаниллъ и зелени. Далеко выдается въ море мысъ — пиніи виллы Піума; быстро катится бѣлый клубъ поѣзда изъ туннеля; шхуны мѣрно покачиваются въ заливѣ; и когда вечеръ сиреневый спустится, блѣдно-жемчужные огоньки засіяютъ на нихъ; а кой-гдѣ — красный, зеленѣющій фонарь.

Въ Сестри, за столикомъ крошечнаго кафе — при лавкѣ мелочныхъ товаровъ — хорошо пить на воздухѣ темную малагу. Полная итальянка, лавочница, мать десятерыхъ дѣтенышей, не устаетъ подавать вамъ кофе, наливать вино. Съ дальней полки раздобудетъ старую бутылку славнаго портвейна, всю въ пыли.

Мимо васъ проходятъ незначительные итальянцы; вонъ, напротивъ, парикмахеръ, тамъ молочница, тамъ служащій въ конторѣ, или вашъ знакомый, il dottore C., итальянецъ красивый, съ глазами миндальными, нѣсколько сладостный. Въ телѣжкѣ везутъ рыбу, дѣтишки лавочницы возятся, лѣнивый веттуринъ проѣзжаетъ — мелкая жизнь городка маленькаго! Въ ней есть свое очарованье; и глядя на закатъ, надъ моремъ блѣдно-золотѣющій, слушая музыку въ отелѣ Іенчъ, близкій плескъ моря утишеннаго, можешь сидѣть въ мечтательности, странно сливаясь съ жизнью, тебѣ чужой, гдѣ ты лишь странникъ, но къ которой расположена твоя душа.

Сумерки съ облаками розовыми, лиловѣющими, съ золотомъ заката въ Сестри, со свистками паровозовъ, съ мыслями, какъ облака — продлитесь! Длитесь.

Мы вернемся въ Кави смутнымъ вечеромъ, при блескѣ волнъ.

ВНОВЬ О ЛЮДЯХЪ

Жизнь у эмигрантки нашей, въ маленькой ея квартиркѣ, быстро сблизила со всѣми жителями Кави — русскими. Ихъ было тамъ порядочно; сплошь эмигранты. Уже на улицѣ рѣзко отличны — „мы“ отъ итальянцевъ. И одѣянія, и манеры, и прически, все иное. Какъ *они* на насъ смотрѣли? Кави очень скромное мѣстечко. Здѣсь народъ нехитрый, простенькій, нѣтъ важныхъ, и поэтому къ намъ отношеніе не изъ плохихъ. Все-таки *мы* удивляемъ: бездѣліемъ и безалаберностью, непорядкомъ. Всѣ наперерывъ ходятъ другъ къ другу въ гости. Женщины курятъ. Много читаютъ. Всѣ безъ денегъ, — но и не работаютъ. Всѣ должны Кармелѣ; а Кармела все-таки даетъ и вѣритъ; кое кто ей возвращаетъ.

Джентельмэнъ съ почты знаетъ, что изъ писемъ большая часть — русскимъ; русскіе въ своихъ широкополыхъ шля-

пахъ, жены ихъ съ растрепанными волосами, въ скромныхъ кафточкахъ, сбитыхъ ботинкахъ, больше всѣхъ посланій отправляютъ. Русскіе — или писатели, или стать ими собираются. Если поздно ночью, надъ заснувшимъ Кави, раздаются хоровыя пѣсни — это русскіе; если въ полночь бредутъ двое и орутъ неистово, вдрызгъ перепившись, то кавіецъ про себя подумаетъ: o, sono russi!

И врядъ-ли ошибется.

Помню я день, и скалы надъ дорогой въ Сестри, народъ туда бѣжавшій... На утесахъ, высоко надъ моремъ, среди скалъ отвѣсныхъ — двое нашихъ, Зандеръ съ Антоновичемъ, орутъ. Шляпами размахиваютъ. Празднуется восхожденіе на гору, на утесъ, доселѣ неприступный. Наши-же полѣзли съ моря, прямо по отвѣсу — и добрались.

— А вотъ дьяволы, — говоритъ Ерохинъ: — куда забрались, собачьи дѣти. Это Антоновичъ все, и Зандера подбилъ. Взгляните-ка на милость, чуть не половина Кави тутъ, сбѣжались, думаютъ — несчастіе какое.

Эмигрантка спокойно покуриваетъ.

— Нарѣзались, и все тутъ. Русь вѣдь мы.

Старый эмигрантъ Манухинъ, изъ дворянъ, суховатый, съ сѣденькой бородкой, хмыкнулъ хмуро:

— Русь! Хулиганство, и ничего больше.

Половину жизни просидѣлъ Манухинъ въ тюрьмахъ за народъ, свободу и другія вещи. На шестомъ десяткѣ — одинокій, умный, въ сѣренькой крылаткѣ, съ острымъ и породистымъ лицомъ, — онъ убѣдился, что вообще-то большинство людей прохвосты.

— Антоновичъ вашъ апашъ, — говоритъ онъ, закуривая дешевенькую сигаретку. — Форменный апашъ съ rue St. Jacques.

Онъ сердитъ на Антоновича за то, что тотъ увезъ жену его знакомаго — такъ, ради авантюры...

Въ тотъ-же день, подъ вечеръ, къ намъ зашелъ нашъ единственный „европеецъ“, польскій еврей Х.; Іуда дель Кастаньо, какъ жена его прозвала, за сходство профиля съ кастаньевскимъ Іудой. Худой, черный, сгорбленный, потрясался онъ жестокою чахоткой, закрывалъ платкомъ ротъ, вылеживался въ лонгшезахъ, прятался отъ проносившихся автомобилей страха ради пыли.

— Это-же нь'евозможно, — говорилъ онъ, блестя черными глазами, кашляя грудью, нѣкогда проломленною николаевскимъ жандармомъ: — но вы согласитесь-же, что это антикультурно, что такими и подобными поступками мы только подрываемъ нашъ престижъ колоніи . . .

Эмигрантка смотритъ на него глазами ясными, покойными, изъ подо-лба. Папироску въ мундштукѣ посасываетъ.

— Да вамъ-то что? Россію вы не любите, и русскихъ тоже. Ну, и пусть скандалятъ.

Іуда ядовито прихихикиваетъ.

— Россію я, будучи полякомъ, любить не въ состояніи.

Эмигрантка, сквозь зубы:

— Ну, и евреемъ будучи . . .

— Но всь'етаки, я членъ колоніи, меня это касается отчасти.

И Іуда, европейскій соціалъ-демократъ, длинно и горячо говоритъ о невѣжествѣ нашемъ, кашляетъ, плюется, задыхается; и его слова, будто-бы вѣрныя, все-же невѣрны, чахлы и унылы, какъ тощая его фигура въ пальтецѣ съ поднятымъ воротомъ, вся брезгливая, раздраженная, съ жилистыми, потными руками.

— Ну, ужъ вы свою машинку заведете, такъ и все подбреете, точно какъ косилкой, — Ерохинъ хлопаетъ черной своей шляпой по колѣнкѣ. — Ну, мальчишки, безобразники, конечно . . . что-же касательно Россіи и вообще насъ, русскихъ, то быть можетъ, подождемъ еще-съ.

И онъ глазами дѣлаетъ знакъ грозный, выразительный.

— Я никакъ вѣдь всѣхъ русскихъ и не разум'ѣлъ, какъ типичность...

Но дверь распахивается — передъ нами Зандеръ, одинъ изъ *нихъ*, виновниковъ раздора. Онъ въ бархатно-поэтической курткѣ, съ летящимъ галстухомъ, бритый, съ крупными чертами; крупенъ носъ съ большой горбинкой, тоже вдаль стремящійся; глаза красивы, сѣрые — весь онъ движеніе, неврастеничность и подъемъ. Чуть что не мальчикомъ, умнымъ и съ вызовомъ, угодилъ онъ на каторгу, много блуждалъ и жилъ, многое видѣлъ, бѣжалъ, и врядъ-ли остановится когда.

— Вотъ и извольте его допросить, для чего онъ со скалъ оретъ... — говоритъ глухо Ерохинъ.

— Да, чортъ, ну это, конечно, глупо, ну просто перепились, и что-жъ тамъ разговаривать, конечно... Это все не то, понятное дѣло.

— Я-же повторяю, — загорается опять Іуда: что — въ Россіи все такъ. Нѣту дисциплины, выдержки и планом'ѣрности. Отсюда и вся идеолог'ья партіи эсэровъ, напримѣръ. Террористическіе акты — это-жь романтизмъ, чистѣйшій романтизмъ и карбонарство.

— Что? Террористическіе акты? Кто противъ террора?

И блѣднѣя, съ побѣлѣвшими зрачками, задыхаясь отъ волненья, нашъ воевода кидается въ сраженье, будто-бы онъ яростный тираннобоецъ, искупавшійся въ крови. Іуда европейскій горячится, вновь закашливается, и его крючкоподобный носъ грозитъ, и все грозится доказать, установить и опровергнуть.

И пока Востокъ тягается съ Европой, беззаботно входитъ къ намъ Италія. Докторъ Каноцци, эскулапъ изъ городишки Сестри, нашъ пріятель. Онъ не станетъ спорить о террорѣ, или счастьѣ человѣчества. Онъ красивъ, покоенъ, у него миндалевидные глаза, онъ любитъ женщинъ, онъ поетъ романсы, подъ аккомпаниментъ гитары, подъ аккомпаниментъ того-же моря, на которомъ вы-

росъ. Сладостенъ и мягокъ взоръ Каноцци, какъ призывно сладостны напѣвы пѣсенъ, имъ поющихся.

Въ его присутствіи споръ умолкаетъ. Крючконосая Европа, поднявъ воротничокъ пальто, дыша въ платокъ, чтобы не наглотаться пыли отъ автомобиля пролетающаго, отступаетъ. У себя на виллѣ, на лонгшезѣ будетъ она возлежать, глядя на море, вдыхая легкими замученными тѣ остатки жизни, что въ ней теплятся еще. Докторъ-же Каноцци приглашаетъ насъ на вечеръ нынѣшній, на виллу Бокки, по наказу русскихъ, тамъ живущихъ. У длиннобородаго философа бываютъ вечера, тамъ собирается немало нашихъ и dottore тамъ поетъ.

ФИЛОСОФЪ

Я не знаю, гдѣ сейчасъ философъ въ мягкой шляпѣ, съ длинной бородой, голубоватыми глазами, парящій въ имманентахъ, трансцендентахъ, Гуссерляхъ, Когенахъ. Кажется, онъ долго прожилъ въ Кави, на виллѣ Бокки, гдѣ бывали мы у нихъ на вечеринкахъ эмигрантовъ.

Я помню ихъ стеклянную террасу, въ садъ съ пальмами и олеандрами, его жену, веселую и круглолицую, гостей — Русь кочевую — піанино, медогласнаго Каноцци, вечера душные, иногда съ грозою зеленою за стекломъ террасы. „О Maria, o Maria . . .“ — звонъ струнъ гитары Каноцци, аккомпаниментъ хозяйки на піанино, синіе разрывы молній, освѣщающихъ горы и лѣса вдали, раскаты грома по ущельямъ и напоры вѣтра съ моря черно-грознаго, въ фосфорической зелени зарницъ . . . Но не боясь громовъ, въ залитой свѣтомъ комнатѣ, при чернотѣ ночи за стеклами, сладостно, сантиментально зазвучитъ:

O Maria, o Mar-i-a . . .

Философъ слушаетъ серьезно, слегка всклокачивая волосы свои, быть можетъ, позабывъ объ имманентахъ. Русь кочевая тоже призадумалась, готова впасть въ чувствитель-

ность. И лишь двѣ итальянки молодыя, дщери Бокки, равнодушно и блистательно сіяютъ красотой, огромными, туманно-черными глазами, матово-темнымъ румянцемъ щекъ своихъ. Темные, густые ореолы ихъ волосъ увѣнчиваютъ маленькія головы.

И когда буря пролетитъ, прошумитъ дождь вечерній, передъ полуночью всѣ мы пойдемъ провожать доктора къ Сестри, берегомъ темнокипучаго моря. Красный фонарь посвѣтитъ у туннеля, гдѣ сторожитъ будочница Тереза, разводя огородикъ, гоняя дѣтишекъ своихъ съ рельсъ. Влажно, черно и благоуханно! Лужицы по шоссе. Наши скалы, что на поворотѣ, до котораго идемъ, всѣ выкупаны влагой, скользки, хмуры. Звѣзда повисла надъ сосной, склоняющейся съ высоты утеса. Огни Сестри красные, зеленые, въ ряби волнъ задрожали.

Ночной пѣвецъ садится на велосипедъ, какъ Ивикъ устремляется въ тьму ночи, мягко шипя шинами. Тихо и пустынно ему ѣхать! Море обовьетъ туманомъ благовѣющимъ, влагою смолъ дохнутъ лѣса; врядъ-ли побоится онъ кого изъ встрѣчныхъ, одинокихъ. Былъ, однако, случай, что сама гора сползла предъ нимъ въ тишинѣ ночи. Чуть не погребла она въ тотъ вечеръ медогласнаго пѣвца. И пришлось вернуться, разбудить Терезу, и съ фонарикомъ брести черезъ туннель.

А что-жъ философъ? Врядъ-ли выйдетъ изъ квартиры виллы Бокки. Можетъ быть, въ поздній сей часъ онъ не спитъ еще, но вѣрно размышляетъ о Когенахъ, Гуссерляхъ, о Фихте.

ВИЛЛА БОККИ

Двухэтажный домъ, съ квартирою философа, фасадомъ на шоссе и море; жалюзи зеленыя; садъ съ пальмами и олеандрами, дорожками, усыпанными гравіемъ; окна —

одни на море, а другія — въ горы — это зажиточная вилла въ Кави, вилла Бокки, куда мы перебрались послѣ Рождества.

Хозяйка — бывшая красавица и львица; нынѣ старѣющая, мать двухъ красавицъ дочерей. Онѣ — внизу, рядомъ съ философомъ; мы наверху. Онѣ весь день въ хозяйствѣ, въ хлопотахъ, уборкѣ, въ поклоненіи кроватямъ и перинамъ, платьямъ, серебру и бездѣлушкамъ. Цѣлые дни моютъ, чистятъ, вытряхаютъ утварь, поютъ, стрекочутъ на нарѣчіи своемъ и наполняютъ виллу духомъ дѣла и семейственности. А когда изъ Пизы пріѣзжаетъ другъ синьоры, остается ночевать, то ужъ дѣвицы не присядутъ цѣлый день, и только къ вечеру одѣнутся, надѣнутъ кольца, бриллианты. Принарядится и мамаша. Но какъ обычно — не преминетъ прохватить ихъ сколько можетъ и за что попало. Толстая ихъ mamma прикрашена и ядовита. «Nannina, vieni qui! Giulietta... Nannina...» разносится по всему дому.

Но если дѣловиты и трудолюбивы нижніе, то мы, живущіе надъ ними — мы другіе. Кто-бъ мы ни были, но жизнь наша на виллѣ — жизнь художниковъ бездомныхъ, безхозяйныхъ, беззаботныхъ. Утромъ свѣтитъ для насъ солнце, море ярко голубѣетъ и цвѣтетъ миндаль цвѣтами бѣлыми на обнаженномъ деревцѣ; цвѣтами розовыми — персикъ. Свѣтлымъ парусомъ ополоснетъ по волнамъ изъ-за тучки солнце. Птицы проиграютъ свѣтъ и радость. Если растворить широко окна, то свѣтящій день войдетъ стопою легкой, опьяняющей. Вотъ станетъ онъ за твоимъ стуломъ, и повѣетъ опьяненіемъ Италіи на листъ бумаги, на перо, на слово, надъ которымъ такъ отрадно здѣсь работать. Мягкій вѣтеръ съ моря, полный влаги, сѣта, пронесется сквознякомъ сквозь комнаты, смѣясь надъ дѣловитостью, хозяйками, порядкомъ. Солнце изогнулось ужъ на весну; весеннимъ плескомъ одѣваетъ море, паруса ладьей, въ немъ плавающихъ, стайки птицъ,

надъ нимъ летящихъ; и ярче изумруды волнъ, пѣной вскипающихъ.

О свѣтъ, о нѣжная улыбка нѣжной нимфы, ясный день блистательной Психеи!

И снова, кончивъ трудъ свой утренній и пообѣдавъ у сосѣдей, русскихъ, запасшись шоколадомъ у Кармелы — снова тянешься въ лѣсъ, на взгорья Санта Анна, дышать смолой, глядѣть на вереск зацвѣтающій, насобирать фіалокъ, нѣжно выбившихся; слушать звонъ сосенъ въ вѣтрѣ солнечномъ, и какъ миражъ — справа имѣть туманно-снѣговое, сребродышащее море безкрайное.

Нимфа летитъ. Психея проходитъ, сѣя и вѣя.

ГОРЕСТИ ВИЛЛЫ

Сосѣди мало почитаютъ Бокку. Неблестящая у ней слава. Есть свѣдѣнія, что нѣкогда, красавицею юною, обольстила она генуэзскаго богача, раззорила и бросила; а на его погибшей жизни возвела свое благополучіе. Хищности и скопидомства не прощаютъ ей; быть можетъ, и завидуютъ богатству; но во всякомъ случаѣ, любому маленькому горю у синьоры Бокки радуются всѣ здѣсь.

Въ февралѣ много деревенскихъ вечеринокъ въ Кави; молодежь снимаетъ помѣщенье, и во славу молодости, юга и веселья веселятся цѣлыми ночами дѣти рыбаковъ и виноградарей. Съ ними иногда и наши — Зандеръ съ Антоновичемъ. И на разсвѣтѣ постучать въ ставни Бокки, опрокинуть кадку съ пальмой, кроликовъ выпустить, сломать калитку — дѣло молодецкое, похвальное. Бокка-же барикадируется. Ей мерещатся повсюду воры, злоумышленники и враги. По ночамъ кто-то въ саду ходитъ; самый свистъ вѣтра весенняго, бой взбушевавшагося моря ей рисуются грозяще, жутко. И мучительнѣй дрожитъ львица старѣющая за свое добро, за сундуки, шкафы, argenterі'ю, за предметы быта темнаго, ничтожнаго. Этою

тревогой даже дочери заражены — наслѣдницы шкафовъ и брилліантовъ. И когда нѣтъ мамаши, если уѣхала она — въ Пизу-ли, въ Геную, то крѣпче запираются дѣвицы, приглашаютъ нашу Маріэтту, чтобы веселѣе было.

Разъ, въ одну изъ ночей бурныхъ, когда море колотило съ глухой яростью, и въ нижнихъ помѣщеньяхъ проступала изъ подпочвъ вода, мы-же, жители верхніе, беззаботно себѣ спали, въ полъ къ намъ раздался снизу стукъ: стучали палкою. Стукъ былъ тревожный, даже судорожный. Я проснулся. Кое-какъ одѣвшись, захвативши спички, сбѣжалъ внизъ.

— Ахъ, ради Бога . . . ходятъ . . . Здѣсь есть человѣкъ.

И наперебой три дѣвушки, путая французскій съ итальянскимъ, объясняютъ мнѣ, что всю ночь кто-то ходитъ по саду, поскрипываетъ гравіемъ, стучитъ, а теперь, черезъ дверь балконную, проникъ въ квартиру и находится въ передней, тамъ въ углу за лѣстницей, гдѣ машина электрическая, гдѣ вода выступила. Ясно онѣ слышали, какъ чмокала вода подъ башмаками.

Блѣдныя, растерянныя лица; глаза, еще темнѣй блестящіе; прерывающіеся голоса — все будто-бы грозитъ бѣдой. Но зажигаемъ свѣчку, и съ Маріэттой — посмѣлѣй она — спускаемся въ тотъ закоулокъ, сзади лѣстницы, гдѣ долженъ быть злодѣй. Злодѣя нѣтъ.

— Ну, мы всѣ вѣдь слышали . . .

— А какъ ломился.

— Всю ночь, всю ночь ходилъ, стучалъ. Вѣдь онъ же знаетъ . . . мы однѣ . . .

Но видимо, имъ легче. Присутствіе мужчины, и отсутствіе злодѣя подымаетъ нѣсколько ихъ духъ.

— Но, signore, какъ только вы уйдете, онъ ворвется вновь . . .

Я всячески стараюсь убѣдить ихъ, что врываться, собственно, вѣдь некому; что если страшно, пусть идутъ наверхъ, къ намъ ночевать. Бушуетъ вѣтеръ за окномъ,

грохочетъ ставнями; ставнями, видимо, ихъ и пугаетъ; тусклая свѣчечка освѣщаетъ огромную комнату, съ огромной развороченной постелью, гдѣ дрожали три красавицы, ожидая часа смерти. Я улыбаюсь.

— Право-же, идемъ наверхъ...

— Ma no, signore, ma nostra argenteria... Lui verra subito, ma no, no, impossibile...

Такъ и не тронулись Бокки юныя, опасаясь за свою *арджентерію*, и Маріэттина не посмѣла ихъ оставить. Я ушелъ наверхъ, спалъ крѣпко, о разбойникахъ не думая минуты.

А когда день насталъ, Маріэттина намъ сообщила, что несчастіе случилось, все-же, ночью: у синьоры Бокки утащили курицу.

— Бокка возвратилась, кричитъ, плачетъ... grida, piange... въ полицію заявила.

Маріэтта обо всемъ разсказываетъ уже весело, ибо несчастьямъ Бокки радоваться — тонъ хорошій.

А потомъ она прибавила, съ большою простотой, что forse il signor Antonovitsch abbia rubato la gallina.

Днемъ Наннина и Джульетта, какъ всегда, выколачивали ковры, развѣшивали на солнцѣ платья, а подъ вечеръ старая Бокка пригласила меня внизъ, въ салонъ. Жалюзи спущены, лишь въ одно окно ложится свѣтъ; зеленоватый полусумракъ въ комнатѣ. Бокка, въ свѣтломъ своемъ пеньюарѣ, съ лицомъ подпудреннымъ, сидитъ въ легкомъ плетеномъ креслѣ и бесѣдуетъ съ молодымъ человѣкомъ. Онъ въ каскеткѣ, съ лицомъ сѣрымъ, угреватымъ и ничтожнымъ. Это сыщикъ, *spia*. Разговоръ — о курицѣ погибшей, и о мѣрахъ, какъ ее вернуть.

Бокка поблагодарила меня за ночную помощь, познакомила со spi'ей. Тараторитъ быстро, жалуется и волнуется, готова въ слезы. Spia-же серьезенъ. Тономъ Холмса задаетъ мнѣ нѣсколько вопросовъ.

— Что у васъ было въ рукахъ, когда вы спускались?

— Значитъ, у васъ не было оружія?

— Слышали вы шаги, въ аллеѣ? И откуда? Spia будто удивляется, что я сходилъ къ дѣвицамъ безоружный. Онъ записываетъ. Но дѣлу показанія мои не помогли. Курица сгинула. Бандиты остались непойманными, премія, Боккой обѣщанная — невыданной.

И — къ пущему веселію Кави — черезъ два дня вновь украли у ней кролика.

Его оплакивали и мамаша, и Джульетта и Наннина.

АНТОНОВИЧЪ

Я мало удивился мнѣнію Маріэттины, что, быть можетъ, Антоновичъ стащилъ курицу у Бокки. Врядъ-ли имѣлъ онъ цѣль корыстную, но произвесть дебошъ, дезордръ, вызвался-бы охотно. Такимъ мы знали его всѣ; такъ увозилъ онъ эмигрантскую жену, такъ съ Зандеромъ оралъ на скалахъ, достигнувши вершины.

Высокій, тонкій, и по своему изящный; въ каскеткѣ, курткѣ и обмоткахъ на ногахъ; съ небольшой плѣшью, видъ быьалый, и то дерзкій, то лѣнивый — кто такой? Максималистъ-ли русскій, герой Фонарнаго и всяческихъ экспропріацій, французскій-ли апашъ, дитя Парижа, гдѣ онъ долго прожилъ? Писатель съ томикомъ ненапечатанныхъ стиховъ? Авантюристъ, повѣса, и танцоръ на вечеринкахъ у кавійцевъ, Донъ Жуанъ и неоплатный всѣмъ должникъ? Съ юности выброшенный заграницу, сынъ виднаго отца, отъ него отказавшагося; прошедшій сквозь всѣ терніи, тѣснины жизни, нынѣ утрепывающій за кавійками, быть можетъ, по ночамъ пугающій молодыхъ Боккъ, быть можетъ, курицу у нихъ таскающій — во имя разрушенія собственности.

Я помню яркій день, утесы на дорогѣ въ Сестри, Антоновича въ каскеткѣ, лихо призаломленной назадъ. Вокругъ мальчишки. Море бьетъ волною синей, бѣло-

пѣнной. Онъ выравниваетъ ихъ, строитъ въ ряды. Вокругъ зѣваки. Разъ, два, три! Мальчишки всѣ пускаются бѣжать. «Это куда-жъ», спрашиваю. Онъ улыбается красивыми и сѣрыми, холодноватыми глазами. „Въ Сестри, назадъ. Тамъ у меня контрольный пунктъ. Кто первый прибѣжитъ — тому пять лиръ".

И снявъ каскетку, онъ, какъ командиръ, прохаживается поперекъ дороги, тонкій и широкоплечій, на сухихъ ногахъ въ обмоткахъ, съ свѣтомъ солнца въ лысинѣ. И глаза его не то дерзки, не то безсмысленны, какъ будто-бы и самъ не знаетъ онъ, для чего все затѣялъ, и нужны-ли самому ему ристанія такія, или это блажь.

Мальчишки возвращаются; бѣгутъ усердно, задыхаясь, высунувши языки, поджавши къ бокамъ локти. Онъ имъ улюлюкаетъ; торопитъ, гонитъ, по часамъ глядитъ. И запоздавшихъ подбодряетъ хлыстикомъ, съ видомъ холоднымъ, и жестокимъ даже.

Странно это все. Очень все странно, и ненужно. Но холодные его глаза, и руку съ хлыстикомъ я запомнилъ.

ЛИРИЧЕСКОЕ ИНТЕРМЕЦЦО

Такъ, средь малыхъ дѣлъ, сіяній солнца, плеска моря, среди работы и благоуханій горныхъ сосенъ, въ зрѣлищѣ жизни то забавной, то простой и милой, то ничтожной — проходитъ время въ славной Лигуріи, на брегахъ моря Колумба.

Я могъ-бы разсказать о томъ, какъ возятся на рельсахъ, предъ туннелемъ, дѣти будочницы Терезы, бѣгущей съ флажкомъ къ поѣзду; какъ рыбаки вытаскиваютъ свои сѣти — въ нихъ блестятъ серебряныя рыбки, и за лиру покупаемъ мы *пѣтуха-рыбу*; какъ собираемъ ракушки, играемъ въ шахматы съ Манухинымъ и ходимъ къ Санта Джуліа, въ селеніе надъ Кави и надъ моремъ, на высотѣ огромной. Но всего не перечислишь; обо всемъ не скажешь.

Вспоминаю все-же объ Іудѣ, памятью летящею и бѣглой — за проломленную грудь и за чахотку, и за то, что мало кто любилъ его при жизни.

ВИЛЛА У МОРЯ

Тамъ, гдѣ бѣлое шоссе на Кіавари подымается вверхъ, минуя церковь справа, кладбище нехитрое и сосны, что надъ ними — слѣва отъ дороги, къ морю выступаетъ двухэтажный домъ. Онъ расположенъ на горѣ, и окна перваго изъ этажей, съ одного боку, прямо на землѣ; фасадъ-же его — къ морю, и второй этажъ въ немъ занятъ нашимъ іудеемъ въ обликѣ поляка, Европейцемъ Іудой.

Въ четырехъ маленькихъ комнаткахъ, съ женой и мальчикомъ, съ остаткомъ легкаго кашляетъ здѣсь и мучится Іуда. Большеголовая жена его за нимъ ходитъ безъ устали. Музыкантша, очень некрасива, склонна къ черной меланхоліи. Вмѣстѣ съ больнымъ своимъ объѣхала всѣ санаторіи Европы. Видъ угнетенный, но самоувѣренный. Еще самоувѣреннѣе мальчикъ — косенькій, сухой, со щелкающимъ голосомъ. По Кави онъ нерѣдко бѣгаетъ съ какимъ-то знаменемъ, навѣрно — революціи.

— Ты въ Бога вѣруешь? — спросила какъ-то у него жена.

Онъ посмотрѣлъ своимъ косящимъ глазомъ, и сухимъ, нерусскимъ голосомъ съ акцентомъ иностраннымъ такъ отвѣтилъ:

— Я со-ці-а-листъ.

— „Драть-бы тебя еще“, подумала жена. А онъ спросилъ, въ свою очередь:

— А вы *довѣряете*, что Марія была Божьей Матерью?

И свистнувъ, замахавъ своимъ флажкомъ, помчался съ уличными мальчиками.

На этой виллѣ у Іуды мы бывали, все-же, не одинъ разъ. Насъ угощали чаями и вареньями. Приходилъ сѣдой, сухенькій Манухинъ — начинались разговоры о политикѣ,

терроръ. Вновь всѣ горячились. Но Іуда твердо на своемъ стоялъ: противъ террора.

А потомъ мы выходили на террассу съ парусиной, на море; Іуда возлегалъ на кресло, гдѣ лежалъ часами, и притаскивалъ мнѣ книги о Францискѣ Ассизскомъ, говорилъ, что имъ онъ занимается, и любитъ, и работаетъ. И снова горбился, и поникалъ горбатымъ профилемъ — что общаго съ Францискомъ у марксиста бѣшенаго? — кашлялъ, и платокъ прикладывалъ къ губамъ, едва автомобиль замѣтитъ. А сумерки сиреневыя сходятъ ужъ надъ моремъ; прямо передъ нами, въ заливѣ, Сестри вновь бѣлѣетъ, но уже скоро въ смутно-лиловѣющую мглу окунется, и лишь засвѣтятъ съ рей на шхунахъ птицы золотыя, красныя, зеленыя. Мягкій вѣтерокъ дохнетъ, другъ Франциска и кротости. Мягкостью елея въ грудь прольется изнемогшему Іудѣ.

А Іуда долго на балконѣ будетъ возлежать, глотая воздухъ надморской, соленый, живоносный. И все онъ будетъ и питаться, и лѣчиться, и за жизнь цѣпляться — за кусочекъ неба италійскаго, за вздохъ волны, за блескъ звѣзды.

Святой Франциск пройдетъ надъ водами.

ЧАУ, ЧАУ!

Такъ прожили мы дни въ деревнѣ Кави, на заливѣ Генуэзскомъ, съ сѣвера имѣя Геную, съ юга Сарцану, Пизу. Дни возрождались, угасали; весна пришла; легкое время, косою легкою, дни скашивало. И скосивъ послѣдній, запахнуло книгу мирной жизни, поэзіи благоуханной, утръ, трудовъ, веселыхъ отдыховъ. Миръ имъ! Далекому прибрежью, горамъ, морю, соснамъ надъ Сантъ Анной, эмигрантамъ, эмигранткамъ, бѣдному Іудѣ, успокоившемуся, наконецъ, въ землѣ — какъ поѣзду быстролетящему по рельсамъ вблизи моря: — чау, чау! *Прощай* по генуэзски.

1920—21 гг.

АССИЗИ

Нищъ и свѣтелъ . . .
Вяч. Ивановъ.

Слава Ассизи — святой Францискъ, святая бѣдность, религіозный восторгъ; свѣтлое, тихое безуміе, что осѣнило семь вѣковъ назадъ сына ассизскаго суконщика Пьетро Бернардоне, и отъ жизни веселой, довольной, сытой увело къ подвигу кротости и нищеты. Его безуміе — его геній. Нѣкій голосъ, выведшій за стѣны древняго городка на горѣ, изъ тѣсныхъ закоулковъ обыденщины на путь величія мірового.

Всѣмъ извѣстенъ обликъ святого. Менѣе извѣстно мѣсто, гдѣ онъ родился, гдѣ прожилъ юность, и которое обезсмертилъ.

Послѣ нелегкаго пути отъ Римини, я оказался вечеромъ на станціи Ассизи. Болѣла голова; неопредѣленное раздраженіе, признакъ усталости, овладѣвало. Казалось — не къ чему ѣхать; не хотѣлось двинуть рукою — шевельнуть мыслью. Все не по тебѣ, все-бы осудилъ.

Первая-же насмѣшливая улыбка — отелю «Джотто».

— Ну, конечно, итальянцы всѣмъ воспользуются! Самого Франциска вытащутъ, не то что Джотто!

Такъ садился я въ крытый небольшой дилижансъ, на верхнемъ краю котораго, правда, была надпись: „Hôtel Giotto“ — золотомъ. Дилижансъ покатилъ. Огни станціи остались сзади, шоссе медленно подымалось; мы поворачивали вправо, влѣво, ѣхали мимо темныхъ садовъ, виноградниковъ, каменныхъ оградъ, и золотые огоньки внизу, гдѣ свистѣли паровозы, становились меньше, а огни небесные

— звѣзды, ярко стоявшія въ осеннемъ небѣ — выше. Легкій туманъ заволакивалъ землю. Въ странахъ Божіихъ-же было чисто.

Мы подъѣхали, наконецъ, ко рву, перебрались чрезъ него по мосту, и угрюмыя громады нависали сверху, съ боковъ — городскія стѣны, башни. Кое-гдѣ свѣтились въ нихъ окна. Насъ не окликнули; мы погрузились въ нѣдра средневѣковыхъ воротъ, и чрезъ минуту шагомъ подымались въ гору, уже довольно круто, среди темныхъ, сонныхъ, старыхъ домовъ, стоявшихъ тѣсно, улицей узенькой, кривой.

У подъѣзда съ яркимъ свѣтомъ мы остановились. Помню, что ступенька вела внизъ, а не вверхъ отъ входной двери, и почему-то сразу это мнѣ понравилось. Можетъ быть, тутъ была нѣкогда лавка суконная, и вотъ такъ-же покупатель, входя, слегка спускался. Обликъ стараго дома сохранился здѣсь, въ отелѣ „Джотто“ въ толщинѣ стѣнъ, въ аркахъ, въ особенномъ какомъ-то запахѣ, хотя, конечно, англичанинъ молодой, болѣзненнаго вида, возлежалъ въ лонгшезѣ, пилъ кофе и читалъ книжку.

Наверху, въ комнатѣ, мнѣ отведенной, я отворилъ дверь и вышелъ на балконъ. Передо мной открылся край, казалось, безкрайный. Ибо туманъ легкимъ, невѣсомымъ пологомъ завѣсилъ все, и лишь слегка, едва мерцая, свѣтилась вдалекѣ внизу станція. Но глубокое, громадное пространство было за этимъ туманомъ, недвижимое, нѣмое, полное тишины безмѣрной! Сверху звѣзды смотрятъ; вблизи, у самыхъ ногъ, крыши какія-то, зубчатыя башни, да готическая кампанилла. Да еще — нѣжный и слабый, неизвѣстно откуда плывущій перезвонъ, двухнотный: та-та, та-та, голосъ церковнаго колокола, таящагося въ туманѣ.

Это была страна Святого, безбрежная и кроткая тишина, что составляетъ душу Ассизи; что вводитъ весь строй человѣка въ ту ясность, легкость и плывучесть,

когда уходятъ чувства мелкія и колющія — дальнее становится своимъ, любимымъ. Да, позабудешь всѣ тревоги, огорченія, надломы, только смотришь, смотришь!

Съ этой минуты, открывшей мнѣ Ассизи, я его полюбилъ навсегда, безъ оговорокъ, безъ ограниченій, безъ косыхъ взглядовъ на отель „Джотто" — хотя въ тотъ ночной часъ я Ассизи, собственно, не *видѣлъ*. Я его *познавалъ*.

Утромъ его нѣжность, сверхземное успокоеніе открылись и глазамъ моимъ. Теперь, съ высоты того-же балкончика, я увидѣлъ то, что такъ таинственно *молчало* вчера. Я увидѣлъ дѣятеля этого молчанія, это была воздушная бездна, утопавшая въ блѣдныхъ, перламутровосиреневыхъ тонахъ, замкнутая глубоко вдали грядою горъ. Священная долина Умбріи! Тонкій туманъ стелется въ ней по утрамъ, заволакивая скромныя селенья, изъ которыхъ узенькими струйками восходитъ, или кадитъ, дымъ: тѣ какъ-бы библейскія Беттоны и Беваньи, близъ которыхъ Святой проповѣдывалъ птицамъ и возвѣщалъ міру новую радость, обручаясь съ бѣдностью. На дорогахъ этой долины, среди этихъ-же посѣвовъ, яблонь, виноградниковъ лобызалъ онъ прокаженнаго, молился, плакалъ слезами счастія.

Первое паломничество въ Ассизи — храмъ св. Франциска, гдѣ покоятся его останки. Храмъ этотъ недалеко; надо пройти немного внизъ по улочкѣ, выложенной крупными плитами, и подняться, сразу попадая къ монастырскому двору; въ глубинѣ его остроугольное, тяжкое, но столь близкое сердцу зданіе готическаго San Francesco. Время его построенія 1228 г. San Francesco родной братъ флорентійскаго Santa Croce, S. Maria Novella, это основоположный фактъ готики итальянской, героическій ея моментъ. Грузность, мѣшковатость не страшитъ — ни зрителя, ни художника, именно оттого, что это *героическое*. Храмъ поставленъ во славу Святого. Здѣсь не

мѣсто мірскому, легкому изяществу. Какъ цѣленъ Святой, такъ-же цѣленъ, въ величіи своемъ, и памятникъ ему. И пожалуй, что San Francesco *готичнѣе* самихъ Santa Croce и S. M. Novella. Онъ скупѣе, и строже. Тамъ есть, все-таки, фасады — прелестный Леона Баттистэ Альберти, и посредственный въ S. Croce — наслоеніе позднѣйшаго. Кромѣ того, въ тѣхъ храмахъ нѣтъ единства цѣли. Вспоминая ихъ, вспоминаешь многое: и испанскую капеллу, и фрески Гирляндайо, и Чимабуэ, и Джотто, и гробницы пантеоннаго характера. Въ храмѣ-же Франциска цѣль единая — св. Францискъ; все ему служитъ, и все, въ сущности, одного стиля, одного времени, одного настроенія.

Это чувство *густоты* францисканско-готическаго особенно испытываешь въ церкви нижней, болѣе древней, чѣмъ верхняя. Нижнія церкви (напр., св. Климента въ Римѣ) всегда имѣютъ нѣсколько катакомбный характеръ. Онъ есть и здѣсь. Низкіе своды, крестообразными дугами, всѣ расписанные древними фресками, темная синева фоновъ, золото, узкія окна съ витражами, полумракъ, сдавленность нѣкая, сіяніе свѣчъ. Тихое мерцаніе крипты, гдѣ покоятся останки Святого — все это иной міръ, въ который сразу окунаешься со свѣта дня. Эту церковь украшалъ великій Джотто, тотъ, кто живописи итальянской возгласилъ: „Да будетъ свѣтъ!“ И сталъ свѣтъ. Джотто написалъ здѣсь аллегоріи „Бѣдность“, „Послушаніе“, „Цѣломудріе“, сцены изъ жизни Христа и Франциска. Это не есть важнѣйшее, что онъ сдѣлалъ. Въ его творчествѣ Ассизи — не вѣнецъ. Но онъ задалъ тонъ. Росписи его учениковъ и подражателей даютъ ту цѣльность, о которой говорилось выше.

Какъ архитектура, какъ и живопись, легенда о самомъ святомъ въ Ассизи есть кардинальный фактъ духовной жизни Италіи XIII—XIV в. в., и лишь Данте не достаетъ въ S. Francesco, чтобы дать полное созвучіе *мистическаго средневѣковья* Италіи.

Верхняя церковь свѣтлѣе, обширнѣе; тоже чисто готическая, но здѣсь уже болѣе дневное, трезвое. Стѣны ея цѣликомъ расписаны сценами изъ жизни Святого, начиная съ Франциска-юноши до посмертныхъ явленій и чудесъ. (Также Джотто.)

Когда выходишь изъ священныхъ дверей San Francesco, и по каменной лѣстницѣ спускаешься внизъ, теплый ассизскій день обнимаетъ мягкостью, тишиной; два монаха идутъ, бредетъ благообразная англичанка, голуби воркуютъ, веселятся воробьи. Имъ, здѣсь-же, могъ бы сказать св. Францискъ: «Сестры мои птицы, многимъ вы обязаны Богу, вашему Создателю, и всегда, и во всякомъ мѣстѣ должны славословить Его: за то, что Онъ далъ вамъ свободу летать на просторѣ, а также далъ вамъ двойную и даже тройную одежду... вамъ не нужно ни сѣять, ни жать, и самъ Богъ пасетъ васъ и даетъ вамъ рѣки и источники для питья, и даетъ вамъ горы и долины, какъ убѣжище, и высокія деревья для вашихъ гнѣздъ; и зная, что вы не умѣете прясть и шить, Богъ самъ одѣваетъ васъ и вашихъ дѣтей...» Птицы, какъ извѣстно, выразили великую радость, вытягивали шейки, топорщили крылышки и внимательно смотрѣли на него. Онъ благословилъ ихъ и онѣ улетѣли.

Средневѣковый городокъ Ассизи въ этотъ часъ предобѣденный такъ-же покоенъ и благообразенъ, какъ, вѣрно, былъ и много лѣтъ назадъ; такъ-же вздымается надъ черепичными его крышами древняя крѣпостца Rocca Maggiore, такъ-же желтѣетъ и коричневѣетъ за ней гора Субазіо, гдѣ есть пещера Святого. Такъ-же голубой, свѣтлый воздухъ Умбріи овѣваетъ это скромное мѣсто, и немногочисленные горожане постукиваютъ каблуками по плитамъ улочекъ — неровныхъ, то спускающихся, то идущихъ вверхъ, то круто загибающихъ. Не знаю, чѣмъ теперь занимаются эти жители. Но по облику ихъ и ихъ жилищъ можно думать, что не весьма далеко отошли

они отъ *святой бѣдности*, sancta povertade, какую проповѣдывалъ учитель.

На небольшой улицѣ заходимъ въ лавочку съ нехитрою стеклянной дверью: тамъ продаются священныя книги, реликвіи, изображенія Франциска. Мы тутъ достанемъ Fioretti, знаменитые *Цвѣточки Фр. Ассизскаго.* Изданіе бѣдное, напечатано въ самомъ Ассизи, внизу надпись: Tipografia Metastasio, въ честь литературной знаменитости Ассизи XVIII-го вѣка — Метастазіо. Книжечку можно положить въ карманъ. Пройдемъ мимо стариннаго собора съ розетками надъ порталомъ — его строилъ Джіованни да Губбіо — какъ густо по средневѣковому звучитъ это имя! (А еще лучше: Джакомо ди Лапо, зодчій церкви св. Франциска.)

И вотъ мы вблизи небольшой капеллы S. Francesco il Piccolo, надъ дверью которой надпись:

Hoc oratorium fuit bovis et asini stabulum
In quo natus est Franciscus, mundi speculum.

Здѣсь, по преданію, родился св. Францискъ. Мать его, *Дама Пика*, никакъ не могла разрѣшиться отъ бремени; ьдругъ странникъ постучался въ дверь дома, и сказалъ открывшей ему служанкѣ, что родильница тогда родитъ, когда изъ роскошной комнаты ее перенесутъ въ конюшню; тамъ, на соломѣ, все произойдетъ благополучно. Такъ, будто-бы, и случилось. Мы-же стоимъ сейчасъ предъ мѣстомъ, гдѣ, повидимому, находился отчій домъ Франциска, домъ, который онъ такъ неожиданно и безвозвратно бросилъ.

Близится полдень. Можно взглянуть еще на портикъ Минервы, отголосокъ Ассизи языческаго, такъ мало связаннаго съ общимъ обликомъ города, но говорящимъ, что мы на землѣ Италіи, гдѣ христіанство возрастаетъ надъ язычествомъ. Можно взглянуть на монастырь св. Клары, перьой сподвижницы Святого изъ женщинъ, первой Жены Мvроносицы его: и неторопливо — Ассизи не располагаетъ

къ спѣшкѣ — мы сойдемъ пониже, къ намъ знакомой уже двери отеля „Джотто“.

Табльдотъ въ покойномъ, и степенномъ отелѣ — большая, свѣтлая зала съ окнами на долину Тибра. Два полнокровныхъ французскихъ аббата бесѣдуютъ кругло, вкусно; и основательно пьютъ красное вино; вѣчный типъ художника, котораго еще Гоголь видѣлъ въ Римѣ: въ тальмочкѣ, съ полуголоднымъ взоромъ и „ван-диковской бородкой“. Только у теперешняго на ногахъ грубые башмаки съ гвоздями, и суконныя обмотки до колѣнъ. Вчерашній худосочный молодой англичанинъ, съ дамой, пьетъ содовую воду, разсѣянъ, смиренъ, видимо, полубольной. Да изящный полякъ, не лишенный элегіи, съ двумя барышнями, одну изъ которыхъ, кажется, любитъ. Бѣлыя стѣны, негромкій разговоръ, позвякиваніе посуды въ рукахъ камерьере; за окномъ блѣдно-голубѣющія горы и великая долина Умбріи . . . Время идетъ тихо, и беззвучно.

Подъ вечеръ встрѣчаемся съ аббатомъ въ читальнѣ. Сквозь очки, дѣловито и прочно онъ читаетъ. Открываю свои *Fioretti*. Св. Клара является вкушать трапезу въ Св. Марію Ангельскую, ко Франциску. «И когда пришелъ обѣденный часъ, садятся вмѣстѣ св. Франциск и св. Клара, и одинъ изъ товарищей св. Франциска со спутницей св. Клары, а затѣмъ и всѣ другіе товарищи смиренно подсѣли къ трапезѣ. И за первымъ блюдомъ св. Франциск началъ бесѣдовать о Богѣ столь сладостно и столь возвышенно, и столь чудесно, что сошла на нихъ въ изобиліи благодать Божія, и всѣ они были восхищены въ Богѣ. И когда они были такъ восхищены и сидѣли, вознеся очи и воздѣвъ руки къ небу, жители Ассизи и Беттоны и окрестностей видѣли, что св. Марія Ангельская, вся обитель и лѣсъ, окружавшій ее, ярко пылали, и казалось, что великое пламя охватило сразу и церковь, и обитель, и лѣсъ. Поэтому ассизцы

съ великою поспѣшностью побѣжали туда тушить огонь, въ твердой увѣренности, что все тамъ горитъ. Но дойдя до обители и найдя, что ничего не горитъ, они вошли внутрь и обрѣли св. Франциска со св. Кларой и со всѣми ихъ сотрапезниками, сидящими за той смиренной трапезой, и поглощенными созерцаніемъ Бога».

Окно библіотеки открыто. Вѣтерокъ налетаетъ, чуть вѣетъ свѣтлымъ благоуханіемъ. Тамъ, внизу, эта самая Беттона, жители которой бѣжали тушить огонь. А св. Марія Ангельская — и совсѣмъ близко, у станціи. Нынѣ здѣсь церковь, въ ней капелла, называемая Порціункула, построенная св. Франциском; первая часовня францисканства, драгоцѣннѣйшая и древнѣйшая его реликвія. Сейчасъ св. Марія Ангельская не пылаетъ. День мягкій, слегка облачный; безконечная долина въ синевато-опаловыхъ, нѣжныхъ горахъ. Надъ горами, вдалекѣ, лиловѣетъ облако, и подъ нимъ беззвучной сѣткой виситъ дождь, изливающійся за десятки верстъ. А правѣе солнце, выбившись изъ-за облака, золотисто выхватило возвышенность, гдѣ, короной, красуется далекая Перуджія, заволокнутая легкой дымкой, жемчужною. «Однажды въ зимнюю пору св. Франциск, идя съ братомъ Львомъ изъ Перуджіи къ св. Маріи Ангельской, и сильно страдая отъ жестокой стужи, окликнулъ брата Льва, шедшаго немного впереди, и сказалъ такъ: — братъ Левъ, дай Богъ, братъ Левъ, чтобы меньшіе братья, въ какой-бы странѣ ни находились, подавали великій примѣръ святости и доброе назиданіе; однако запиши и отмѣть хорошенько, что не въ этомъ совершенная радость.» Изъ дальнѣйшаго видно, что совершенная радость состоитъ не въ томъ, чтобы изгонять бѣсовъ, исцѣлять разслабленныхъ, пророчествовать, узнавать всѣ сокровища земныя, говорить языкомъ ангельскимъ и обращать въ вѣру Христову невѣрныхъ. А вотъ если въ бурю и непогоду, промоченные дождемъ, придутъ они къ св. Маріи Ангельской и разсерженный

привратникъ выгонитъ ихъ, принявъ за бродягъ и ворышекъ, на холодъ, они-же терпѣливо перенесутъ оскорбленія и ярость и смиренно будутъ думать, «что этотъ привратникъ на самомъ-то дѣлѣ знаетъ насъ, а что Богъ понуждаетъ его говорить противъ насъ, запиши, братъ Левъ, что тутъ и есть совершенная радость.“ И еще далѣе говорится, какъ они продолжаютъ стучать, а разсерженный привратникъ выскочитъ, „и схватитъ насъ за шлыкъ, и швырнетъ насъ на землю въ снѣгъ, и обобьетъ объ насъ эту палку; если мы все это перенесемъ съ терпѣніемъ и радостью, помышляя о мукахъ благословеннаго Христа, каковые мы и должны переносить ради Него; о, братъ Левъ, запиши, что въ этомъ будетъ совершенная радость.» Какъ просто, и по человѣчески! Какъ трудно зимой голоднымъ, холоднымъ, оскорбляемымъ! Сколь это древняя, и вѣчная исторія. Здѣсь она лишь возведена на высоты христіанскаго смиренія.

Такъ читаешь, и мечтаешь въ тихой читальнѣ отеля «Джотто», выходящей на долину Тибра. Невидимо идетъ время, очень легко, свѣтло, но это вообще свойство Ассизи — давать жизни какую-то музыкальную, мечтательную прозрачность. Поистинѣ, духъ монастыря, самаго возвышеннаго и чистаго, сохранился здѣсь. Кажется, тутъ трудно гнѣваться, ненавидѣть, дѣлать зло. Здѣсь нѣтъ богатаго красками, яркаго зрѣлища жизни. Тутъ если жить — то именно, какъ въ монастырѣ: трудясь надъ ясною, далекой отъ земной сутолки работой, посѣщая службы, совершая прогулки по благословеннымъ окрестностямъ. И тогда Ангелъ тишины окончательно сойдетъ въ душу, дастъ ей нужное спокойствіе и чистоту.

Среди вечернихъ прогулокъ Ассизи хорошо посѣщеніе крѣпостцы, разрушенной Rocca Maggiore, куда взбираешься по дикой кручѣ, среди камней и чахлыхъ кустиковъ. Rocca господствуетъ надъ Ассизи. Отсюда еще шире видъ, еще безмѣрнѣе воздушный, тихій океанъ, еще

ближе небо, столь близкое Святому; ближе орлы, парящіе надъ горою Субазіо, гдѣ у Франциска была пещера. Видъ пустынной и голой горы Субазіо говоритъ объ отшельничествѣ, о какихъ-то отрѣшенныхъ, отданныхъ одному Богу часахъ Святого.

Въ развалинахъ крѣпости мы встрѣтимъ — съ зонтомъ, пюпитромъ, красками, кистями все того-же художника «съ ванъ-диковской бородкой», котораго нѣкогда видѣлъ Гоголь въ Римѣ, и который нынѣ живетъ въ отелѣ «Джотто». Онъ что-то нервно, «геніально» пишетъ. На него взглянешь, станетъ грустно. Сколько этихъ «художниковъ» разсѣяно по Италіи, и гдѣ-гдѣ не видѣлъ вотъ такихъ-же шляпъ, галстуховъ, измазанныхъ куртокъ! Богъ искусства требуетъ все новыхъ, новыхъ, никому невѣдомыхъ жертвъ, чтобы изъ тысячъ ихъ дать одного Джотто.

Другой путь изъ Ассизи внизъ. Когда садится солнце, выходишь изъ воротъ S. Pietro, и мимо виноградниковъ, воздѣланныхъ полей, спускаешься въ долину. Справа монастырь св. Франциска. Отсюда видны огромные столбы со сводами, «субструкціи», на которыхъ покоится зданіе. Они напоминаютъ нѣсколько аркады римскихъ акведуковъ. Блѣдно-лиловѣютъ и розовѣютъ въ закатѣ дальнія горы. Долина начинаетъ чуть туманиться. Въ монастырѣ, и въ S. Pietro мелодичный, слабый перезвонъ, столь знакомый передвечерній Angelus.

Встрѣчаешь по дорогѣ крестьянъ, возвращающихся съ работъ. Они имѣютъ утомленный видъ, но съ отпечаткомъ того изящества и благородства, какой покоится на земледѣльцѣ Италіи. Почти всѣ они кланяются. Я не вижу въ этомъ отголоска рабства, и боязни. Некого здѣсь бояться; и не предъ скромнымъ пилигримомъ, странникомъ по святымъ мѣстамъ унижаться гражданину Умбріи. Мнѣ казалось, что просто это дружественное привѣтствіе, символъ того, что въ странѣ Франциска люди другъ другу братья.

Такъ идутъ дни въ Ассизи — легко, бездумно, какъ свѣтлыя облака — и такъ же невозвратно уплываютъ. И въ одно солнечное утро у отеля «Джотто» веттуринъ, наши вещи погружены, и, пощелкивая бичемъ, итальянецъ везетъ насъ внизъ, по неровнымъ плитамъ Ассизской мостовой, завинчивая слегка свой тормазъ. Нашъ путь — мимо знакомой намъ св. Маріи Ангельской, чрезъ полотно желѣзной дороги, по плодоносящей, фруктообильной долинѣ къ Перуджіи. Ассизи остается сзади. Вотъ прилѣпилось оно къ своей горѣ, какъ священное гнѣздо. Долго видны его кампаниллы, стѣны, огромныя субструкціи монастыря. Солнце сегодня яркое, и яркія, голубоватыя тѣни облаковъ бѣгутъ по рядамъ яблонь, спѣлой пшеницѣ и гирляндамъ виноградниковъ, по бѣлому шоссе. Ассизи окунается въ свѣтло-голубѣющій туманъ.

Pero chi d'esso loco fa parole,
Non dica Ascesi, chè direbbe corto,
Ma Oriente, se proprio dir vuole.

Мало, для Данте, сказать: Ассизи. Говори — Востокъ, Восходъ, откуда солнце нѣкое взошло надъ міромъ.

Невдалекѣ отъ Перуджіи, куда легко катилъ насъ нашъ возница, есть этрусскій ипогей; мы заѣзжали туда. Это древнія этрусскія гробницы въ холмѣ, темныя пещеры, которыя проводникъ освѣщаетъ факеломъ. Тамъ бѣлые, каменные саркофаги, на крышкахъ которыхъ, какъ обычно въ этрусскихъ погребеніяхъ, возлежатъ умершіе. Они въ спокойныхъ, важныхъ позахъ, полуоблокотясь; иногда это цѣлыя семейныя группы. Какъ всегда смерть въ античности — здѣсь она покойна, очень важна и строга. Она дѣйствуетъ, она возвышенна. Но вспоминая недалекое Ассизи, понимаешь яснѣй разницу въ смерти у язычниковъ, и христіанъ. Для этруска *весь* этотъ міръ ушелъ уже, и нѣтъ надежды, остается каменное изваяніе, слабая попытка задержать вѣчность, закрѣпить въ ней мимолетный образъ. Отсюда строгость, и печаль. Для Франциска-же смерть,

сколь ни горька она (самъ Святой умиралъ мучительно) — есть разрѣшеніе, лишь пріобщеніе мірамъ свѣтлѣйшимъ, высшимъ, самому Христу. И его радость солнцу, птицамъ и природѣ — радость откровеніямъ Божественной высоты, нѣкоего райскаго состоянія, куда былъ онъ «восхищенъ» во время трапезы со св. Кларой. Жизнь его была непрестанное «восхищеніе», доколѣ Смерть не восхитила его къ высшему истоку сущаго — Божеству.

Хорошо жить въ Ассизи. Смерть грозна, и страшна вездѣ для человѣка, но въ Ассизи принимаетъ очертанія особыя — какъ-бы легкой, радужной арки въ Вѣчность.

Сельцо Притыкино, дек. 1918 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ

	Стр.
Венеція	9
Генуя	17
Флоренція	25
Сіена	55
Фьезоле	63
Пиза	68
Май въ Віареджіо	75
Римъ	83
Рождество въ Римѣ	139
Riviera di Levante	147
Ассизи	169

Типография Оскар Брандштеттер Лейпциг.

3083

PG
3470
Z23
1922
kn.7

Zaĭtsev, Boris Konstantinovich
Sobranie sochineniĭ

PLEASE DO NOT REMOVE
SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO
LIBRARY